

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

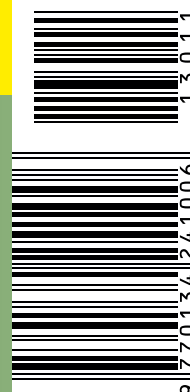
11 (677) ноябрь, 2013

Богата земля Уральская

ЛУКОМОРЬЕ – ГДЕ ОНО?

ДЫРА ВО ВРЕМЕНИ

АВТОМОБИЛЬ
ДЛЯ ТУРИЗМА

9 770134 241006 13 011

Ноябрь 2013

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –

Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, Е.Г. Ямщикова

Литературный консультант – В. Абоян.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Пращкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
- Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

в республике Татарстан

- Борис Тканев, Председатель отделения РГО в ХМАО
- Виктор Христовский, Председатель Курганского ро РГО
- Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке: Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2013 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №11 (677), 2013.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставленные материалы и иллюстрации, обремененных правами третьих лиц. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Встречный ветер

Природные парки

А.АКБУЛАТОВА
Путешествие в край загадок и тайны... 8

Экспедиция

И.КУЗНЕЦОВ
Где находится Обдора и куда исчезла Лукомория?..... 16

Безопасность

А.ЛЯЛИН
Шины для бездорожья ... 34

Экспедиция

И.РЫСИН
К изданию атласа Удмуртской Республики 37

Экспедиция

Е.ШУБНИЦИНА
Дыра во времени 42

Река времени

Далекое-близкое

Ю.ВЛАДИМИРОВ
Ошибка Александра Гумбольдта 3

Никто не забыт?

И.ГЛАДКОВА
Белые розы под гильотиной ... 20

В мире прекрасного

А.МОЛЧАНОВ
АртВзгляд Андрея Елецкого 26

Тропой поиска

Н.ПАРТАНОВ
Топор обских угров 30

Экспедиция

По «Блиновскому кольцу» 32

Журнал в журнале

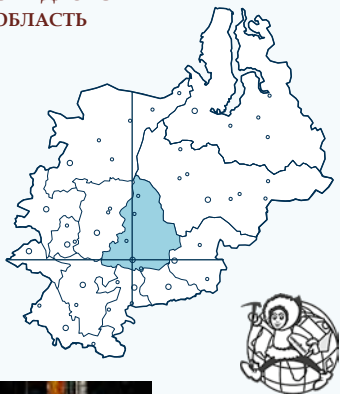
Ошибка Александра Гумбольдта

Посвящается светлой памяти гидрогеолога В. В. Блумберга и гидролога Г. Н. Орлова

Озеро Шарташ — любимое место отдыха екатеринбуржцев. Словно в чаше из гранита, оно возвышается на 2–5 метров над окружающей территорией. Но немногие знают, казалось бы, невероятное: 180 лет назад воды озера были сброшены в р. Пышму, а на его месте осталась небольшая озерина с прилегающей заболоченной территорией. Событие это тесно связано с Березовским золотым рудником, где 268 лет назад было впервые в России найдено золото.

► Александр Гумбольдт

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юрий Владимиров

Родился в Кировской области, в семье агронома. Окончил Ленинградский гидрометеорологический институт. Работал на изысканиях в верховьях р. Камы, в Приморском крае, на Северном Урале. С 1962 г. — ведущий гидролог Уралгидроэкспедиции. Мемуарные очерки и статьи печатались в «Уральском следопыте», «Урале», «Юном натуралисте».

▲ Группа гидрологов и гидрогеологов Березовского участка. Верхний ряд (слева направо): Л.Г.Докина, З.И.Баева, А.И.Иванов, В.В.Блумберг; нижний ряд: А.Л.Баранников, Э.К.Бурнашев, В.И.Мартынова, А.И.Шестакова. 1975 г.

▲ Группа гидрологов Уралгидроэкспедиции. В верхнем ряду в центре — Г.Н.Орлов

В мае 1745 г. житель деревни Шарташ старовер Ерофей Марков в выкопанном им шурфе в поисках цветных поделочных камней для продажи нашел кварцевую плитку с крупинками какого-то незнакомого желтого металла. В лаборатории главных заводов Ека-

теринбурга в находке выявили частицы самородного золота. В тот же день проверка на месте горным инженером подтвердила открытие. Сейчас на месте находки, что метрах в 300 от русла р. Пышмы на дороге Екатеринбург — Реж, установлена высокая гранитная стела.

Был сломлен психологический барьер: значит, золото в России есть! И, как цепная реакция, драгоценный металл начали находить и в других

районах Урала, а затем и в Сибири. В России разразилась настоящая золотая лихорадка.

В долине р. Березовки ведется детальная разведка, одновременно строятся камнедробильный и золотопромывающий заводы, и в 1757 г. с рудника в Санкт-Петербург уходит первый пуд золота (пуд — это 16 кг), добытый в России. За первые пятьдесят лет работы рудника поднято 360 пудов. В 1804 г. на месторождении работает уже 64 мелких казенных и частных рудника. Право на добычу золота дают только лицам привилегированных сословий.

Но по мере проходки горных выработок вглубь ниже уровня грунтовых вод водопритоки резко возрастали и вскоре стали основным бичом золотодобытчиков. И вся дальнейшая история отработки Березовского месторождения есть история тяжелой борьбы с подземными водами.

В то же время, с ростом добычи золота на р. Березовке, не стало хватать воды для промывки руды в меженные периоды года. Поэтому в 1754 г. в среднем течении реки построили плотину и образовали пруд. А в 1756-м от северо-восточной части озера Шарташ были пройдены штольня и канава, по которым озерные воды поступали в р. Березовку. Но через несколько лет канава заилилась, и сток по ней прекратился. Для пополнения ресурсов р. Березовки и одновременно для осушения шахт с 1757-го по 1799 год в гранитах были пройдены три вассерштольни длиной

от 700 до 4203 м. Все эти меры позволили частично осушить рудные залежи до глубины 12,8 м ниже уровня вассерштолен.

Но, когда горные выработки пошли уже ниже отметок уровня р. Березовки, пришлось искать другие способы борьбы с водопритоками. Первая водоотливная паровая машина заработала на руднике в 1810 г., ее внедрил английский механик Иосиф Меджер. Но установка съела за год 5 тыс. сажень дров, что грозило извести на топку все ближайшие леса.

Нужны были какие-то новые коренные меры борьбы с подземными водами. Основная группа горных инженеров рудника склонялась к мнению, что причиной обводнения шахт являются воды озера Шарташ, граничившие на северо-востоке с водосбором р. Березовки. По их мнению, сброс вод озера позволил бы навсегда покончить с проблемой осушения рудника. Но другая часть горных инженеров, возглавляемая штейгером Львом Ивановичем Брусницыным, не была согласна с таким мнением. Талантливый инженер рассуждал просто и логично:

озеро Шарташ со всех сторон окаймлено полосой болот. Если бы озерные воды действительно питали горные выработки, то в первую очередь были бы осушены эти ближайшие болота.

Вот в это время борьбы двух мнений и приехал на Урал знаменитый немецкий ученый с мировым именем Александр Гумбольдт, приглашенный императором Николаем II как личный гость для консультаций при решении на местах важнейших хозяйственных и научных проблем. Уральцам представилась редкая возможность проконсультироваться с высшим научным авторитетом. Везде, где Гумбольдт давал свои рекомендации, практика в дальнейшем их подтвердила.

Высокий гость ехал на специально сработанных в Германии по заказу России трех каретах. Его сопровождали два ученых, камердинер и повар. На каждой почтовой станции — полная смена 15–20 лошадей. Охрана из казаков. Как почетному царскому гостю, ему

► Памятный обелиск на Режевском тракте

по пути следования был оказан поистине царский прием.

На Урале ученый имел несколько рекомендуемых для консультаций объектов, важнейшим из них был Березовский рудник с его высокой обводненностью. Гумбольдт сразу же включается в работу. После трех дней напряженного труда на месторождении: пешего осмотра окрестностей, берегов озера Шарташ, спуска в горные выработки, ознакомления с имеющимися геологическими материалами, разрезами, планами, топографической основой и учета разных мнений, — Гумбольдт сделал вывод, что все граниты здесь «...разбиты на горизонтальные довольно тонкие пласты, которые вертикально пересекаются глубокими трещинами...» и что озеро Шарташ покоится в ложе таких же трещиноватых гранитов. Пласты гранитов падают круто и простираются с юга на север и на глубине тесно связаны с золотоносными жилами березовских рудников. В итоге Гумбольдт поддержал сторонников спуска озера, считая, что обводненность рудника обусловлена, прежде всего, просачиванием шарташских вод.

В декабре 1829 г. в Екатеринбург из Санкт-Петербурга приходит приказ: «... согласно рекомендациям Гумбольдта, приступить к реализации проекта осушения озера Шарташ». Это положило конец всем спорам. В июле 1832-го в северной части озера была закончена дорогостоящая проходка

в гранитах штольни глубиной 5 м, вырыты отводные каналы, и вода из Шарташа пошла по руслу речки Калиновки в р. Пышму. Уровень в озере упал почти на 5 метров, а площадь его поверхности сократилась в 16 раз, и на месте краевца озера осталась, как писал в то время краевед Н.К. Чупин, «маленькая илистая озерина».

А управитель Березовских золотых приисков Г.М. Окладных сообщает в Санкт-Петербург: «Приток вод в рудник не уменьшился, а в колодцах, находящихся вблизи озера со стороны рудника, вода не понизилась».

Случился полный конфуз!

В последующие годы, особенно в советское время, было немало публикаций об «ошибке барона Гумбольдта», но о том, где же кроется истинная причина высокой обводненности горных выработок рудника, никто не мог сказать ничего определенного. Лишь в 1977 г., после завершения разведочных работ Уралгидроэкспедиции, в этом вопросе была поставлена точка.

А штольню и каналу, по которым сбрасывали озерные воды, постепенно затянуло илом, их закидали землей, озеро стало заполняться водой, и к 1873 г. уровень восстановился до прежних отметок.

С началом Гражданской войны на Березовских рудниках добыча золота практически прекратилась. Откачка воды из подземных выработок не велась, и шахты были затоплены. Лишь в 1933 г. воды откачали, и началось новое бурное развитие рудника. В 1934 г. была пущена на р. Пышме мощная электростанция. К 1939 г. на руднике на-

считывалось 70 мелких шахт. В 1951 г. вступила в эксплуатацию шахта «Южная» с отработкой горизонта 112 м. С 1970-го ведется подготовка шахты «Северная» (горизонт 512 м). В эти годы суммарный шахтный среднегодовой водоотлив колебался от 410 до 520 л/сек.

Такой была обстановка на руднике, когда Уралгидроэкспедиция в 1971-м приступила к изучению шахтного водоотлива с целью использования его для технического водоснабжения города Березовского.

Старшим гидрогеологом Березовского участка был назначен многоопытный инженер Витольд Вольдемарович Блумберг (мы звали его Виктор Владимирович), большой труженик с немецкой аккуратностью и требовательностью. Его верными помощниками были гидрогеологи Нина Андреевна Евсеева, Надежда Александровна Павлова и Вера Ивановна Мартынова. Гидрологическими работами командовал на участке старший инженер Георгий Николаевич Орлов, опытный и талантливый специалист.

Полевые и камеральные работы выполнял в разное время коллектив специалистов-гидрологов: Л.Г. Докина, Л.В. Невзоров, Э.К. Бурнашев, З.И. Бавева, А.С. Абрамов, А.И. Шестакова, А.А. Банников, И.Г. Ширяева, Н.В. Назаренко.

Основной объем гидрогеологических и гидрологических работ выполнялся на поверхности, а часть — непосредственно в горных выработках. По длине р. Березовки были организованы водпосты, что позволяло проследить сокращение стока реки. Гидроло-

▼ Сброс подземных вод от шахты «Южная»

ги и гидрогеологи для контроля периодически спускались в шахты и делали замеры расходов стока подземных вод непосредственно в канавах горных выработок, где сток был более устойчив во времени и колебался по сезонам года.

По данным режимных наблюдений гидрогеологов за уровнем подземных вод на сети скважин было установлено, что воронка депрессии охватывает не только бассейн р. Березовки, но и часть левого берега р. Пышмы. То есть русло реки оказалось «подвешенным», и часть речного стока в этих условиях поглощалась и питала шахтные воды.

По результатам замеров и расчетов, выполняемых с усреднением по пятидневкам в течение двух месяцев, величина поглощения в русле р. Пышмы составила 140 л/сек. Величину среднегодового поглощения стока из русла р. Пышмы получили расчетным путем равной 210 л/сек, используя динамику изменения водоотлива по сезонам из шахты Северной, расположенной в непосредственной близости от реки.

В период проведения изысканий в 1971–1976 гг. гидрогеологическая обстановка на месторождении в корне отличалась от той, что имела место в 1832 г., когда было установлено, что воды озера Шарташ не имеют никакого отношения к водообильности Березовских шахт. Путем балансовых рас-

четов за многолетний период было установлено, что озеро по-прежнему не влияет на водообильность шахт.

Когда расшифровали источники формирования шахтного водоотлива за этот период, то оказалось, что половина их приходится на воды реки Пышмы. Значит, опасность Гумбольдту следовало ожидать не с юга, со стороны озера Шарташ, а с противоположной стороны, с севера? Но так ли это?

Вернемся в 1829 год. Природные и техногенные условия тогда существенно отличались. По сохранившимся архивным сведениям, глубина проходки многочисленных на Березовском месторождении горных выработок не превышала 25–30 м, а суммарный водоотлив с учетом имеющихся примитивных средств не мог превышать 100 л/сек. В этих условиях основным источником питания шахтных вод рудника могли быть только собственные воды р. Березовки, а не воды р. Пышмы и тем более озера Шарташ.

Если бы поставленную перед Гумбольдтом задачу решал в наши дни вооруженный современными знаниями молодой специалист-гидрогеолог или гидролог, то он дал бы ответ не отходя от рабочего стола.

Каждому человеку свойственно ошибаться, даже академику. И пусть эта единичная ошибка не заслонит все то многое, важное, что сделал для

России, для человечества этот великий человек.

Но закончим повествование, как и начали, с тревоги за судьбу озера Шарташ. Нет, никто не собирается снова сбрасывать его воды. Тревога заключена в другом. С каждым годом городские застройки все плотнее приближаются к прибрежной зоне, давно застроена частным жильем северная часть водосбора озера. И техногенная нагрузка на водоем имеет тенденцию к увеличению.

Озеро мелкое, его средняя глубина 3,5 м, и оно быстро прогревается. Для купанья отдыхающих это, конечно, хорошо. Но теплая вода, особенно когда она не чистая, быстро «зацветает». Пышно разрастается водная растительность. С холодами все это гибнет и ложится на дно, где гниет, уплотняется, превращается в ил (сапропель). За многовековую историю озера слой скопившегося ила составляет в настоящее время в среднем 3 м, а в глубоких местах до 6 м. А это значит, что половина объема чаши озера занята не водой, а илом. Нужна чистка озера от основной массы скопившегося ила.

Может быть, инициативная деловая группа предпринимателей-патриотов города при финансовой поддержке городских властей возьмется за осуществление этого полезного, а возможно, и экономически выгодного проекта? **УГ**

«И потому познавший камень
Движенья времени постиг
И от общения с веками
Дороже ценит каждый миг...»

Кондратковская Н.Г.

Путешествие в край загадок и тайны

Встречный ветер

Школьные воспоминания о необыкновенной красоте Мурадымовского ущелья давно стерлись из памяти. Да и что мы могли помнить — одну пещеру у самой вершины горы с очень узким проходом да уникальную красоту окружающей местности — гор, скал, извилистой речушки, которую несколько раз переходили вброд... Поэтому я обрадовалась возможности посетить с друзьями Мурадымово. И вот я со своими спутниками у входа в природный парк. Нас жда-

ли. Несмотря на обычный рабочий день, жизнь здесь бурлила — на стоянке много автомобилей, кругом сновали туристы — организованными группами, семьями, небольшими компаниями. Местечко с незапамятных времен изменилось: появилась неплохая дорога (как раз тяжелая техника работала). Повсюду построены новые элементы бытовой сферы и места отдыха, такие как беседки, оборудованные спуски к реке, туристические и экологические тропы, туалеты, «лесная ме-

бель», места для палаток, гостиница, торговые точки, туристические базы.

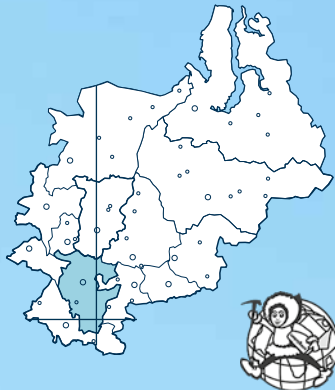
Такой прогресс у наших соседей не удивителен, ведь уникальность геологических и спелеологических объектов природного комплекса, гармоничное сочетание лесов, степных участков, скальных выходов, каньонов привлекают к этой территории внимание большого числа туристов: жителей района, Башкортостана и России. Более того, в геологическом отношении Мурадымовский природный

Альвира Акбулатова

Член Союза журналистов республики Башкортостан, главный редактор газеты «Зианчуринские зори».

БАШКОРТОСТАН

комплекс имеет мировое значение. Обнаженность местных горных пород сочетается здесь с редко встречающимися и хорошо сохранившимися экземплярами окаменелой фауны нижнепалеозойского возраста. Специалисты выделяют значительное развитие карста, наличие старовозрастных лесов, крупных пещер с множеством залов, гротов и т.д. На территории природного парка имеется 46 (сейчас открыт еще десяток, как сказали экскурсоводы) пещер. Это самая высокая концентрация пещер на Урале.

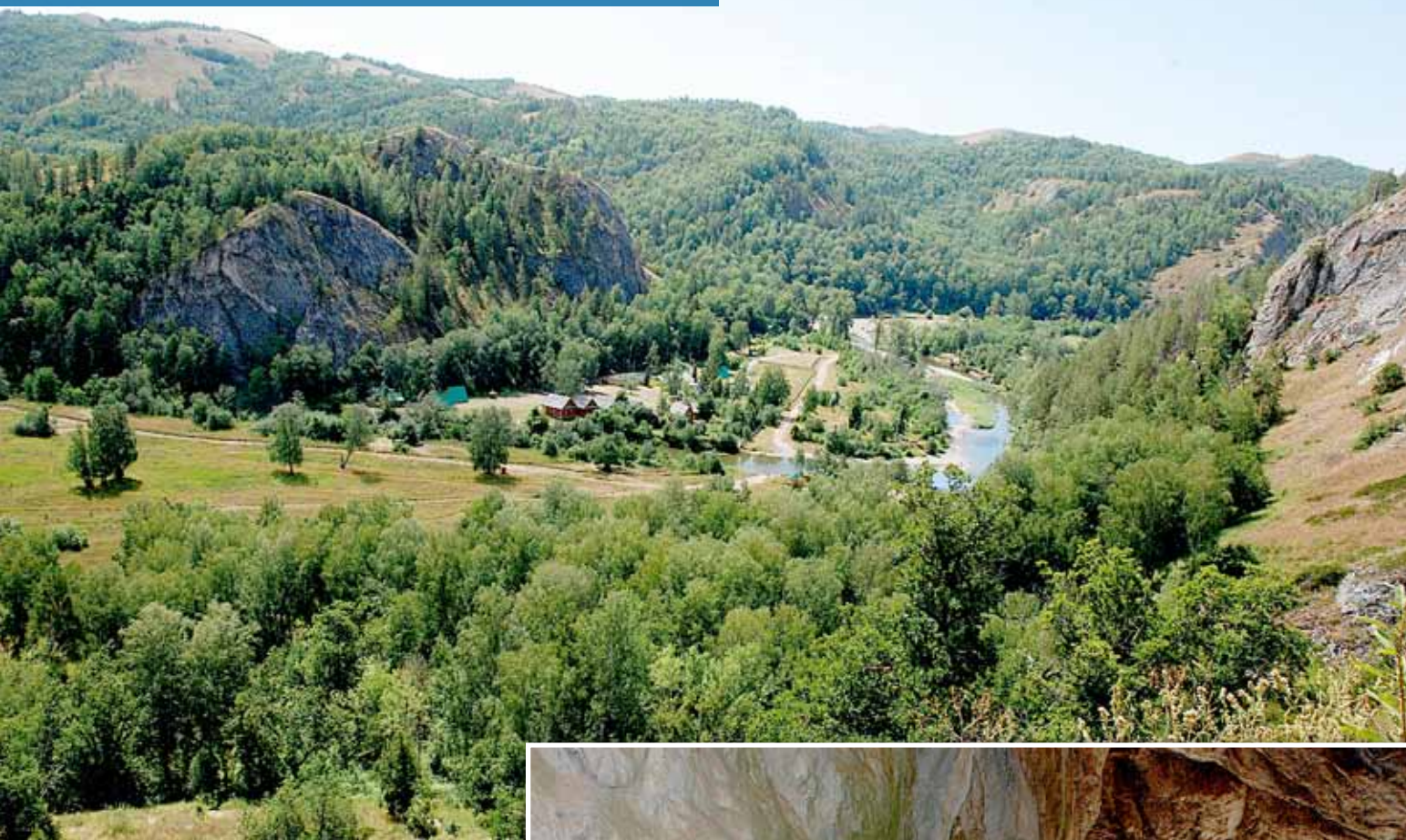
Природный парк «Мурадымовское ущелье», расположенный на территориях двух районов — Кутарчинского и Зилаирского — Республики Башкортостан, включает в себя участок долины реки Большой Ик выше деревни Мурадымово. В местных живописных скальных выходах обнажаются рифогенные известняки нижнего, среднего и верхнего девона, которые продолжаются от этого места до реки Малый Ик и далее на север. Именно в этих местах такой знакомый нам Ик «пропиливает» девонские из-

вестняки, образуя крутые, почти отвесные обрывы высотой до 100 и более метров, открывая их нашему взору. Рай для туристов, увлекающихся художественной фотографией. Следует иметь в виду, что Урал — единственное место на территории России, где обнажаются известняки, образованные мощными барьерными рифами некогда обширного девонского моря. Аналогичные известняки известны лишь в Гарце, на территории Германии.

Ну а нам надо дальше, мимо многочисленных стоянок, костров с дымящимися супами, пловыми, мимо резвящихся детей, рыбаков с удочками, кафешек... Туда, ближе к пещерам. К слову, автомобили сюда пропускают далеко не все — природный парк. Как нам объяснили, в связи с большим потоком туристов на личных автомобилях для уменьшения отрицательного воздействия техногенного фактора в прошлом году был введен запрет на проезд машин. При этом местные предприниматели быстро откликнулись на данный запрет по-своему, предложив к услугам туристов перевоз багажа на гужевом транспорте. Нам довелось наблюдать, как некоторые из туристов предпочитали идти пешком, а другие усаживались в видевший виды «пазик» парка, конечно, за оплату.

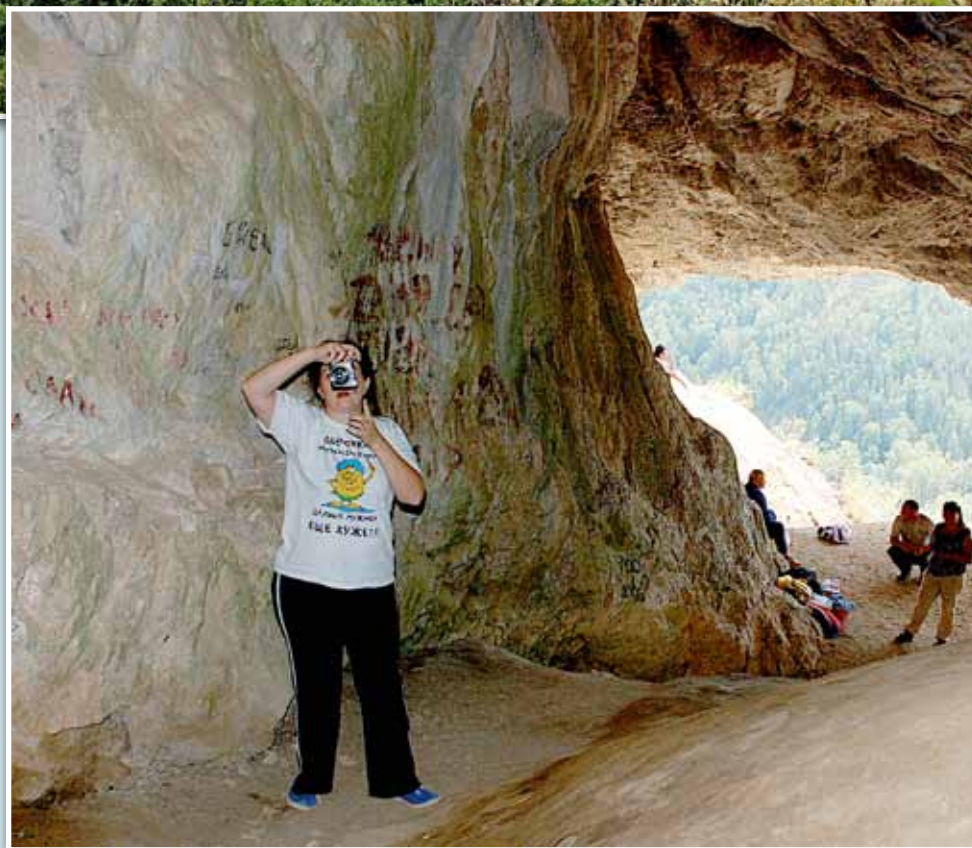
И вот мы у подножия величественной горы, на самом вершуре которой и находятся две пещеры. В одной из них обнаружены настенные рисунки первобытных людей. К пещерам вел крутой скалистый подъем, от видов, открывающихся взору, захватывало дух. Как же все-таки прекрасен наш край, сколько поэтичных легенд можно сложить и у нас про прекрасные реки, ручьи, горы, озера! Но над этой приманкой для туристов еще надо много потрудиться. Далеко еще местным предпринимателям до искусственных акул туристического бизнеса. Радует, что сделаны хотя бы первые шаги в эту сторону. Сколько мы на своем веку видели ярких иллюстраций того, как из лобной ерунды можно устроить доходный туристический аттракцион. А здесь есть из чего — позаботилась сама природа!

Итак, главные достопримечательности парка «Мурадымовское ущелье» — это пещеры с настенными рисунками первобытных людей, кальцитовыми натечками, которые имеют высокую научную, культурно-историческую и эстетическую ценность. Пещеры имеют разную длину — от десяти до двух тысяч метров. Каждая из них по-своему уникаль-

на и удивительна. Наиболее известны три пещеры: Старомурадымовская — пещера с древнейшими рисунками наших предков, Новомурадымовская пещера с завораживающими своей красотой кальцитовыми водопадами, сталактитами и сталагмитами, и грот Голубиный, который находится на высоте 102 метра над уровнем реки. В последний и лежал наш путь.

Высокий полог над входом в Голубиный — «балкон», парящий над ущельем, — открывал на самом деле дивный вид. Удобное место для древних людей, вынужденных искать убежище от осадков, ветра, нападения хищников. Хотя следы своей деятельности — рисунки — они оставили в другой, расположенной чуть ниже и левее пещере. Оторопь брала, наверное, всякого, кто по-пластунски протискивался сквозь узкий и неудобный проход внутрь. Некоторые не рисковали идти дальше. Преодолев «шкуродер», мы попали в большой зал. Темнота, холод, сырость, беспорядочное нагромождение камней — словом, все составляющие. Еще один узкий, ведущий на подъем лаз, и мы входим в зал. Фонари освещают загадочный подземный мир, выхватывая то причудливый натек в форме человеческой челюсти, то окаменевшую сосульку, то бисеринки искрящейся кап-

ли воды. Мы идем дальше. Потолок то поднимается на десятки метров, то заставляет ползти на четвереньках. Пол — мокрая глина, поэтому не удивительно, что все мы вымазались с ног до головы. Если ваше призвание — собирать грязь в подземном мире, то эта пещера вам подойдет. К слову, мной

не раз замечено: в каждой группе всегда находится человек, который, идя тем же маршрутом, что и все, умудряется не запачкаться. А как вы бы охарактеризовали такого человека?

Фотоаппарат с трудом фокусировался на объектах, мешала большая влажность, второй и вовсе отка-

заялся от участия в рабочем процессе. Наверное, мистики нашли бы тому свои причины. Было здесь что-то... Какое-то неуловимое чувство тревоги и страха. Впечатления одного из участников экспедиции: «И вдруг мне стало как-то не по себе, возникло неясное чувство тревоги. Дальше — больше, волнение нарастало. И вот я, который никогда не был трусом, трясусь весь, как осиновый лист. А чего боюсь, сам не знаю». Признаться, я и сама почему-то старалась не оказаться в хвосте нашей цепочки, поэтому выход в мир, на воздух, принес всем безотчетное облегчение. Здесь по-прежнему вокруг все щебетало, стрекотало и светило ласковое солнце.

Мы же направились чуть ниже и левее в Старомурадывовскую пещеру.

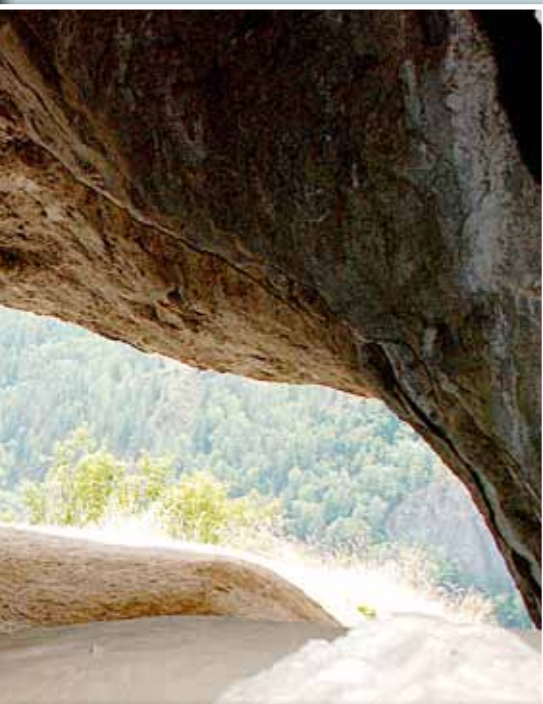
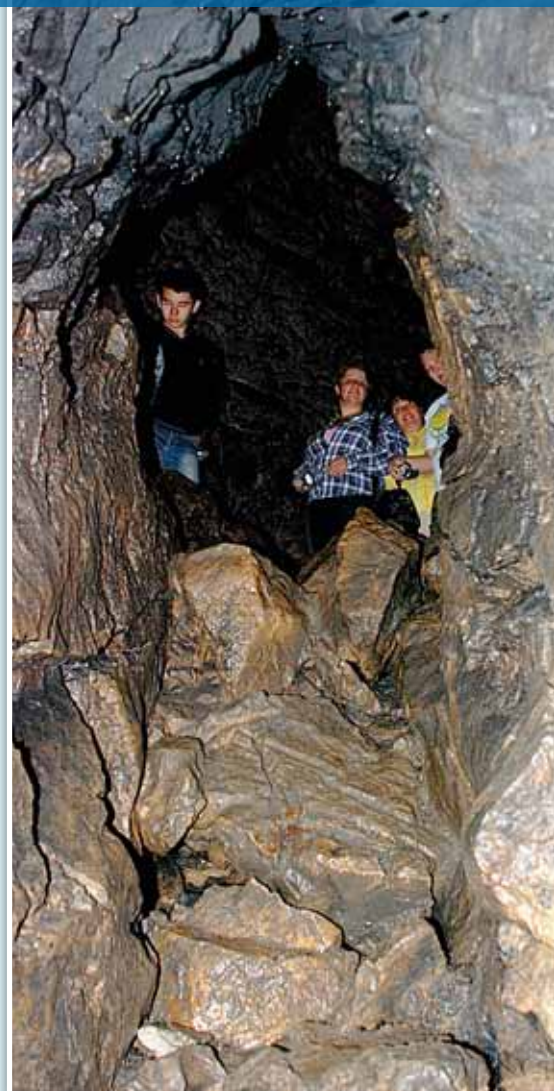
Здесь нас ждал экскурсовод, а мы — выхода очередной группы паломников из земных недр. Среди всех пещер природного комплекса особую известность приобрела именно эта. В ней в 60 метрах от входа на стене зала

красной охровой краской нанесены одиннадцать условно антропоморфных существ. В отличие от всемирно известной пещеры Шульган-Таш (Каповой), детально настенную живопись здесь, как нам сказали, никто не изучал. Раскопок в пещере не было, радиоуглеродный анализ не проводился, поэтому точный возраст рисунков неясен. Но, по рассказам экскурсовода, предположительно он определен восемью тысячами лет. Все это дает основание для получения новых научных фактов и открытий.

Надо сказать, эта пещера нас встретила более дружелюбно, не надо было протискиваться в узкие щели, хотя трудности имели место быть и здесь. Экскурсовод — паренек лет двадцати — указал на своды, местами черные от копоти. Подразумевалось, что это следы деятельности древних наших предков. Что они здесь делали — пещера хранит свои тайны. Но человечков они нарисовали, оставив нам, своим потомкам, гадать, что это — особый знак, прихотливая фантазия доисторического человека на досуге или метка «здесь был вась».

Старомурадывовская значительно протяженнее Голубинового. И путь здесь хоть и не особо тернист — легким не назовешь. В основном наша группа карабкалась вверх по валунам. Чередование объемных гrotов и узких проходов, причудливые формы рельефа — все это так привлекает любителей экстремального туризма. Продолжив путешествие, мы попадаем в большой гrot — каменный хаос, ледяное безмолвие напоминали фантастическую картину ада, описанную Данте в «Божественной комедии». И почему мы не оделись потеплее?

Любопытство, желание познать мир влекут в пещеру множество посетителей. Соприкасаясь с сотворенным за тысячелетия подземным миром, неразумный человек наносит ему значительный вред. В худшем случае — бездумно высекая свои имена и даты, разбивая и разбирая на па-

мять сталактиты, в лучшем — самим своим присутствием. Не обошлось без этого и здесь. И потому можно было только приветствовать решетки на входах, замки, круглосуточную охрану природных объектов. А ведь пещеры — часть природного наследия, удивительная и прекрасная часть естественных ландшафтов, над которыми природа трудилась веками. Сфотографировав имитацию древних рисунков (оригиналы находились дальше, в труднодоступном месте), мы развернулись в обратную дорогу. Отмечая для себя величественную красоту высоких сводов, подсвеченные нашими фонарями каменные серо-коричневые стены, глубокие ниши, интригующие своей чернотой и молчалием, лениво падающие со сводов пещеры крупные капли влаги, искрящиеся, как бриллианты чистой воды. Все еще впечатленные увиденным, мы спускаемся с горы, в чреве которой провели несколько незабываемых часов.

К слову, археологические находки не ограничиваются только вышеназ-

со скамейками, протянутые веревки — живи — не хочу) придал бодрости и сил. И, хотя на один день открытий и экскурсий было много, мы решили отправиться в следующую пещеру. Самую красивую и протяженную. И если та была Старомурадымовская, то эта Новомурадымовская. Так незамысловато назвали ее местные.

Мы перешли по мостику неглубокую в этом месте реку Ик. Чистоте и прозрачности воды здесь можно только позавидовать. Вскарabкались по железной лесенке вверх по крутому бережку. Дальше неширокая тропка повела нас к узкой расщелине между гор. Она медленно, но неуклонно влекла усталых путешественников вверх. Нас окружали почти отвесные стены скал, местами поросшие мхом, мы обходили громадные валуны, причудливые изгибы корней деревьев, продирались сквозь заросли растений. Дикие места. Каждый год вешние воды меняют рельеф этой местности, трудно представить, как выглядит эта расщелина весной, когда ущелье затопливает сердитый полноводный Ик. Об этом можно было догадаться только по косвенным признакам — уровню воды на деревьях и скалах.

ванными рисунками. В Старомурадымовской пещере и в гроте Голубиный, объяснили нам, обнаружены стоянки людей эпохи палеолита. Их описание пока ограничено, сами стоянки выделены только по находкам костей животных, сопровождаемых рассеянными углями или остатками очагов, без каменных изделий. Подобные находки, так же как рисунки эпохи палеолита, трудно переоценить. Их изучение только начинается.

Передохнув под сенью деревьев у подножия и налюбовавшись зарослями красивейших папоротников, к слову, древнейших растений на земле, мы двинулись дальше. Легкий перекус на «оборудованной» всем необходимым поляне (козтище, стол

Чем ближе к пещере, тем чаще нам стали встречаться группы туристов. И (оппаа!), к своему удивлению, мы вышли на полянку с небольшим домиком. И как только сюда дотащили стройматериалы. Домик экскурсовода — а это был именно он — был оснащен всем необходимым. Нам предложили утолить жажду, фонарики, теплые куртки, сапоги, объяснив, что под землей очень холодно. Расположившись на скамеечках, мы ждем выхода очередной группы экскурсантов. Теперь нам предстоит спуск вниз по отвесной железной лестнице. В яме вход, перекрытый решеткой. Открытый замок на железной калитке выпустил партию оживленных и бодрых людей. Теперь наша очередь.

Каждая пещера удивительна и уникальна по-своему — в этом мы убедились еще раз, спустившись в эту, относительно недавно открытую. В лучах прожекторов вспыхивают и переливаются разноцветные огоньки, капли влаги, осевшие на потолке, сверкают перед глазами, подсветка усиливает эффект. Достаточно сказать, что в этой пещере бьют родники, превращающиеся в довольно полноводный ручей, текущий по дну прохода. Опять-таки в зависимости от количества вешних вод эту пещеру затопливает. Иногда почти полностью. Вода образовала множество интересных и живописных гротов, проходов, каким-то образом принесла с поверхности ветки, сучья и кору деревьев и даже небольшие стволы. Во многих залах поражают красотой натечные образования из кристаллов растворенных водой известняков.

Новомурадымовская пещера вместе с пещерой Водосбросовой составляет единую систему общей протяженностью около двух километров. Расширения ее хода, так называемые залы, столь специфичны, что имеют собственные названия. «Концерт-

ный зал» получил имя за возвышающуюся над всем белоснежную сцену (обрушившийся громадный пласт известняка) и великолепную акустику. Нам рассказали, что один из туристов, изучающих пещеру, прожил именно здесь в одиночестве несколько суток. Известковые натечки принимали настолько причудливые формы, образовывали скульптуры, рисовали такие полотна, что не нужно было даже большого воображения, чтобы увидеть нерукотворный барельеф Хозяина пещеры, арабскую надпись «Слава Аллаху» или портрет основателя деревни Мурадym — красивое, волевое лицо мужчины в расцвете лет. Это настолько поражало, что экскурсовод вынуждена была доказывать естественность происхождения нарисованных рукой самой природы картин.

Чем дальше мы продвигались, тем больше видели — отчетливую девичью фигуру, танцующую фигуру, «белоснежные водопады» — кальцитовые натечки, сосульки сталактитов и сталагмиты, напоминающие фигурки маленьких гномиков, «Спину дракона». Путь, кстати, все больше осложнялся. Крутые подъемы, опасные лест-

ницы. Спасибо экскурсоводу — девушка постоянно уточняла, в какую сторону повернуться, какую и куда ногу сподручнее поставить. Запомнился «змеиный проход» — наверное, такая норка у земляного червяка — гладкая, узкая и извилистая. А лучший способ его преодолеть — сесть и проехать вниз как по американским горкам. Что мы и сделали. И получили бы удовольствие, не будь протекающего по дну ручья. Впрочем, огорчились по поводу промокшей одежды мы преждевременно. Потому что потом всем было все равно. Чуть дальше мы вновь напились чистой подземной родниковой воды — ключ бил прямо у подножия одной из стен, и в дальнейшем пути нас уже (сначала неназойливо) сопровождало тихое журчание бегущей воды. Залы «Приют топографа», «Мечта геолога», «Отдых», красивые гроты «Каменный цветок», «Грот добрых фей». Спелеологи и туристы — поэтичные натуры, романтики. У всех исследователей и посетителей вызывало восхищение волшебное мастерство природы. Здесь было на что полюбоваться. Поразил «орган» (частокол сталагмитов) в одном из длинных узких коридоров — каждый посчитал своим долгом «поиграть на инструменте», проведя камешком по «трубам». Орган пел не умолкая. Ручей тем временем становился все полноводнее. И если сначала мы пытались карабкаться по валунам, рискуя каждую секунду загреть вниз (как же все-таки здесь опасно), то вскоре на пути к Водосбросовой нам пришлось встать на четвереньки. Теперь представьте, дорогие читатели, мелкая острая крошка камней, ледяные воды ручья — и мы ползем по дну таким детским паровозиком. Одно слово — туристы. Есть такая категория людей, которые удивляются: кому и зачем все это нуж-

но. Словами это объяснить трудно, поэтому я сразу перехожу к выводу — мне их очень жаль. А как объяснить то непередаваемое чувство, которое охватывает первооткрывателя от нового, неизведанного, от борьбы и преодоления, и победы, прежде всего, над собой. И еще человек через геологические, палеонтологические, палеоклиматические знания приходит к философскому осмыслению картины мира. К счастью, то, что много их (романтиков) еще осталось в наш прагматичный век, понимаешь именно в подобных местах. О, сколько нам готовят еще открытий чудных подобные чудесные уголки не изученной и не понятой нами до конца природы!

Мир, такой большой и прекрасный, раскрывается не каждому, а только тем, кто этого желает. Пока эти мысли мелькали в голове, мы доползли до конечной точки сегодняшнего маршрута — водосброса. Здесь наконец-то можно было выпрямиться в полный рост. Ручей закончился небольшим озерком, на поверхности которого плавала куча мелких веток, коры и корней деревьев. Почему оно не переливалось, не переполнялось — нам объяснили, что здесь действует принцип унитаза. Лишняя вода уходит. Были смельчаки, достававшие до дна этого природного сифона. У меня же вызвали опаску даже глубокие места в русле подземного ручья. Кто его знает, сколько метров глубины

вог у этой впадины. Теперь нам предстоял обратный путь, который, как известно, всегда короче. Дошли без приключений.

Мы поднялись по крутой железной лесенке. Вот и избушка, вокруг было уже малоллюдно и тихо. Парочка серых галок, примостившихся на березе и флегматично поглядывавших на нас, замерла в блаженной вечерней истоме, нисколько не пугаясь суеты непонятных людей.

...На поверхности нас встретило лето. Теплый, ласковый летний вечер. Усталость навалилась позже, когда мы уже отмылись от пещерной (лечебной?) грязи в теплых водах любимого Ика. Это уже закономерность, испытанная мной прежде не раз — в пещерах не устаешь, тяжесть, клонящая вниз, приходит потом. А под землей снимает стрессы, весь накопленный негатив, проходят головная боль и усталость. А ведь путешествие по пещерам — большая нагрузка для непривычного к ним организма. Впрочем, возможно, это чисто субъективное чувство.

Мы прощаемся с Мурадымовским ущельем, рассматриваем сделанные снимки — флешки загружены по полной. Нам дают дополнительные сведения, приглашают остаться на ночлег, поскольку многого мы еще не видели. В Ледовой пещере коридор круглый год покрыт слоем льда, достигающим полуметровой толщины, рассказывали нам. Пещера Волосая известна тем, что с потолка ее свешиваются корни растений, напоминающие длинные волосы. Вторая по протяженности пещера — Большая Лабиринтовая — представляет собой сложную вертикально-наклонную систему ходов, доступных только опытным спелеологам. Что говорить — мы видели лишь самую малую часть. Но неотложные дела зовут нас домой, и мы говорим этому прекрасному уголку нашей необычной родины «до свидания!».

Немного об истории

На территории России насчитываются десятки естественных и искусственных пещер, использующихся для проведения регламентированной экскурсионно-рекреационной деятельности и имеющих специальное оборудование, обеспечивающее безопасность посетителей, а также защиту объекта от несанкционированного доступа. Как раз в наш приезд здесь работала комиссия специалистов и ученых, изучающая условия, созданные для туристической деятельности, безопасности пребывания здесь людей.

Во всем мире признано, что использование пещер для массового туризма в коммерческих целях возможно лишь при условии их оборудования и сопровождения экскурсий просветительской программой. Становление экскурсионной деятельности в Мурадымове началось недавно. До этого все здесь было открыто для свободного посещения в любое время суток. Местное население о пещерах знало давно, недаром походы в Мурадымово стали непременным атрибутом проведения школьных каникул. И на свой страх и риск небольшое число продвинутых учителей-энтузиастов решалось на этот подвиг. А ведь в те времена не было ни систем крепежей, ни разработанных туристских маршрутов, ни, тем паче, экскурсоводов. А отвечать приходилось ни много ни мало — за жизнь и безопасность любознательных отроков, ищущих приключений.

Как все начиналось

В апреле 1995 года в Минприроды и ЧС РБ поступило письмо от администрации Кугарчинского района, в котором была выражена озабоченность в отношении судьбы известного в научных и туристических кругах отрезка каньонообразной долины реки Большой Ик, так называемого Мура-

дымовского ущелья. Природный комплекс оказался под угрозой значительного антропогенного пресса, в том числе со стороны животноводческих объектов. В связи с этим администрация района просила содействия в организации особо охраняемой природной территории.

В ответ Министерство направило в Кугарчинский район специальную комиссию, которой было поручено провести предварительное рекогносцировочное обследование территории и дать заключение. Комиссия установила, что в Мурадымовском ущелье и на прилегающей к нему территории площадью около 10 тысяч га имеется большое количество интересных спелеологических объектов. Главным образом, пещер, которые обладают научной ценностью, высокой степенью аттрактивности и полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к природным комплексам и объектам для придания им статуса особо охраняемых природных территорий с установлением на них особого режима охраны.

В состав комиссии вошли известные ученые: академик АН РБ М. А. Камалетдинов, академик АН РБ Т. Т. Казанцева, доктор биологических наук Е. В. Кучеров, доктор биологических наук А. Х. Мукатанов, а также пред-

ставители Кабинета Министров РБ, Минприроды и ЧС РБ, Минлесхоза РБ и администрации Кугарчинского района.

На заседании государственной комиссии было решено на месте Мурадымовского ущелья и примыкающей к нему территории организовать природный парк, который бы имел не только природоохранно-рекреационную функцию, но и определенную научную направленность. В июле 1997 года Президент РБ М. Рахимов выступил с заявлением на имя Почетного президента Всемирного Фонда Дикой Природы Его Королевского Величества Герцога Эдинбургского Принца Филиппа о поддержке Глобальной Кампании Фонда «Живая Планета». И в качестве дара Земле от Республики Башкортостан в числе других было провозглашено создание природного парка «Мурадымовское ущелье» на площади 23,6 тыс. га. 23 января 1998 г. вышло постановление Кабинета Министров Республики Башкортостан за №10 «О природном парке «Мурадымовское ущелье», окончательно утвердившее его образование. Таким образом, официальная дата создания природного парка «Мурадымовское ущелье» — 23 января 1998 года. Первоначальная площадь — 23586 га.

Где находится и куда пропала

Многим краеведам и историкам известно, что до строительства Обдорского острога (г. Обдорск, ныне г. Салехард) существовала земля Обдора. На современной карте мы уже не увидим названия, которые четко прописаны на картах 16-18 веков, вместо них современные территории: Ямало-Ненецкий автономный округ, Приуральский район, Надымский район, Шурышкарский район, Красноселькупский район... Для того чтобы понять, откуда произошли названия городов Обдорск и Мангазея, нужно заглянуть в прошлое и развернуть географические карты ушедших веков.

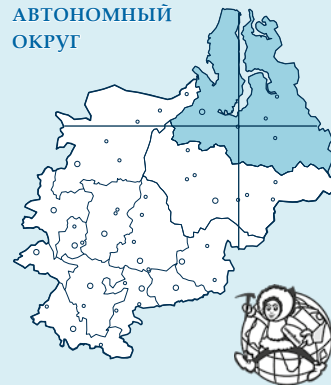

Обдора Лукомория?

Русское географическое общество представляет:
отделение в Ямало-
Ненецком автономном округе

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ
ОКРУГ

Игорь Кузнецов

Ученый секретарь регионального отделения ВОО «Русское географическое общество» в Ямало-Ненецком автономном округе. Организатор и участник многих экстремальных экспедиций по Крайнему Северу. Совместно с Игорем Шароватовым создал экспедиционную команду «Северный путь», которая уже несколько лет занимается исследованиями труднодоступных мест Ямало-Ненецкого автономного округа. Изучает историю Севера по архивным материалам России и других стран.

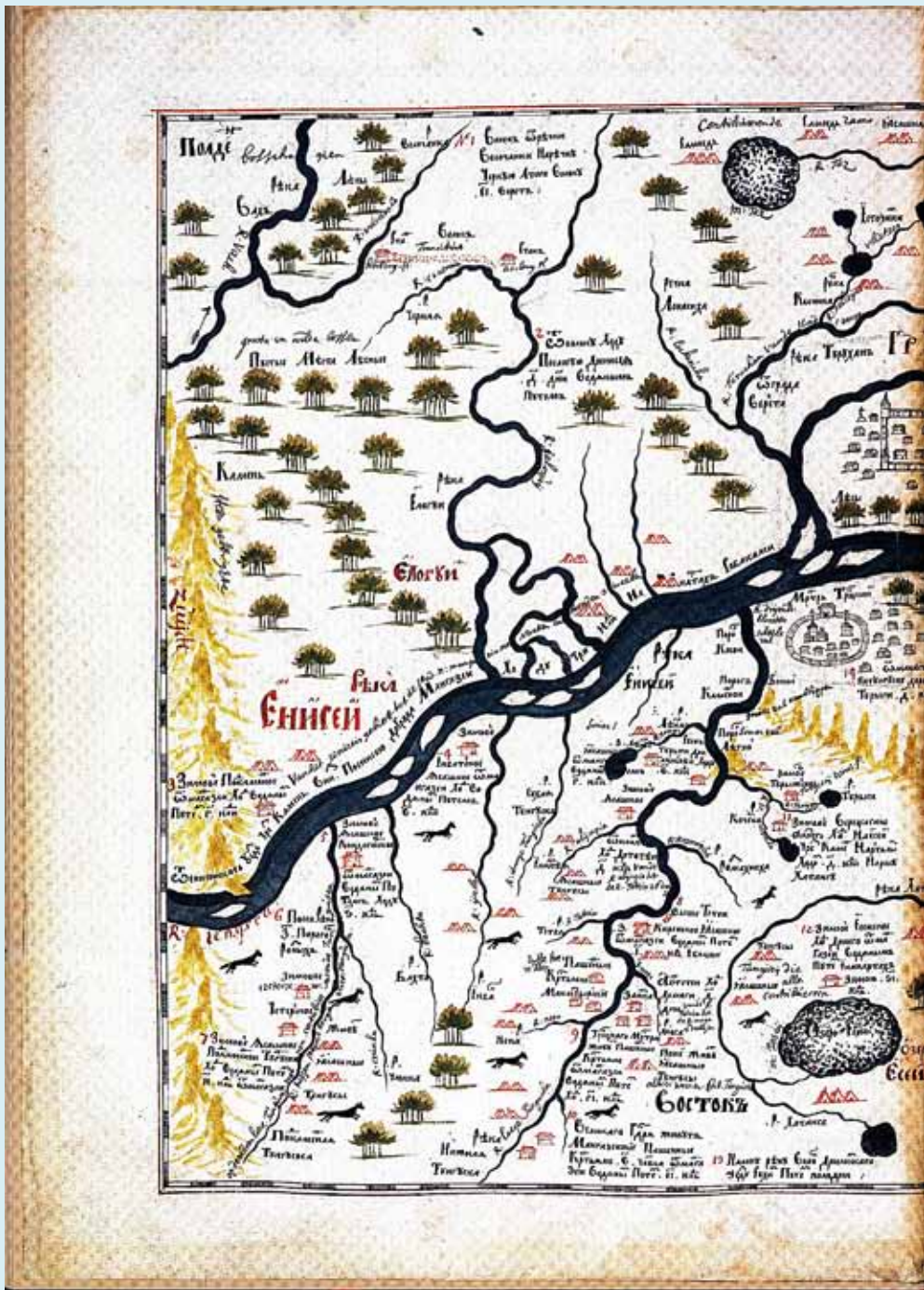
◀ Чертеж Земли Березовского города. Атлас С. Ремезова 1701 г.

Практически на всех западно-европейских картах 16–17 вв. Обдора находится на левом побережье низовьев Оби.

Кроме этого, на картах можно обнаружить название территории «Лукомория», которая расположена справа от Оби и Молгомзея, которая находилась северо-восточнее Лукомории. На картах обозначена Байда – местность Красноярского края около р. Енисей. В 1595 году был основан Обдорский острог на правом берегу Оби, где в настоящее время растет современная столица ЯНАО – г. Салехард. Название острога, несомненно, связано с древним наименованием земель – Обдора. Позже территория низовьев Оби была отнесена к Обдорской волости Березовского уезда, в которую вошли не только земли слева от р. Обь, но и справа. Исследователь истории Тобольского края А. А. Дунин-Горкавич писал: «Основание Обдорска было вызвано необходимостью защиты от инородческих набегов и для пресечения беспощинной и заповедной мены между поморскими торгашами и самоедами». Несомненно, что в 17 веке ключевыми опорными пунктами в торговле и охране земель были Березово, Обдорск и Мангазея.

С появлением Обдорска на земле, ранее называемой Лукоморией, упразднило название последней. (Вполне возможно, что если бы казаки назвали острог Лукоморском, то упразднилось название территории Обдора и мы сейчас вместо Лукомории на старых картах искали бы Обдору.)

Несомненно, что одним из памятников российской картографии является Чертежная книга Семёна Ремезова, вышедшая в 1701 г., которая составлена по указу царя

▶ Фрагмент карты России 1595 г.

◀ Фрагмент карты мира 1632 г.

Петра I. Начало 18 века – это время, когда Обдорск уже служил стабильным образованием, а город Мангазея на р. Таз (сейчас Красноселькупский район) прекратил свое существование и был перенесен на р. Енисей (Новая Мангазея). По Чертежной книге Ремезова можно хорошо рассмотреть территориальное отношение современного ЯНАО и севера Красноярского края к городам Березово и Турухан.

К Березово относились: часть современного Ханты-Мансийского округа и Приуральский, Ямальский, Шурышкарский, Надымский,

Пуровский районы ЯНАО. К Турухану относился современный Красноселькупский и Тазовский районы ЯНАО, северная часть Красноярского края.

Где же на карте Ремезова город Туруханск? Вместо него обозначен г. Новая Мангазея, который находился на этом месте (ныне с. Туруханск Красноярского края). К городу Туруханску также была отнесена территория Старой Мангазеи на р. Таз (ныне Красноселькупский район ЯНАО). В 1944 году Старая Мангазея вместе с Красноселькупским районом стала составной частью ЯНАО, ранее же Красносель-

▲ Чертеж земли Туруханского города. Атлас С. Ремезова 1701 г.

купский район относился к Туруханскому району Красноярского края.

На картах 1701 года сохранилось только одно название местности (из старых) — Обдора (которая, как и на западноевропейских картах, указана слева от Оби) и уже нет названий Молгомзея и Лукомория. При переносе со старинных карт названий местностей на современную наглядно становится понятно, что Обдора находилась на совре-

менной территории Приуральского и Шурышкарского районов (слева от Оби), Лукомория на территории Приуральского (правой части от Оби), Шурышкарского (правой части от Оби) и Надымского районов, Молгомзея на территории Пуровского, Красноселькупского и Тазовского районов ЯНАО.

С течением времени названиям свойственно меняться, это происходит по разным причинам: в результате улучшения административного управления, хозяйственной и торговой деятельности, транспортной схемы и др. На современной карте мы уже не найдем названий «Обдора», «Лукомория», «Молгомзея», но появились новые названия районов ЯНАО, к примеру: Приуральский (обозначающий территорию ЯНАО около Уральских гор), Ямальский (обозначающий территорию полуострова Ямал), Надымский (обозначающий местность р. Надым). Сейчас вряд ли кто-то назовет территорию ЯНАО Березовским уездом (термин вышел из употребления), потому что Березово территориально находится в Ханты-Мансийском автономном округе и связано совершенно другими хозяйственными и транспортными системами в отличие от того времени, когда был торговый путь на Мангазею в 17 веке.

Конечно, территориально Обдора, Лукомория и Молгомзея никуда не исчезали, были изменены названия в связи с более детальным разграничением земли в целях эффективности управления. Вероятно, совершенно иначе выглядела жизнь народов в древности на земле с прекрасным именем «Лукомория», но неизменным осталось одно — морская лука на Крайнем Севере России. **УС**

▼ Современная карта Ямало-Ненецкого автономного округа.

Белые розы

ОРЕНБУРГСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Инна Гладкова

Тележурналист, автор публицистических рассказов и эссе об истории Урала. Лауреат премии губернатора Свердловской области 2001 года за телесериал «Екатеринбургские тайны». Автор многих очерков в нашем журнале. В тандеме с ней работает ее супруг — **Эдуард Гильман**. Он — и первый дотошный читатель, и ответчик за иллюстративный ряд. Ныне супруги живут в Германии.

Иногда историческими поисками руководит интуиция. Порой оказываешься «в нужном месте и в нужное время». Надо же было мне в поисках старинной энциклопедии заглянуть в Центр русской культуры «Мир». Это весьма далеко от Урала — в Мюнхене. И в эту минуту туда зашел по своим делам немец Эрих Гугович Шморель, родители которого были выходцами из Оренбурга. Президент Центра Татьяна Лукина нас, почти земляков, любезно друг другу представила. Мы договорились встретиться еще раз. Тогда-то и поведал мне господин Шморель этот исторический детектив...

В поисках «Белой розы»

Южная Бавария. Февраль военного 1943 года. Престижный вуз Германии — Мюнхенский университет — осаждают следователи гестапо. Идут массовые аресты студентов, преподавателей. Допросы, обыски. За обещанное немалое вознаграждение ищут авторов, тех, кто по ночам пишет на стенах домов шокирующие власть лозунги: «Долой Гитлера!», «Гитлер — массовый убийца!». Кто и как посмел рассылать по всей Германии крамольные письма, к подъездам государственных учреждений подбрасывать дерзкие антивоенные листки, проносить их даже в университетские аудитории? Ищейки гестапо сбились с ног. А листовки, напечатанные на машинке и размноженные на небольшом тектографе, с новыми обличительными текстами продолжали будоражить город.

Неизвестные авторы были молоды и безумно храбры. Своим позывным они взяли прекрасный цветок — белую розу. Молодые горячие головы знали, ЧТО их ждет в случае провала.

Прочитаем одну из листовок «Белой розы»:

...Кто считал убитых: Гитлер или Геббельс? — скорее, никто из них. В России ежедневно гибнут тысячи. Это время урожая, и косарь со всего размаха врезает

ся в зрелое жито. Печаль приходит в родные дома, и некому вытереть слезы матери. Гитлер обманывает тех, чье самое дорогое он украл и отправил на бессмысленную смерть.

Каждое слово, исходящее из уст Гитлера, — ложь: если он говорит «мир», то подразумевает войну, и если он самым кощунственным образом упоминает имя Господа, то имеет в виду власть зла, падишего ангела, сатану. Его рот — это зловонная пасть преисподней. Его власть порочна в своей сути. Однако из любви к подрастающим поколениям по окончании войны их нужно наказать в пример другим, чтобы ни у кого никогда не возникло даже малейшего желания повторить содеянное. Не забудьте также мелких негодяев этой системы, чтобы ни один не ушел!

...Мы не молчим, мы — Ваша заблудшая совесть. «Белая роза» не даст Вам покоя!..

И казалось странным, что подполье объявилось не где-нибудь, а в том самом Мюнхене, в «партийной столице Рейха», где новый строй впервые показал свое звериное лицо.

Здесь родились, учились или работали Гитлер, Гесс, Геринг, Гиммлер, Гейдрих, Мюллер, Франк, Шахт. Этот список можно значительно продолжить.

В Мюнхене еще в ноябре 1923 г. нацисты попытались устроить государственный переворот, известный как «пивной путч». А когда в Берлине Гитлер пришел к власти, нацисты исполь-

◀ Александр Шморель незадолго перед войной

ПОД ГИЛЬОТИНОЙ

Иллюстрации предоставлены автором

▼ Семья Шморелей. Слева направо — Александр, отец Гуго, мачеха Елизавета, сестра Наташа и мл. брат Эрих

зовали Мюнхен в качестве модели будущей государственной машины, создали в нем тайную полицию безопасности (гестапо), партийный аппарат с различными структурами.

В пригороде Мюнхена на огромной территории возвели «показательный» для Германии, и не только для Германии, объект — будто бы гостиничный комплекс для иностранцев. Десятки гектаров были обнесены здесь глубоким рвом, глухой бетонной стеной с колючей проволокой под током и башнями-бойницами. А внутри — длинные ряды однообразных тюремных бараков, где узников сначала пытались сломать духовно, а потом истребляли физически самым технологически безотходным способом: морили голодом. С сентября 1939 года, когда Германия напала на Польшу, концлагерь стал активно пополняться евреями, поляками, чехами, словаками и другими представителями не арийской крови. Охрана едва успевала размещать заключенных. Со специального перрона, оборудованного в лесу,

их прогоняли через лагерные ворота, на которых крупно был начертан вполне гуманный лозунг «Arbeit macht frei» (Работа делает свободным). А значило это: «Оставь надежду, всяк сюда входящий!». Простые немцы и весь мир узнают об этом много позже, после разгрома гитлеровской Германии, а тогда, в начале 1943-го, все было строжайшей государственной тайной. И всякого рода страшные догадки населения, а тем более обличающую правдивую информацию об этом сурово пресекала разветвленная служба СС.

Степной ковыль

Приведем факты родословной одного из героев «Белой розы». Того, кто оказался по рождению практически нашим земляком.

Все началось с его дедушки. Карл Август Шморель родился в 1833 г. в Восточной Пруссии. Обучившись скорняжному делу, молодой человек решил поискать счастья в другой стране. В то время многие стремились в Россию: там была работа, свободная земля,

и людям казалось, что именно там они смогут наладить нормальную жизнь для своих семей. И Россия принимала иностранцев. В 1855 году в Россию поехал и Карл Август Шморель.

Поселился в степном скотоводческом районе, где за горизонт уходит безбрежная, в шелковом ковыле, степь: раздолье для овечьих пастбищ и коз (дающих знаменитый — оренбургский — пух), крупного рогатого скота и многочисленных конских табунов. В главном городе этого края — Оренбурге — несколько немецких семей открыли свое дело.

Карл Август начал скупать на скотобойнях шкуры, которые хорошо выдeldывал. Вскоре на Николаевской улице города открылся «Меховой магазин Карла Шмореля», а на противоположном берегу Урала — «Струнное заведение», где изготавливали струны для музыкальных инструментов и кетгут — шовный материал для хирургических целей.

Только дважды за свою жизнь Карл ездил на родину, в Германию,

чтобы выбрать себе спутницу жизни. Но так случилось, что первая и вторая его жены умерли от туберкулеза, оставив ему десять детей: четырех девочек и шесть мальчиков. Почти все носили русские имена: Иван, Мария, Анна... Все связали свою судьбу с Россией. Проследим за судьбой только одного — седьмого — ребенка из этой семьи, родившегося в 1878 году и названного именем Гуго.

Гуго Карлович Шморель вырос в Оренбурге, здесь окончил гимназию, но когда пришла пора выбирать профессию (отец к тому времени уже скончался), муж старшей его сестры Марии — Александр Оберлендер — поддержал юного родственника. За свой счет отправил его учиться медицине в Германию, в Мюнхенский университет. Однако практиковать молодой доктор все-таки вернулся в Россию. И успешно начал работу — ассистентом при университетской клинике внутренних болезней в Москве.

Россия была втянута в кровопролитную мировую войну. Страну сразу захлестнули антигерманские настроения. В Москве и Петербурге начались погромы магазинов и мануфактур германских подданных. Резко нарушился мирный уклад выходцев из Германии, формировавшийся столетиями. Словом, произошло то, что потом, при большевистском строе, равно как и в фашистской Германии, было доведено до шизофренического абсурда, когда пятая графа в паспорте определяла всю судьбу человека, становилась его трагическим клеймом.

Не обошла лихая волна и Гуго Карловича Шмореля. Становилось все очевиднее, что любимую работу придется оставить. И только одно юное создание с прелестными, как весеннее небо, серо-

голубыми глазами, скрашивало в этот период его жизнь. Это была студентка, дочь провизора и коллежского асессора — Наталья Петровна Введенская, родом из Кременчуга, с которой он случайно познакомился в Москве и в которую без памяти влюбился.

Девушка была на 12 лет моложе Гуго Карловича. Но когда царская охранка «предложила» Гуго Шморелю срочно покинуть Москву, то есть выслали в Оренбургскую область, куда ссылали — также по царскому указу — немецких военнопленных и интернированных, Наташа, не колеблясь, последовала за любимым. Они обвенчались в Оренбурге в Петропавловской церкви. Спустя год, 16 сентября 1917-го, у них родился мальчик, которого по православному обряду крестили и нарекли Александром. Однако малыш выбрал для явления в этот мир (увы!) не лучшее время.

Жила русско-немецкая семья сложно, хотя профессия доктора была востребована. Шморель получил место главного врача лазарета, открытого американцами в гуманитарных целях для лечения от тифа германских и австрийских подданных.

В 1917-м датское и шведское Консульства в Москве тоже выделили средства, чтобы поддержать эту больницу, которая теперь принимала не только немцев, австрийцев, но и русских. Нужда, голод, эпидемии брюшного и сыпного тифа с давних времен сопровождают войны, а также бегство от них и переселение народов. Тогда еще мало кто из медиков мира, в их числе и Гуго Шморель, знали, как с этим злом бороться. Не догадывались, что разносчиком болезни бывает обычная вошь.

«Отец, вероятно, очень испугался, когда в первый раз прочел об этом в медицинской литературе, — сказал мне во время беседы младший сын Гуго — Эрих, тоже унаследовавший профессию отца. — По его приказу в оренбургском лазарете спешно начали дезинфекцию: пропаривали белье и одежду, купали больных. Об этом кто-то «донес» органам советской власти. Тогда и они поручили отцу, как первому специалисту, начать в окрестностях Оренбурга всеобщую борьбу с этими насекомыми. Задача была столь трудная, что отец, говоря, неделями был в разъездах или не покидал госпиталя, где половина персонала тоже болела тифом. И не увидел, не почувствовал, что беда уже вползла и в его дом».

◀ Александр во время короткой службы в госпитале

«Велик был и страшен год от рождения Христова 1918-й», — напишет потом Михаил Булгаков. Россия бурлила, самодержавие рухнуло, шли тяжелые бои на русско-германском фронте, продолжались уличные манифестации. За октябрьским переворотом, как мы знаем, последовала национализация, экспроприация и жестокая Гражданская война, не щадившая ни красных, ни белых, ни иностранцев. Одна власть, напившись крови, уступала место другой.

Заразившись на рынке брюшным тифом, в тяжелом бреде умерла Наташа, оставив на попечение мужа годовалого мальчика. Ее отпевали и хоронили под звуки доносившейся загородной ружейной стрельбы: наступала белая армия...

Волшебные призраки детства

Любимой игрушкой Сашеньки была лошадка-каталка. А еще он часами мог смотреть в окно на проезжающие по улице вереницы телег, экипажей (автомобиль в ту пору был редкостью). Особый восторг у мальчика вызывала конница, и он, подражая всадникам, тут же вскарабкивался на свою каталку.

Старшая сестра Мария порекомендовала для мальчика нянюшку — Феодосию Константиновну Лапшину. Крестьянка из села Романовка Царицынского уезда Саратовской губернии стала полноправным членом семьи Шморелей. Сначала воспитывала Сашу, затем нянчила и вырастила еще двоих детей Гуго, родившихся во втором браке: Эриха и Наташу. С этой семьей она потом уехала в Германию, где не раз плакала по потерянной родине. Эта ее тоска звучала в песнях, которых она знала множество, в сказках и былинах, что жили в народе и передавались из поколения в поколение как бесценное духовное наследство. Как знать, может, та простая крестьянка и заронила в детскую впечатлительную душу искру любви к России, впоследствии удивляющую его друзей, знакомых, даже родственников.

Известно, что переехала Феодосия в Германию по фальшивым документам. Рассказывая о нянечке, Эрих Гугович — а мы в это время гуляли по мюнхенскому кладбищу «Ам Перлахер Форст» (Am Perlacher Forst) — подвел нас к семейному захоронению, где на одном из надгробий по-немецки значилось: «Франциска Шморель, урожденная Феодосия Лапшина». Далее он пояснил: «Фальшивые документы, якобы на дальнюю родственницу, отцу удалось добыть правдами-неправдами,

иначе русскую женщину пограничники не пропустили бы».

Маленький Саша покидал родину, когда ему было неполных четыре года. Еще бы чуть-чуть, и он бы помнил, как перед отъездом из Оренбурга с отцом и с нянечкой они ходили на местный погост, к матери. Попрощаться. Но судьбе было угодно, чтобы та далекая земля, где упокоилась его мать, та мифическая Россия жила в нем всегда, до конца его дней. Вот за эту, пригрезившуюся ему в мечтах, сказочную страну он потом и взойдет на голгофу.

Гуго Карлович открыл в Мюнхене частную практику: «Доктор Шморель». Сашу в семь лет отдали в школу, потом в гимназию. В семье все говорили по-русски, более того, дети получали частные уроки русского языка. В доме часто бывали белоэмигранты, православные священнослужители, покинувшие или выдворенные из большевистской России талантливые художники, писатели, музыканты. Среди добрых знакомых было и семейство Пастернаков с дочерьми (лишь сын Борис, автор «Доктора Живаго», оставался в России). В память об этих встречах в гостиной Шморелей до сих пор висит отличной работы карандашный портрет Людвиг Ван Бетховена, написанный Леонидом Пастернаком.

Доктор Шморель в политику не лез, но власть Адольфа Гитлера не приветствовал. И это помогло Алексу, впечатлительному подростку, в период становления не утонуть в грязных водах захлестнувшего страну нацизма. Например, когда Гитлер, придя к власти, объявил о свершившейся революции, домашние не стовариваясь воскликнули: «Это мы уже проходили!».

Созданная в Третьем Рейхе для детей организация «гитлерюгенд», в которую поначалу устремились подростки, вскоре оттолкнула Алекса. Его свободолобивому духу была чужда муштра и тупое подчинение. В седьмом классе реальной гимназии судьба свела его с одним из будущих единомышленников по подпольной работе в «Белой розе» — Кристофом Пробстом, сыном ученого. Вскоре знакомство подростков перешло в крепкую дружбу. Эта семья, в которой заметную роль играла сестра Кристофа — Ангелика, стала для Алекса вторым домом. Втроем они проводили каникулы, сочиняли гимны и песни, ходили в походы, строили хижины и плоты, катались на велосипедах, бродили по окрестным лесам и крутым отрогам Альп. По свидетельству Ангелики, это были незабываемые путешествия, веселые и познавательные. Однажды Алекс принес к Пробстам томик И.С. Тургенева и стал пере-

▼ С няней Феодосией Лапшиной

водить им его «Стихи в прозе». А потом они вместе восхищенно читали немного грустные строки: «Как хороши, как свежи были розы!». Не этот ли прекрасный поэтический образ затем дал название антигитлеровской организации, в которую одним из первых вошел Александр?

«Откуда у парня российская грусть?»

По окончании гимназии он отбывает обязательную трудовую повинность в одном из немецких городков. Казарменное положение, требование беспрекословного и бездумного подчинения тупым солдафонам, у которых «на лице скорее гримаса диких зверей, а уж никак не человеческое выражение». Контроль и слежка. Отношение к подчиненным, как к людям «второго сорта». Впервые он познал вкус свободы, лишившись ее. В письмах родным и Ангелике предстает уже другой человек, возненавидевший национал-социализм. Ему становится душно в то-

талигарном немецком государстве. И двадцатилетний Александр принимает решение навсегда покинуть нацистскую Германию, обосноваться в России, как только представится такая возможность.

Из доверительного письма Ангелике:

«У меня постоянно перед глазами цель — свободная жизнь. Пойми, если бы не отец, то меня давно уже не было в Германии. Но что будет с ним, если у него отнимут его практику; а ведь они, безусловно, способны на это в случае моего бегства! Только из-за этого я вынужден терпеть все».

Эти строки, в которых «выплеснулась» его тоска по России, написаны в мае 1937, года, быть может, еще более страшного для его далекой родины. Откуда ему было знать, что в СССР развернулся небывалый геноцид власти против своего же народа? Аресты, массовые расстрелы, пожизненные лагеря, миллионы уничтоженных людей... Окажись Александр Шморель

в ту пору в России, он тут же попал бы в лапы НКВД. Можно предположить, ЧТО на той земле своей Сладкой мечты он получил бы вместо Свободы?

Чтобы как можно скорее «раздать долги» ненавистной нацистской партии и правительству, Александр по окончании трудовой повинности сам написал заявление о поступлении на обязательную военную службу. И в ноябре 1937-го был призван в батальон конной артиллерии. Полгода спустя батальон вторгся в Судеты, и Александр стал свидетелем ужасающе жестоких расправ с жившими там чехами. «Освободители исконно немецких земель» оказались грубыми захватчиками.

Март 1939-го. Младший офицер Александр Шморель уволен в запас. Он поступает в университет. Но с мечтой о профессии, связанной с искусством, пришлось распрощаться. Его брат Эрих вспоминает, что тогда в воздухе уже густо пахло порохом, семья очень беспокоилась за судьбу Александра. Поговаривали, что медики в случае мобилизации воевать непосредственно не будут. И семейным советом решили — сын должен продолжить профессию отца.

Вскоре Гитлер напал на Польшу, началась Вторая мировая война. Весной 1940 года Александр снова был мобилизован и приписан к мюнхенской санитарной роте, которая уже вскоре участвовала в походе на Францию. Бессмысленные и жестокие человеческие жертвы, насилие немецкой оккупации — с этим Александр смириться не мог. В этой военной операции участвовал еще один будущий подпольщик, тоже мобилизованный, студент медицины по имени Ганс Шоль. Он тоже ужасался беде, которую сеяли во Франции его соотечественники.

И вот, встретившись затем в университете, несколько нестандартно мысля-

щих студентов: Ганс Шоль, Александр Шморель, Кристоф Пробст, Вильгельм Граф, профессор философии Курт Хубер — образовали крепкий тайный союз, и вскоре оказались не одиноки. Теперь нужна была программа, с чем и как выступать против тоталитарного режима. Оружием выбрали «слово», тайную почту против принудительно оболванивания своего народа, запугивания, превращения в послушное стадо.

А тут еще дошли тревожные слухи из оккупированных стран Восточной Европы, что началась отправка тысяч евреев в концентрационные лагеря, об их массовом уничтожении, о «растрельных» отрядах СС.

«Белая роза» решила не молчать:

...Немцы! Неужели вы хотите, чтобы нас постигла участь евреев? Неужели вы хотите, чтобы вас мерили одной меркой с вашими предводителями? Неужели мы навсегда станем народом, отвергнутым и ненавистным всему миру? Нет! Поэтому борвитесь с национал-социалистическим недочеловечеством! Докажите делом, что вы думаете иначе! Приближается новая освободительная война. Лучшая часть народа борется на нашей стороне. Прорвите оболочку равнодушия, окружающую Ваше сердце! Решайтесь, пока не поздно!..

Дым отечества

Нападение на Советскую Россию Александр воспринял как агрессию против «его Родины». Искренне желал ей выйти из этой войны с минимальными потерями. При этом он проводил четкую границу: «Россия и «большевизм» для меня вовсе не одно и то же. Напротив, я являюсь официальным противником большевизма», — скажет он два года спустя на допросе в гестапо.

Летом 1942 года друзей по студенческой роте командировали на полевою медицинскую практику на Вос-

точный фронт. «Я вновь увижу Россию! Мы будем работать в полевых лазаретах — пока еще неизвестно, как долго», — возбужденно сказал Алекс одной из своих знакомых перед отъездом. И он проделал снова тот же путь, как в детстве, но в обратном направлении. Проехали разрушенный Витебск, недолгая остановка в Смоленске, потом санитарным эшеленом в Вязьму. Грязь, разорение, руины бывших городов. Затем — Гжатск, где друзьям предстояло провести три месяца. Санитарная рота, к которой были прикомандированы студенты-медики, располагалась на окраине города в лесном массиве, рядом с военным аэродромом. Здесь находился главный перевязочный пункт. Ощущалась близость фронта, от всполохов артиллерии ночью пылало небо. Гудела земля. Алекс вспоминал, что линия фронта проходила в десяти километрах.

В тылу врага действовал тогда один из крупных партизанских отрядов под названием «Дедушка». Руководил им Василий Исаевич Воронченко. Отряд, пока хватало сил, удерживал советскую власть в Смоленске до осени 42-го. (Кстати, подросток, Валентин Гладков, мой брат, был адъютантом командира отряда и участвовал в подрывной партизанской работе. Так сложились звезды, что с немцами-антифашистами из «Белой розы» в ту пору они могли бы и встретиться. Теоретически, конечно. В каком-то прифронтовом лазарете на оккупированной территории мне, тогда малому ребенку, срочную операцию — острый аппендицит — сделал немецкий хирург...)

Вот строки из письма Александра того времени: «Русский человек так устроен, что его можно либо сильно любить, либо с такой же силой ненавидеть. Его или понимаешь, или нет... Когда я впервые увидел эти лица, эти глаза, когда я впервые заговорил с ними — каким жизненным светом озарило меня! Нет, не напрасно они страдали эти двадцать лет, да и страдают до сих пор. Здесь, на востоке, в России находится будущее всего человечества. Мир должен стать другим — более русским... Не верь тому, что тебе будут говорить или писать о тупости русского человека! Как раз в сравнении с немцем можно было бы много чего сказать, очень много, да вот нельзя».

Алекс познакомился с одной из русских девушек, которых заставляли работать при лазарете. Ее имя Нелли. Ей, угадавшей в нем антифашиста,

◀ Встреча с Эрихом Шморелем. 2004 г.

он написал на русском языке письмо из тюрьмы перед казнью. Эту бумажку тайно передал потом отцу исповедовавшийся его священник:

«Милая Нелли! Раньше, чем мы все думали, мне суждено бросить земную жизнь. Мы с Ваней (вероятно, Гансом. — ИГ) и другими работали против немецкого правительства, нас поймали и приговорили к смерти. Пишу тебе из тюрьмы. Часто, часто я вспоминаю Гжатск! И почему я тогда не остался в России?! Но все это воля Божия. В загробной вечной жизни мы опять встретимся! Прощай, милая Нелли! И помолись за меня! Твой Саша. Все за Россию!!!».

Письмо в ту пору к адресату не ушло, его побоялись отправить, чтобы не навредить той русской девушке. Но письмо, как и многие документы, связанные с Александром, до сих пор бережно хранится в архиве его брата — Эриха.

Вернувшись в Мюнхен, участники «Белой розы» резко активизировали деятельность.

Умереть, чтобы жить

Дворец Юстиции в Мюнхене. Со скованными руками 19 апреля 1943 года ввели группу обвиняемых: Александра Шмореля, Курта Хубера, Вильгельма Графа... Всего четырнадцать человек. Это был уже второй громкий политический процесс по делу «Белой розы». Первую группу антифашистов, которую схватили в феврале во время распространения листовок: Кристофа Пробста, брата и сестру — Софи и Ганса Шоль — после короткого судилища в тот же день отправили на ... гильотину. Оказывается, еще в 1933-м Гитлер приказал изготовить девятнадцать новеньких гильотин. Именно такое орудие было

▲ Молебен по А.Шморелю и шествие

выбрано фюрером для казни тех, кто посягал непосредственно на его жизнь и его идеологию...

Приговор Александру Шморелю практически был вынесен до суда. Это был всего лишь фарс, излишние юридические формальности. Нацистские бонзы, в том числе и Рейхсфюрер СС Гиммлер, считали, что «первопричиной зла было присутствие в жилах Александра русской крови». Жить ему осталось всего два месяца и двадцать три дня.

На вопрос председательствующего суда о том, что он делал на фронте, Алекс спокойно ответил:

— Заботился о раненых в соответствии с моими врачебными обязанностями.

— А когда русские наступали, вы не стреляли по ним?

— Не стрелял в русских, как не стал бы стрелять и в немцев.

Известны слова Александра Шмореля, сказанные им перед казнью своему адвокату Зигфриду Дайзингеру:

«Вы удивитесь, что я совершенно не волнуюсь в такой момент, но я должен сказать, что даже если бы Вы принесли бы мне известие о том, что вместо меня должны казнить, к примеру, моего же охранника, то я все равно предпочел бы смерть. Знаете, я пришел к выводу, что моя жизнь должна завершиться сейчас, как рано бы это ни показалось, я выполнил свою миссию в этой жизни!».

С братом Александра — Эрихом Гуговичем Шморелем, энергичным, хотя и в годах, ходили мы по мюнхенскому кладбищу «Ам Перлахер

Форст», расположенному в тихом лесопарке по соседству с русским Православным храмом. (К своему прискорбию, должна сказать, что Эрих Гугович Шморель скончался в 2005 году в возрасте 84 лет).

Почти на центральной аллее кладбища три католических креста, на них имена первых казненных по делу «Белой розы»: Софи и Ганса Шоль (брат и сестра) и Кристофера Пробста.

А несколькими шагами дальше скромное надгробие из светлого известняка, к которому прикреплен православный крест.

Alexandr Schmorell
3.09. 1917–13.07. 1943

Прочерк между рождением и смертью — то многозначительное главное, что он, немец, родившийся в России, возмужавший в Германии, успел оставить о себе, бесстрашно восстав против зла на этой безумной и грешной земле.

В 1943-м за вторым процессом по делу «Белой розы» последовали третий, четвертый, пятый. В общей сложности были приговорены 29 человек. Еще сотни людей длительное время провели в следственных изоляторах и камерах предварительного заключения.

В 2012 году православный христианин Александр Шморель был канонизирован Русской православной церковью за рубежом. А 13 июля 2013 года в мюнхенском православном Соборе была проведена торжественная служба совместно с Высшим духовенством Германской епархии РПЦЗ. Молебен был посвящен 70-летию со дня казни Александра Шмореля и его единомышленников — молодых антифашистов движения «Белая роза». ❧

АртВзгляд

Андрей Елецкий — профессиональный музыкант, участник международных музыкальных фестивалей, конкурсов, концертов, художественных выставок в России и за рубежом, член Творческого Союза художников России. По итогам академической передвижной выставки «Урал» награжден дипломом Российской Академии художеств.

Свои первые рисунки он сделал в 3–4 года и хранит их до сих пор. Это березки в бабушкиной деревне. За ними последовали скульптуры из пустых консервных банок. Рисовал на мешковинах, выброшенной мебели...

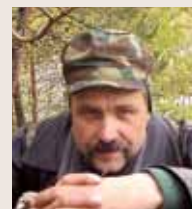
Ссылная семья Елецких в свое время обосновалась в уральском городе Ревде. Отец устроился художником в клуб имени 1 Мая. Он-то и стал первым учителем Андрея. Потом — изостудия. И дружба с живописцами, которые, кстати, научили правильно натягивать холст. Но учиться поступил в училище музыкальное. Такая уж в нем живет поперечность: если бы окончил художественное, был бы как все. В молодости, как сам признается, любил похулиганить. И жизнь могла показаться, как у героя песни Влади-

мира Высоцкого: «Пошел он коридорчиком, и кончил стенкой, кажется...».

Но Богу было угодно, чтобы в судьбу юноши, не без царя в голове, вмешался директор училища Владимир Иванович Турченко. Он договорился с военкоматом, и Андрея досрочно, в 16 лет, взяли служить в армию. Для иных это был, пожалуй, единственный шанс не попасть в тюрьму. Он честно выполнил свой долг перед Родиной, пройдя срочную службу авиамехаником. «Во время ни одного дня зря не было потрачено, — вспоминает Андрей Васильевич. — В часы досуга играл на баяне, рисовал. Пройдя через пьянки-гулянки, сегодня, как художник, смотрю на эти пороки критически».

Армия научила дисциплине. В 18 лет Андрей демобилизовался

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Алексей Молчанов

Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Работал в пресс-службе ГУВД Свердловской области, газете «Уральский рабочий», телевизионной и радиовещательной компании. Печатался во многих газетах и журналах, как центральных, так и местных. Дипломант и призер многих газет и журналов.

Андрея Елецкого

вполне адекватным гражданином. Возможно, поэтому на многих его картинах — люди ратного труда. Вот одна из них — «На побывке». Она написана в Санкт-Петербурге, где ему пришлось какое-то время работать. Два брата прибыли с фронта в родительский дом. Один вернулся совсем, потому как стал инвалидом, а другой здесь в отпуске. Несмотря на то, что лица отца и матери тревожны (возвратится ли живым-здоровым и второй сын?), картина не удручает, а вселяет надежду. Произведения искусства о Великой Отечественной бывают разного эстетического калибра. Иные ставят под сомнение подвиг народа. Картины Елецкого, посвященные Великой Победе, не оскорбляют фронтовиков, в них нет упадничества. Это художник переживаний, он принимает мир таким, какой он есть на самом деле.

А с училищем Чайковского Андрей Васильевич дружит до сих пор. Недавно на его столетнем юбилее

сыграл на рояле несколько импровизаций.

Подчас местные художники скорее завоевывают авторитет за пределами Урала, нежели у себя дома. Когда Елецкий впервые приехал с картинами в Екатеринбург, его спросили: «Ты откуда?» — «Из Ревды», — ответил Андрей. — «Уезжай домой!» — посоветовали конкуренты в одной модной галерее. Кто-то так бы и поступил,

но только не Елецкий. В 1993 году его полотна попали на выставку «Русская провинция в Москве» на Крымском валу. Это потребовало серьезной мобилизации сил. У Елецкого, помимо прочего, уральский характер: настырный, напористый, пробивной. В перестроечное время он вписался в среду современных художников андеграундного направления. Тогда в Москве академик Евгений Велихов устро-

ил выставку екатеринбуржца Андрея Елецкого и москвички Евгении Зеленой в РАН. А дружба с артистом Московской оперетты, выпускником Уральской консерватории, народным артистом России Валерием Барыниным привела к созданию совместных полотен. Позже каждый из них состоится и станет творить самостоятельно. Валерий Николаевич, помимо музыкальных проектов в России и за рубежом, станет членом Союза художников России. У него 16 выставок в Москве, Санкт-Петербурге, Нидерландах и Австрии.

Елецкий выработал свой стиль. Его признают далеко не все профессионалы. Считают примитивистом. По-другому, мол, он и не умеет. И Андрея это вполне устраивает. Его творчество можно отнести к области пост-модернизма. Краски откровенны, мазки чисты и честны, сюжеты очевидны. Темы всеобъемлющи: впечатления от поездов, встреч с людьми, прочитанных книг, любимой музыки. «Взгляд Елецкого на окружающую реальность — это не просто панорамный взгляд просвещенного европейца. Важно, что этот европеец — музыкант и импровизатор. Через музыку ему открыта динамичная первооснова мира. А дар импровизации позволяет мгновенно схватывать изменчивость состояний бытия» — это слова лауреата Государственной премии Николая Тимофеева. Благодаря помощи его Научно-культурного фонда состоялась выставка Елецкого в областном краеведческом музее. А у музея 28 филиалов на периферии. И теперь с несколькими тематическими коллекциями картин (панно, пейзажи) Елецкого могут познакомиться жители уральской глубинки. Для художника это так же важно, как для артиста выход на публику.

Некоторые полотна Елецкого ставят для размышления, спорить. Скажем, «Путин пьет водку с ВИЗовскими рабочими». Сам Президент, побывавший на выставке, за нее заступился.

А про картину «Путин и вальтер», где он из рогатки сбивает самолет, сказал: «Андрей, есть неточность! У вас я сбиваю два самолета, а мы уничтожили три грузинских самолета!». В одну из самых сильных, на мой взгляд, его картин, изображающую сталинский ГУЛаг, пришлось даже внести коррективы: закрасить название государства — СССР — на робе заключенного, похожего на Иисуса Христа.

Елецкий считает, что к восприятию его картин необходимо готовиться. Как к слушанию музыки Шнитке или Губайдуллиной. Есть, говорит, картины, которые смотрятся толь-

ко в 11 часов утра. Сарьяна, например, можно увидеть в пять вечера. Для встречи с некоторыми полотнами надо надеть определенного цвета рубашку... Картина, как человек, доброму взгляду сама открывается.

Вот некоторые размышления художника. «Я категорически против приукрашивания, замалчивания, прилаживания действительности, когда в России масса политических, экономических проблем! Если автор будет изображать непопулярные темы, то останется без денег, но, тем не менее, свою гражданскую позицию сохранит. Мне говорят: «Ты бы давно мог стать миллионером, если бы рисовал красивые картинки. Зачем ты изображаешь похороны или кладбище?». Но я показываю срез нашего общества, будоражу душу, а не высмеиваю таинство смерти. Чувствую: мне есть что сказать. Чтобы стать Андреем Елецким, я вынужден был забыть многое из того, чему меня учили».

Недавно в столице Среднего Урала, на улице Малышева, 31, открылась персональная галерея Андрея Елецкого, приуроченная к 60-летию художника и к 20-летию его творческой деятельности. **У**

СЕРЬЕЗНЫЕ ПУХОВИКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

МАНАРАГА
ТОВАРЫ ДЛЯ СПОРТА И АКТИВНОГО ОТДЫХА

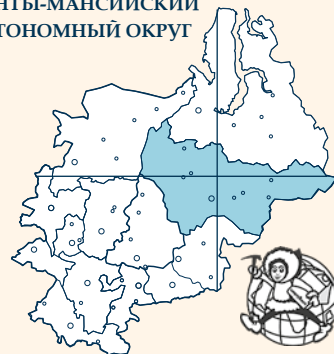
www.uralstalker.com

Екатеринбург
ул.Комсомольская, 7
(343) 374-25-90
www.manaraga.ru

Иллюстрации предоставлены автором

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Никита Партанов

Родился в 1960 году в ХМАО-Югра. В 1994 году поступил в Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена в Санкт-Петербурге. Получил высшее образование учителя культурологии и истории. В настоящее время работает лектором-экскурсоводом в Этнографическом музее под открытым небом «Трум Маа». Публикуется в различных изданиях. Член Союза журналистов с 1996 года.

Уральский следопыт, ноябрь 2013

Топор обских угров

Варка и ковка железа на территории нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа — Югры были освоены более двух тысяч лет назад — примерно в III в. до н. э. С этого времени на югорской земле и началась эпоха, именуемая «железным веком».

В качестве сырья применялись так называемые болотные руды, или лимонит, которого немало в поймах рек. Из этого природного материала сибиряки с глубокой древности изготавливали охру (краситель), некоторые орудия (например, грузила для рыболовных снастей). Топливом для металлургов служил древесный уголь и кости животных.

За две с лишним тысячи лет местные умельцы освоили немало сложных производственных приемов обработки черных металлов с применением сыродутных горнов. При обнаружении металлических предметов археологи удивляются их высокому качеству. Например, мастера умели получать углеродистую сталь путем сквозной цементации заготовок, кузнечной сваркой соединяли в неразъемное целое нескольких слоев металла (однородного и разнородного по составу)... Владели всеми способами свободной кузнечнойковки железа в горячем состоянии.

Однако после вхождения Сибири в состав Российского государства это направление многоотраслевого хозяйства обских утров пришло в упадок, не выдержав конкуренции с многочисленным импортом из европейской России. Топоры, ножи, кресала и другие железные изделия, потоком хлынувшие «за Камень» из ремесленных цент-

ров России, привели к увяданию кузнечного дела у манси и хантов.

Находки объектов черной металлургии и металлообработки эпохи Средневековья пока еще достаточно редки. Кузница, которую можно связывать с предками нынешних хантов и манси, была обнаружена при раскопках слоя XVI в. Ендырского первого городка — того самого городка Эмдер, который широко известен всем знатокам мансийского фольклора и который стоял неподалеку от современного г. Нягань.

В 2010 году этот, хорошо сохранившийся объект мансийской железообработки, был взят за основу полноразмерной реконструкции в Этнографическом музее под открытым небом «Торум Маа» в Ханты-Мансийске — «в мансийском секторе» ландшафтной экспозиционной площадки.

Кузница устроена в срубной постройке размерами 4х7 м и высотой около 2 м. Строительным материалом стали ошкуренные сосновые бревна диаметром не менее 20–25 см, сложенные в «замок». Щели между бревнами проконопачены мхом.

Кровля тоже сооружалась с учетом строительных традиций обских утров. Она вынесена на 0,75 м за линию фасада и представлена уложенными на стропила тремя слоями кро-

вельного материала: сначала — дранкой, в середине — слоями бересты (тисками), а поверху — еловыми и сосновыми жердями. Поскольку потолка нет и высота внутри помещения от пола до конька крыши составляет около 2,7 м, работать здесь молотом может даже высокорослый кузнец.

Специализированные мастерские в Сибири были редки, и постройки совмещали в себе жилые и производственные функции. Поэтому элементом интерьера стали нары. Они сооружены около боковой стены слева от входа.

Еще одним элементом интерьера хантыйского и мансийского жилья является чувал — закрытый и приподнятый над уровнем пола очаг с вытяжной трубой, сооруженной из прутьев или дранки и обмазанной глиной. Он поставлен в дальнем от входа углу. Чувал служил не только для обогрева и освещения постройки в темное время суток, он же проветривал помещение во время кузнечных работ.

Оборудование кузницы размещено по длинной оси постройки: в 1 м от очага — горн, далее — наковальня. Между наковальней и стеной установлен бронзовый клепаный котел, в котором закалялись выходящие из-под кузнечного молота изделия. На полках, располо-

◀ В реконструированной кузне

женных на правой боковой и передней стенках, разложен инструмент.

В традиционной металлообработке редко существовала узкая специализация, и мастер выполнял самые разные работы. Поэтому и инструменты он использовал разнообразные.

Кузнечные служили для работы с черным металлом в нагретом состоянии. Это кузнечные клещи, молотки, наковальня, пробойники и т.д.

Слесарные инструменты использовались для обработки железных и стальных изделий в холодном состоянии: клещи, плоскогубцы, напильники, зубила, лерки и т.д.

Подтверждением именно местного производства металлических изделий служат не такие уж редкие находки кузнечного или литейного инструментария и отходов этих производств в культурном слое.

Примером может служить пока еще не исследованное раскопками святилище Лув Ус (Лошадиный город). Оно расположено напротив (через реку) исторического центра обских утров, который раньше звался Ялп ус (Священный город), а сейчас известен под названием Вежакары — это на стыке трех административных районов нашего автономного округа (Березовского, Октябрьского и Белоярского). Святилище расположено на гордище, которое, по оценке екатеринбургских археологов, существовало примерно с конца XI по XIV век. Этот памятник в настоящее время активно разрушается, поэтому археологические находки из средневековых отложений становятся доступными и при сборах. Мне, например, удалось найти и передать в фонды музея «Торум Маа» два фрагмента кузнечного шла-

ка, подтверждающих факт металлопроизводства на этом месте.

В фондах этнографического музея есть топор. К сожалению, информации о месте его изготовления и условиях попадания в музейные фонды не сохранилось. Но историко-культурная ценность самого предмета от этого не стала ниже. Совершенно очевидно его кустарное (кузнечное) производство. Хорошо заметны вмятины отковки в виде небольших полуовальных и округлых углублений. Использованы методыковки и кузнечной сварки из одной железной пластины. С одной стороны — где планировались лезвие и обух топора — заготовка была толще. Она сгибается, на пластину, которая толще, накладывается другая, более тонкая, затем они свариваются кузнечной сваркой в виде припоя. Так получается заготовка топора.

Затем у топора оформляется лезвие, изготавливается деревянное топориче — и инструмент готов.

Судя по всем признакам, топором пользовались очень активно и долго. На это указывает сточенность переднего угла лезвия (плотники называют его носком). Следы ремонта — электросварка по верху обуха двумя швами длиной по 6 см — тоже говорят о долгой трудовой жизни инструмента.

Параметры топора: высота 16 см, ширина лезвия — 10,5, длина проуха — 6,5, ширина проуха — 4 см, длина обуха — 6,5, ширина обуха — 5,5, длина бородки — 2,5, вес топора — около 2,5 кг.

О длинном топориче, которое к моменту попадания инструмента в музей было утрачено, свидетельствует достаточно длинная — 2,5 см — металлическая бородка. Для фиксации

▲ Чувал в кузне

деревянного топорича в проухе использовались деревянные же клинья. Во избежание высыхания деревянных частей и ослабления прочности насада топор регулярно помещали в воду.

Топор был обязательным элементом материальной культуры хантов и манси: он бывовал в каждом доме, его обязательно брали в дорогу. При этом в зависимости от функционального предназначения топоры различались по весу, форме, длине и изгибу рукоятки. Тяжелыми кололи дрова, а легкие использовали для плотницких работ. Были мужские топоры, а были женские.

Есть все основания считать, что этот инструмент входил в число индивидуальных (личных) предметов. Мастера вообще с неохотой отдадут в чужие руки свои инструменты, а уж топор — тем более. В нашей семье мы сызмальства знали запрет брать отцовские инструменты. У меня и моих братьев был свой набор. То же правило существовало и у наших соседей.

Во время войны топор применялся как оружие.

Топор обладал и сакральной силой. Вот как В.Н. Чернецов описывал в 30-х годах Медвежий праздник

в Ильпи-пауле (Новинские) Березовского района: «Появляются Али пуксан (Алешкины). Мужчина поет и водит под руку другого, изображающего женщину... Тот выступает с каменно-неподвижным лицом, подбоченясь левой рукой. Глаза полузакрыты. На лице горделивое выражение, очевидно, вообще присущее этому человеку (Яркин). Во время песни он медленно обходит по солнцу. По окончании песни оба танцуют русскую или, вернее, некоторое подобие ее. Сангильтап играет трепака (топор, рукавицы, рукавицы и топор)...». Здесь мы видим присутствие топора в руках у одного из пришедших на праздник духов-покровителей.

Вот другое описание: «Идет четвертая ночь медвежьего праздника (Сури пауль). Вапс хум (зять) — на нем синий халат, коричневый платок, красный пояс, лисица на голове. Он норовит что-нибудь украсть, хватается топор, ему говорят «Есерма агум?» («Не стыдно тебе?»), он кладет топор, но потом снова хватается его, сует за пояс и убегает». Похитителем топора выступает зять, и в этом тоже скрыт свой смысл. В традиционном обществе с недоверием относились к зятям, так как они изначально были из другого рода.

Топор использовали во время жертвоприношений. Известно и ша-

популярен топор и в свадебном ритуале. Например, во время сватовства один из родственников невесты играл роль ее защитника. «Он хватается топор, кладет его на плечо лезвием кверху и становится у двери со словами угрозы...». Во время вывода невесты из отчего дома в дом отца жениха этому охраннику с топором необходимо было отдать отрез ткани и деньги.

И в погребальном обряде у топора есть своя роль. У некото-

место в материальной и духовной жизни.

Воссозданная кузница обских угров стала полноценным объектом музейного показа и пользуется неизменным интересом посетителей. На ее «производственной площадке» проводится показ обработки черных металлов, мастер-классы для начинающих кузнецов, изготавливаются сувениры в стиле традиционной культуры манси и хантов. **УС**

▲ Краевед А.Н.Хомяков

▼ Залежи лимонита

▼ Археолог А.П.Зыков

манское камлание с этим предметом. Держать его в тот момент необходимо было острием вверх, что при многочасовом обряде и массивном атрибуте даже вызвало изобретение — топор привязывали к веревке, которую в виде лямки перекидывали через шею шамана.

рых групп обских угров он входит в обязательный набор могильного инвентаря и сопровождает усопшего в иной мир — и мужчину, и женщину, и подростка.

Топор в культуре обских угров — многофункциональный образ, занимающий свое прочное

Фото автора

Шины для бездорожья

Рано или поздно любой владелец активно используемого по назначению внедорожника сталкивается с пределом проходимости своей машины. Затертая фраза «идти за трактором», давно бы вышла из употребления, если бы так точно не отражала суть происходящего. Автомобиль застрял, и нет никакой возможности продолжить движение, опираясь только на собственные силы и возможности. После таких мьгтарств, походов в ближайшую деревню или ожидания помощи более подготовленных товарищей, встает вопрос, что сделать с машиной, что бы этого не повторилось.

Ну а дальше начинается процесс «строительства» проходимца, ограниченный только фантазией хозяина и его финансовыми возможностями. Даже конструктивные особенности автомобиля не так важны, ибо автомобили с несущим кузовом могут обрести раму, а независимая подвеска может быть заменена на мосты! Но, конечно, большинство владельцев внедорожников идет не такими сложными путями.

Основные направления следующие. Замена стоковых колес на шины с более агрессивным рисунком протектора. Улучшение геометрической проходимости за счет колес большего диаметра и лифта подвески или кузова автомобиля. Установка лебедки или более простых средств самовытаскивания. Усиления энерговооруженности внедорожника за счет прибавки мощности мотора, изменения передаточных

Алексей Лялюлин

Автопутешественник, Член Русского Географического общества, журналист, пишущий о своих поездках, и идейный вдохновитель проекта Master Winch Expedition.

чисел в раздаточной коробке и мостах, установка блокировок. Установка силового обвеса и всевозможных защит кузова, двигателя и трансмиссии. Водозащита мотора, основных узлов и агрегатов. Ну и никуда не деться от установки другого дополнительного оборудования, которое на проходимость не влияет, но заметно облегчает жизнь водителя и «экипажа машины боевой».

Обо всем этом мы планируем рассказать на страницах нашего журнала. И сегодня начнем с самого первого и очевидного шага — замены штатной резины автомобиля на более внедорожную.

Специальные шины для преодоления бездорожья, пожалуй, один из самых действенных инструментов увеличения проходимости автомобиля. Поэтому выбор таких шин — ответственный и сложный процесс. Часто продавцы шинных магазинов с трудом представляют, в каких реально условиях приходится работать внедорожным шинам, поэтому ничем не могут помочь в плане консультаций.

Постараемся восполнить этот пробел. Существует несколько критериев, основываясь на которые, принимается столь непростое решение, как приобретение новых колес на автомобиль, предназначенный для активного отдыха в виде охоты, рыбалки, путешествий и, может быть, спортивных мероприятий. Это степень тяжести преодолеваемого бездорожья, его характер или тип, цена шины и степень подготовки самого автомобиля (существующая или планируемая).

Начнем с ранжирования шин по их способности увеличивать проходимость автомобиля. Сразу оговорюсь,

Фото Андрея ХОРЬКОВА.

что мы не будем повторять содержание рекламных проспектов и каталогов производителей шин. Мы постараемся изложить свой собственный взгляд, пусть, возможно, и не бесспорный, на классификацию и внедорожные способности тех или иных шин (например, производитель относит Hankook Dynapro MT RT03 к шинам MT, но, по нашему мнению, они, скорее, ближе к классу AT). Шины для внедорожников, помимо чисто дорожных, делятся на AT и MT. Шины AT (All Terrain) — это универсальные шины, предназначенные для эксплуатации в основном

по дорогам с покрытием, с периодическим использованием вне дорог или, скорее, на дорогах без покрытия. Как всякая универсальная шина, шины AT — это компромисс между комфортом и управляемостью во время движения по асфальту и проходимостью вне его. Такая шина подойдет скорее тем, кто лишь изредка выезжает сделать шашлыки на природу, или тому, у кого дорога к даче заканчивается участком плохого проселка. Подробно останавливаться на них мы не будем.

Шины MT (Mud Terrain), как ясно из названия, предназначены для эксплуатации вне дорог, хотя и здесь существует очень много различий. Шина для бездорожья обычно имеет разряженный рисунок протектора и прочный, часто диагональный каркас с усиленными боковинами. Одной из самых важных характеристик таких шин является способность протектора к самоочищению. Другой важной способностью будет возможность выдерживать неизбежные при езде по пересеченной местности сильные сжатия.

Мы бы выделили четыре основные категории: MT универсальные, MT для туризма и экспедиций вне дорог, MT для экспедиций по тяжелому бездорожью и спорта и MT для экстремального бездорожья.

Универсальные MT шины предназначены, прежде всего, для туристов, охотников и рыболовов, которые эксплуатируют свои автомобили, как и в случае с AT шинами, основном на асфальте либо на плохих доро-

Фото Андрея ХОРЬКОВА.

гах. Эти шины достаточно тихие, хорошо балансируются и неплохо ведут себя на умеренном бездорожье. Это самая многочисленная категория из шин класса МТ. Практически в линейке любого известного и не очень производителе-

ля шин есть такая модель. Из представленных на российском шинном рынке это, прежде всего, BFGoodrich Mud Terrain T/A KM 2, Silverstone MT 117, Interco TrXus MT, Hankook Dynamic MT RT01, Maxxis MT-754, Buckshot Mudder, Dunlop Grandtrek MT2, NANKANG Mud Star N-889, Pirelli Scorpion Mud, Cooper Discoverer STT, ProComp Mud Terrain, Mickey Thompson Baja Radial MTX и восстановленные шины Fedima F-MUD. Многие из них являются вариантами или дальнейшим развитием знаменитого BFGoodrich Mud Terrain T/A, который на долгие годы определил рисунок протектора шин для умеренного бездорожья.

Следующая категория — это шины для туризма и экспедиций вне дорог. Шины этого класса отличаются меньшей универсальностью, в сторону более высоких внедорожных характеристик. В результате они более шумные, машина на них на асфальте менее управляема, чем на шинах предыдущей категории, не говоря уже об АТ. Зато по проходимости это уже другой уровень. К таким шинам мы относим Yokohama Geolandar M/T, Maxxis M-8080 Mudzilla, Federal Couragia M/T, ProComp X Terrain, Silverstone MT 117 Sport и восстановленные шины Fedima Extreme Evolution.

Другой класс МТ шин дает уже очень серьезный уровень проходимости. На этих шинах можно не только не бояться поехать в экспедицию по самому тяжелому бездорожью, но и участвовать в различных соревнованиях, в том числе и уровня Чемпионата или

Кубка России. Эти шины крепкие, с достаточно прочными боковинами, с разряженным для лучшей самоочистки рисунком протектора, с диагональной или радиальной структурой корда, с развитыми боковыми грунтозацепами для лучшего движения по колею. Как следствие, эти шины тяжелы, очень плохо балансируются и шумны на дороге с покрытием, как раз из-за рисунка протектора. Удивительно, но некоторые шины ведут себя в плане управляемости автомобиля даже лучше, чем шины предыдущего класса, за счет наличия центральной дорожки, состоящей из нескольких рядов небольших шашечек. Мы относим к этой категории шины компании Interco Super Swamper TSL, Super Swamper LTB, Super Swamper Irok, Silverstone MT 117 Xtreme, Simex Extreme Trekker и восстановленные шины Fedima Sirocco. Интересно, что шины Interco выпускаются как в диагональном, так и радиальном варианте. Во втором случае к названию прибавляется слово Radial или буква R.

Следующий класс представляет практически один единственный представитель. Это Interco Super Swamper Bogger и его клон, восстановленная Fedima Trial Ade. Это, с нашей точки зрения, самая бескомпромиссная внедорожная шина, настоящий король off-road! Вот только доставлять машину на таких шинах к месту применения лучше не своим ходом, а на автовозе. Гул при движении по трассе — это плата за разряженный, чем-то сродни тракторному, протектор. **✘**

▶ Оползень на р. Вятке
у с. Крымская Слудка

Русское географическое
общество представляет
Удмуртское отделение

К изданию атласа Удмуртской Республики

О результатах работы экспедиции
Русского географического общества

С целью выполнения грантового проекта Русского географического общества «Подготовка и издание атласа Удмуртской Республики» была организована комплексная экспедиция, в состав которой вошли сотрудники и преподаватели географического, биологического и исторического факультетов Удмуртского Государственного Университета.

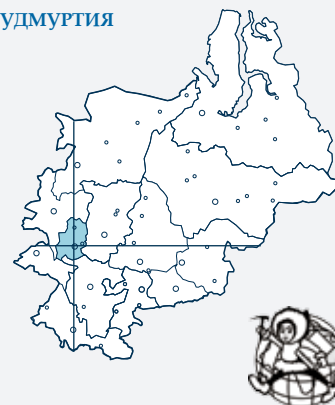
В задачи экспедиции входило всестороннее изучение ландшафтов республики, решение проблемных вопросов генезиса четвертичных отложений, мониторинг современных экзогенных процессов и экологического состояния окружающей природной среды. Общее количество участников экспедиции составило более 40 человек, которые выезжали в составе нескольких отрядов по различным районам Удмуртии и сопредельным территориям. Период работы экспедиции: с 1 мая по 31 августа текущего года. Во время производственных практик к полевым работам широко привлекались и студенты соответствующих факультетов.

За период работы экспедиции ученые побывали практически во всех административных районах Удмуртии,

проехали более 10000 км и посетили различные, в том числе уникальные, ландшафтные комплексы. Также участники впервые побывали на самой высокой точке Удмуртии (332,6 м абс.), находящейся рядом с заброшенным карьером в 2 км к северо-востоку от д. Новоселы Базелинского района. Увенчались успехом и поиски редчайшего минерала волконскоита, названного в честь известного князя Волконского, легендарного участника Отечественной войны 1812 года. Были получены новые данные об особенностях залегания и составе аллювия высоких террас, а также о строении склоновых и золотых отложений в бассейне р. Иж.

Приходилось фиксировать и негативные экологические явления: повсеместное захламливание окружающей сре-

УДМУРТИЯ

Иван Рысин

Зав. кафедрой физической географии и ландшафтной экологии УдГУ, председатель Удмуртского отделения ВОО «Русское географическое общество», первый вице-президент УРОО «Союз научных и инженерных общественных отделений», председатель комиссии по экологической политике и охране окружающей среды Общественной палаты УР, доктор географических наук, профессор.

Здесь должен быть минерал волконскоит

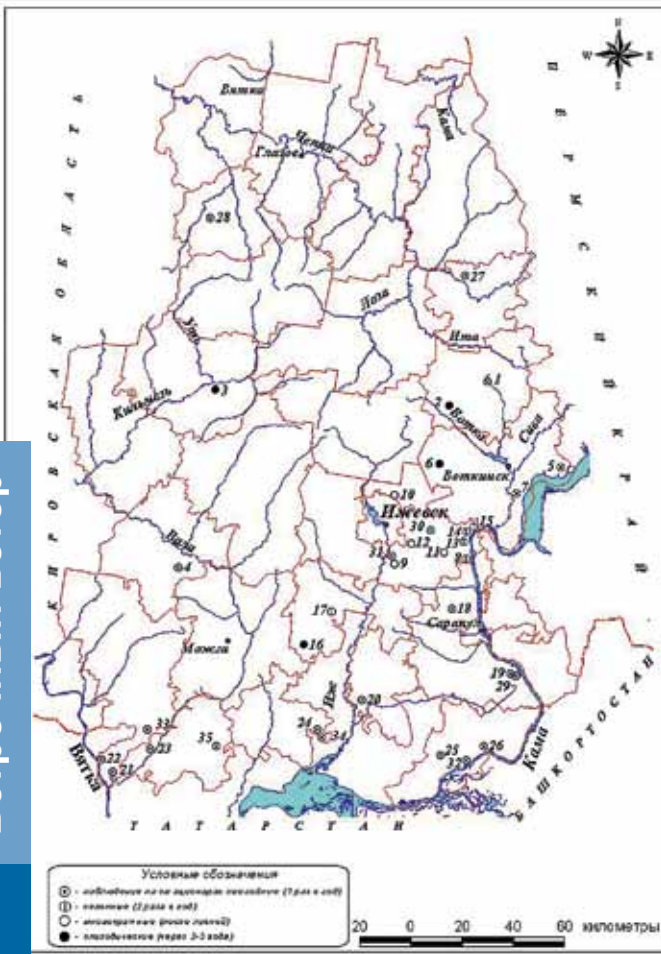
Вот так выглядит минерал волконскоит, внешне похож на малахит

Тахеометрическая съемка размываемого берега р. Лумпун

Уральский следопыт, ноябрь 2013

Встречный ветер

ды бытовыми и производственными отходами, загубленные хозяйственной деятельностью реки, даже такие крупные, как р. Ува ниже д. Ува-Гукля (река превратилась в сток отходов животноводческих комплексов), активное развитие в южных районах техногенных оврагов. К сожалению, исчез (возможно, временно) самый крупный по дебиту выход родников в д. Татарские Ключи Юкаменского района (родники оказались затопленным прудом, созданным бобрами). В лучшую сторону преобразуется исток реки Камы в с. Кулига Кезского района, где местная администрация планирует создать своеобразный ландшафтный парк, что, несомненно, увеличит поток туристов к истоку великой реки.

Во время экспедиции продолжались наблюдения за развитием более 160 оврагов на 28 ключевых участках, комплексный мониторинг которых ведется с 1978 года. О результатах мониторинга овражной эрозии в Удмуртии мы докладывали на международной конференции по геоморфологии, которая проходила с 26 по 31 августа в Париже.

С 1999 года наша кафедра проводит регулярные наблюдения и за развитием горизонтальных рус-

ловых деформаций (размыв берегов рек) на 55 ключевых участках, расположенных на малых и средних реках Удмуртии. Продолжаются многолетние исследования береговых процессов на ряде стационаров Воткинского водохранилища. Накоплен значительный материал по морфолого-генетическим особенностям нивально-эрозионных форм рельефа, структуре и развитию современной и древней эрозионной сети. Разнообразный материал собран так-

▲ Экспедиция РГО у истоков Камы

же биологами и историками, но это уже тема для отдельной статьи.

Богатый фактический материал, собранный в период работы комплексной географической экспедиции, найдет отражение в оригинальных картах и картосхемах готовящегося к изданию атласа Удмуртской Республики, посвященного юбилею П. И. Чайковского. **УГ**

► Техногенный овраг близ д. Соколовка Сарапульского района, возник при разливе нефтепромысловых вод

По «Блиновскому Кольцу»

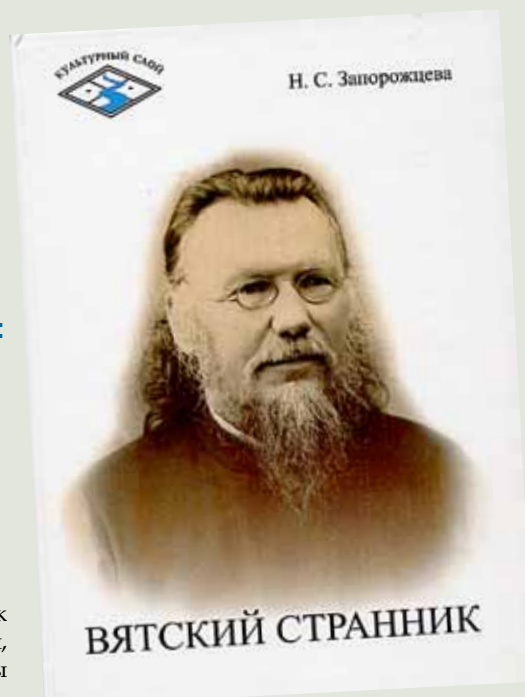
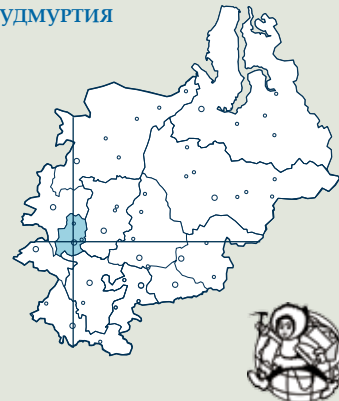
О вятском священнике, писателе-просветителе, педагоге и краеведе Николае Николаевиче Блинове (1839–1917), почетном гражданине г. Сарапула, читатели знают по нескольким публикациям в журнале «Уральский следопыт». В школьном музее «Сарапульская старина» ему посвящены экспозиции, ведутся исследования. Мечта посетить города и села, родные просветителю, не оставляла руководителя музея Н. С. Запорожцеву с тех самых времен, когда она по распределению вуза приехала работать в Сарапул и познакомилась с его историей. В 2008 году эта мечта частично осуществилась: Наталья Семеновна побывала в Кирове, Бахте, Орлове. И загорелась идеей привезти сюда школьников. И вот всероссийский грант конкурса «Православная инициатива-2012» превратил ее мечту в реальность.

К поездке готовились полгода. Определили девять важных городов и сел — своеобразных вех в жизни гонимого, мятежного писателя. Это города Вятка (Киров), Орлов, Нолинск, Елабуга, Сарапул, села Зашижемье, Бахта, Карсовайское, Бемьж. Разработали маршрут, назвали его «Блиновское кольцо». Отобрали самых здоровеньких девчат для поездки, арендовали автобус, запаслись необходимыми документами. Собралось 10 человек, пять детей и пять взрослых — педагоги, видеооператор, прапраправнук Блинова, ныне москвич Андрей Парахони. Поездку посвятили грядущему 175-летию Н.Н. Блинова.

Когда дети, уставшие от массы впечатлений и дороги, отправились по домам, инициатор экспедиции с Андреем Парахони перед его отъездом в Москву еще побродили по старому Сарапулу. Осмотрели деревянный с наличниками в стиле модерн дом Блинова, которому никак не уда-

ется обрести охранную грамоту, так как дом в собственности трех семей, не торопящихся с ремонтом. Живы и довольно крепки еще два исторических дома: Ф.В. Грачева и священника Василевича, зятя Блинова. Но непо-

УДМУРТИЯ

▲ Обложка книги

правимо разрушена Троицкая церковь, Вознесенский собор и только что варварски снесено убежище для сирот, где умер просветитель.

Путешествие по «Блиновскому кольцу» завершено. Его участники уточнили многие исторические факты жизни просветителя, своими глазами увидели его родные города и села, показали школьникам, педагогам, церковнослужителям литературно-театрализованное представление, поделились с ними малоизвестными фактами биографии священника, просветителя, писателя, педагога,

▲ Дом Блиновых в Сарапуле на ул.Нагорной

▲ На вершине Елабуги, июнь 2013 г.

▲ Памятник Н.Н.Блинову рядом с надгробиями купцов в Сарапуле

◀ С краеведом А. Рашковским на территории духовной семинарии

почетного гражданина г. Сарапула. Многие – взрослые и дети – во время поездки надели освященные нательные крестики, привезли освященные в Вятке иконы. А самое главное, школьники своими глазами увидели то, о чем читали и слышали от учителя

и из книг, – материальные свидетельства яркой и деятельной жизни о. Николая. Все эти впечатления вошли в новую экспозицию школьного музея «Сарапульская старина» и выпущенную в августе биографическую книгу Н.С. Запорожцевой «Вятский странник», которая по условиям гранта будет подарена школам, библиотекам и музеям «Блиновского кольца». **УС**

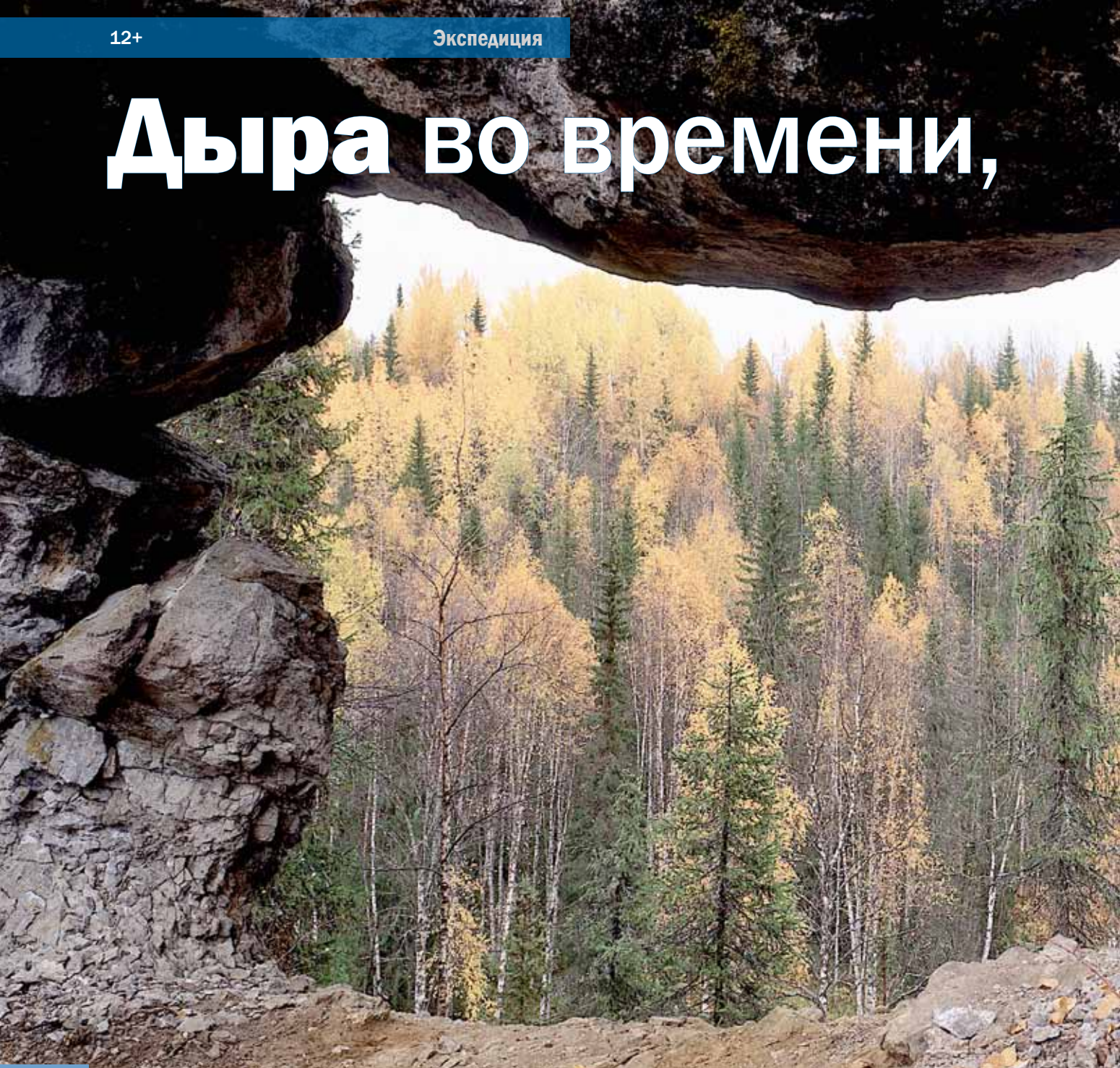
▼ Духовное училище в Нолинске. Торжества к 300-летию Романовых, 1913 г. Из фондов Нолинского краеведческого музея

▼ Сохранившийся теплый храм Нолинского собора

Дыра во времени,

Приставка «Большая» в названии Дроватницы не случайна: несколькими километрами ниже, тоже по левому берегу, в Подчерем впадает речка Малая Дроватница. Кто знает, какие сюрпризы ждут исследователей на этой реке? Что еще откроют нам припечорские названия? Такое исследование может стать темой экспедиции школьников, студентов да и взрослых туристов. Урал все еще ждет своих первооткрывателей...

Арка в Припечорье

Есть в Припечорье маленькая речка-ручей с гордым названием Большая Дроватница (на некоторых картах ее название выглядит немного иначе – Древятница). Речка ничем не примечательная: начинается в болотах, течет среди заболоченной тайги, впадает в приток Печоры реку Подчерем, что в Национальном парке «Югыд ва».

Единственная достопримечательность речки-ручья находится в ее устье: здесь, в междуречье Дроватницы и Подчерема, в скальных выходах на высоте 17 метров над рекой, расположен памятник природы – грот

или история о букве, потерянной в веках

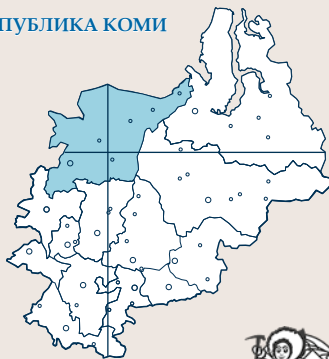

▲ Грот Арка. Сентябрь
(фото В.Грицюка)

«Арка». Процессы морозного выветривания, разрушавшие основание узкого высокого скального гребня одновременно с двух противоположных сторон — со стороны Дроватницы и Подчерема, «прорыли» в нем когда-то пещеры, которые, соединившись, образовали грот — проход глубиной около двух метров и около четырех шириной. Кроме самой «Арки», в скальный комплекс входят три каменных останца выветривания в соседней скале.

Ученые давно обратили внимание на этот необычный памятник природы. В 1963 г. В. И. Канивец в составе Печорского археологического

РЕСПУБЛИКА КОМИ

Елена Шубницина

Кандидат технических наук. Более 10 лет работает в Национальном парке «Югыд ва» заместителем директора по науке. Область исследований — историческая география Уральского Севера. «Вторая профессия» — фотография. Родилась и выросла в Екатеринбурге. Живет в Сыктывкаре.

▲ Устье реки Большой Дроватницы. Июнь

отряда Коми филиала АН СССР обследовал четыре грота в нижнем течении Подчерема, «вблизи впадения ручьев Большая и Малая Древатница», но никаких особых находок, видимо, не сделал.

В 1965 г. этот памятник природы обследовал и описал геолог и археолог Б. И. Гуслицер: «Окно в месте впадения в р. Подчерем ручья Большая Дроватница, находится в основании узкого скалистого гребня, выступающего от известнякового массива в сторону ручья Большая Дроватница. Размеры отверстия: ширина — 3,2 м, высота — 1,5 м». Гуслицер определил, что происхождение арки не карстовое — известняк, слагающий стенки «окна ... не имеет признаков водной обработки».

Только в 1998–2000 гг. проведенные археологами экспедиции научного центра УрО РАН в гроте раскопки доказали, что здесь когда-то было жертвенное место — скальное святилище. Были найдены следы жертвоприношений, среди которых обломок серебряной арабской монеты, фрагмент бронзовой чаши, железный стержень с насечками, бронзовые пластины с отверстиями для нашивания, круглая подвеска и ушко от второй такой же подвески, амулет из клыка старого медведя, мелкие фрагменты глиняного сосуда, а так-

же наконечники стрел — два железных и один кремневый. В небольшом кострище найдено множество мелких жженных костей животных — бобра и северного оленя: вероятно, здесь варились мясо жертвенных животных и совершались культовые церемонии.

Святилище на Большой Дроватнице имеет «узкую» датировку: конец XI века. Обычно в подобных местах бывают представлены находки двух, трех или даже четырех эпох. Очевидно, жертвенным местом пользовались недолгое время: это объясняет «бедность» Арки на фоне других известных подобных святилищ-кумирен — скорее всего, большинство «даров» было увезено со святилища. Причиной прекращения обрядов на этом месте в далекой древности мог быть очередной обвал: грот и в наши дни продолжает интенсивно разрушаться — скалы осыпаются, часты оползни и обвалы, во время которых камни засыпают площадку. Арки, как правило, вообще «живут» недолго — процессы карста и выветривания, продолжаясь, превращают пещеры в «мости» и «окна», а затем разрушают и их. Памятник «Арка» — не исключение: в сравнении с размерами, приведенными Гуслицером в 1965 г., грот за прошедшие полвека стал шире

(за счет разрушения стен) и короче (эрозионные процессы, размыв нижних террас в половодье, раскопки археологов). Чтобы сохранить памятник, Национальный парк «Югыд ва» запрещает туристам разбивать здесь лагерь; стационарная туристическая стоянка, когда-то существовавшая вблизи «Арки», перенесена на другой берег Подчерема.

Обряды и жертвы

Пещерные святилища — характерная черта культуры припечорских племен. Надежно укрытые в глубинах печорской тайги и в горах, они сохранили сведения о духовной культуре Печорского Приуралья.

Со времен палеолита дремучие таежные просторы равнины и западных предгорий Уральского хребта, находящиеся в бассейне Среднего Припечорья служили постоянными местами обитания и охотничьими угодьями для разноэтнического населения Печорского Приуралья.

Жертвоприношения животных всегда были одним из важнейших элементов ритуальных действий. Хотя пещерные святилища Припечорья отличаются друг от друга по составу жертвенных животных, сам факт их жертв потусторонним силам не вызывает сомнений. Основным элементом жертвоприношения служили животные — как

лов изобилие рыб подать, удобное ловление зверя получить. Окончавшу же сие, удараеть скота первое сам жрец уготованных на то орудием, потом другой язвить стрелою, третий копием.

Падшу убо скоту, еще дышущу, емлют и тръжды около идолов сего обносят, последи удараеть ножом в сердце, испущая кров в блюдо, кроплять сею мерзостию и жилища своя, идолом же уста помазуют, в украшение же и всегдашнее воспоминовение кожу со главою и ноги даже до колен за едино с кожею на деревьях завешуют над кумирнями». Новицкий пишет также, что в святилищах «... складають кости по зловерии своем и соблодають сия, мняще яко недостойно пометати безчестно костей, приносимых на жертву».

Хотя пещер на Урале много, карстовые арки-мосты — редкость. Чаще всего это остатки пещер, частично разрушенных в результате процессов карста или выветривания. Тот же Б.И. Гуслицер отмечал в скальных обнажениях

Судя по топонимам, когда-то арки и окна называли «дырами». В Энциклопедии Брокгауза и Ефрона 1893 г. упоминаются Дыроватик — «гора в Верхотурском уезде Пермской губернии», и Дыроватый Камень — «горы в Пермской губернии: 1) береговая скала в Кунгурском уезде с тремя обширными пещерами, в коих были находимы стрелы с костяными наконечниками, так называемые чудские, 2) гора на берегу реки Чусовой, в Красноуфимском уезде».

Серга: камень Дыроватый

Уральским туристам хорошо известен Камень Дыроватый на реке Серге, притоке Уфы, в природном парке «Оленьи ручьи». Высокая известняковая скала с «воротами» (называемая иногда «Пьющей лошадью» — за сходство с головой склонившейся к реке лошади) имеет статус памятника природы. Археологами здесь найдены стоянки древнего человека.

Как минимум три скалы с названием Камень Дыроватый есть в Свердловской области.

Чусовая: Камень Дыроватый

Самая известная из них — скала Дыроватый Камень (Дыроватые ребра) — один из самых живописных каменных останцев, украшающих берега реки Чусовой. Этот памятник природы вблизи поселка Усть-Койва широко растиражирован в фотографиях, картинах и открытках.

В скале Дыроватого Камня находится Усть-Койвинская арка (Царские Врата) — крупнейшая карстовая арка края — бывший вход в пещеру, свод которой когда-то обрушился, образовав лог.

Камень Дыроватый — памятник не только природный, но и археологический: здесь находилось уникальное древнее святилище, которое, по всей видимости, было культовым центром племени, обитавших на р. Чусовой в каменном веке.

В одной из скал Дыроватого камня на высоте 24 м находится пещера, которую исследователи связывают с культом промысловой магии. В течение веков — с эпохи мезолита до позднего средневековья — здесь совершался обряд жертвоприношения путем выстрела в отверстие пещеры из лука, позже — из ружья: левая стрела (пуля) играла роль «проводника» между миром живых и миром богов.

Стрелы играли большую роль в магических обрядах древних обитателей Уральского Севера: еще в XIX в. этнограф Н.А. Абрамов отмечал: «Ни один остяк не проезжал мимо тех чтимых

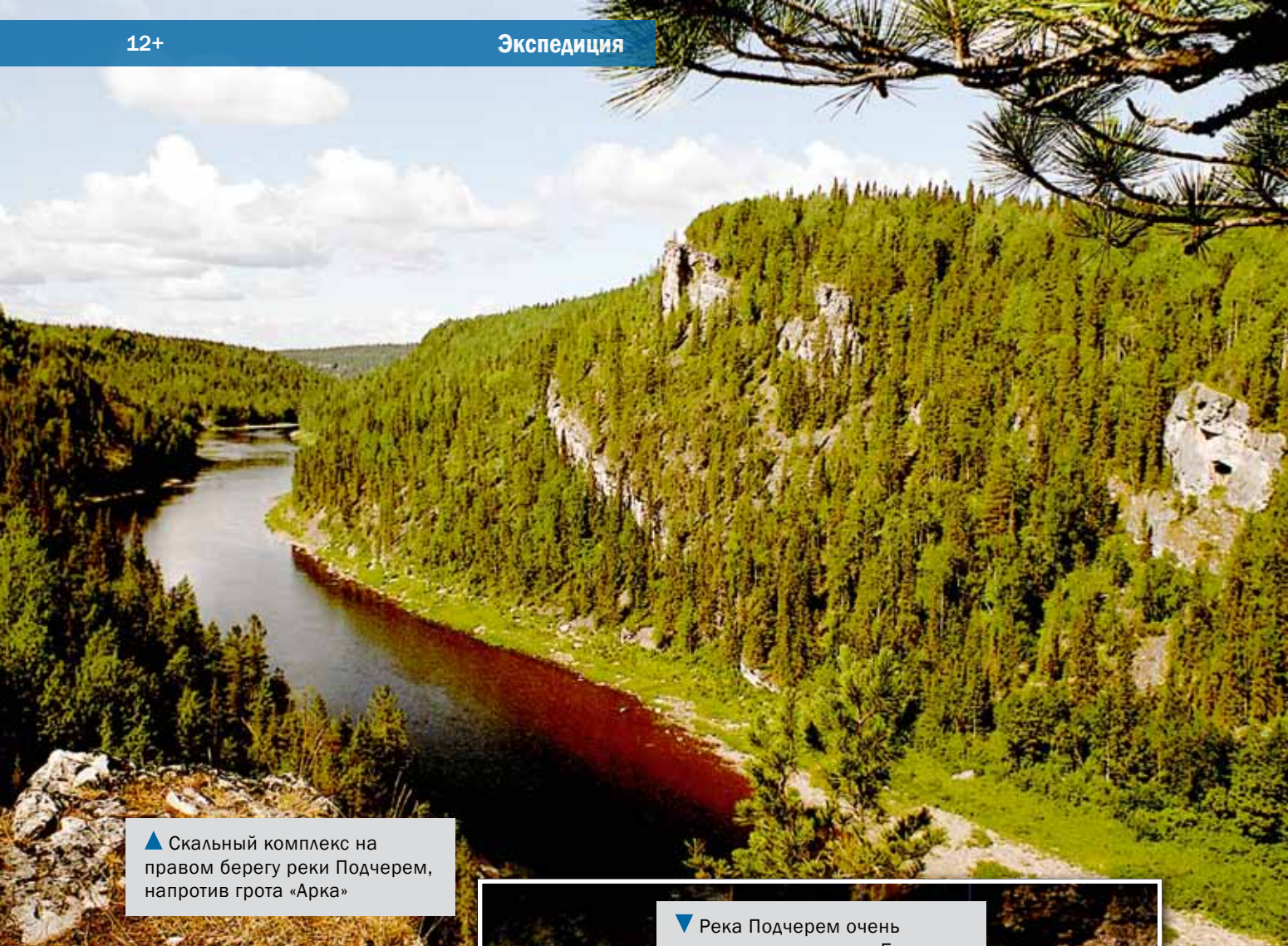
▲ Грот «Арка»

дикие (медведь, северный олень, лось, бобр и т.д.), так и одомашненные (лошадь, корова, собака, свинья, овца). Приносились в жертву они «чисто символически»: мясо варилось и использовалось для обряда — праздника, богам же предназначались, как правило, голова, кости и завернутые в шкуру нижние части ног, символизирующие целого зверя.

Вот как описывал обряд жертвоприношения в начале XIX века Г. Новицкий: «Егда же прыведут жреоме пред кумиры, сицевым обыкновением сие жертву приносить... Начинает убо жрец баснословити песньми моля идо-

Печорского Урала и гряды Чернышева только пять арок и окон: на реке Унье и Пихтовской на Печоре, в береговых скалах рек Шарью, Испред-Ди-Костель и Подчерема.

Арки-окна есть и на Среднем Урале. В книге карстоведа Г.А. Максимова «Природные мосты и арки» упомянуто несколько таких объектов по берегам Чусовой: Усть-Койвинская арка (Царские Врата) в камне Дыроватом, «мост» на высоте 42 м над рекой Малой Исаковкой, левом притоке Чусовой, карстовая арка Теремок в одной из скал ниже, в поселке Пермьяково, скальная арка в районе поселка Кын.

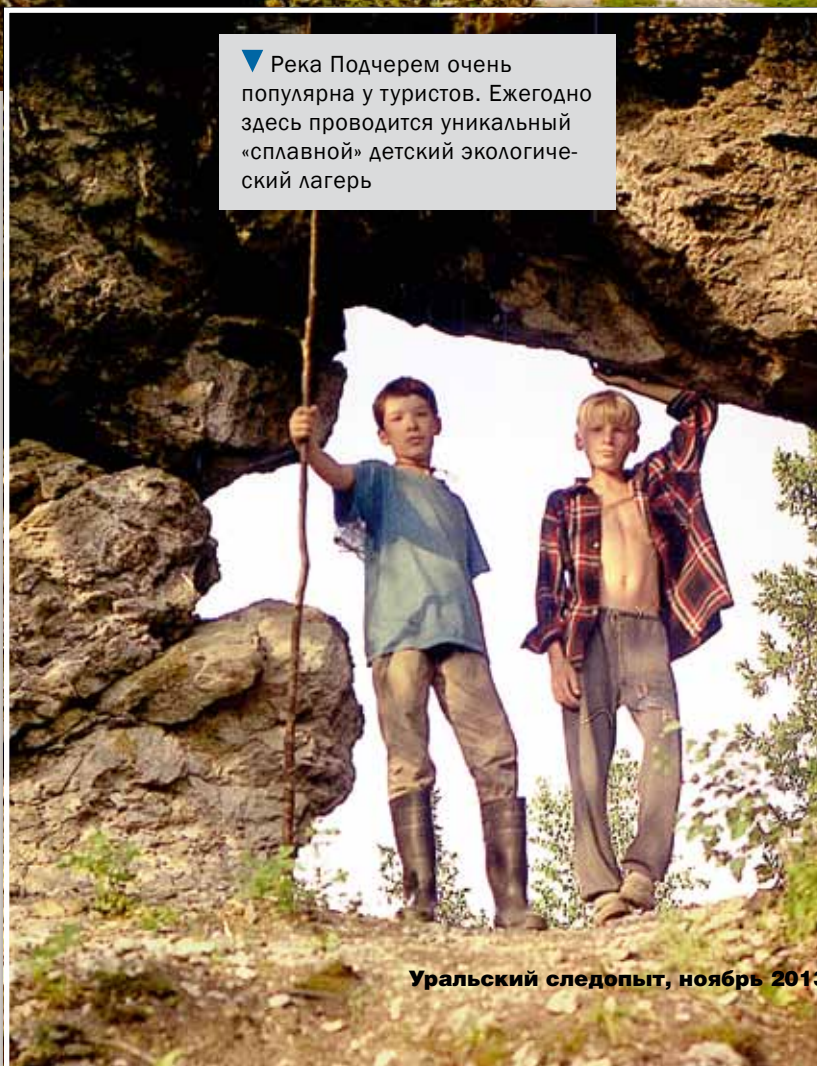
▲ Скальный комплекс на правом берегу реки Подчерем, напротив гота «Арка»

ими предметов без того, чтобы сперва не выстрелил в них из лука...».

Не удивительно, что основную массу археологических находок в пещере-дыре составили наконечники стрел: здесь их были найдены тысячи — из кости (в том числе кости шерстистого носорога), камня, металла; а также тысячи пластинок — вкладышей. По продолжительности функционирования, обилию и содержанию находок — от каменных стрел до свинцовой картечи — святилище Камня Дыроватого на Чусовой не имеет аналогов в России.

Интересно, что поверья, связанные с «окнами» в скалах, часто запрещали проходить через них людям. Проход через такие «ворота» ассоциировался с переходом в другой мир, где живут боги; туда могли попасть только стрелы, летящие в отверстие арки или пещеры, и донести жертвы-дары. Не случайно говорят, что при взгляде с реки или противоположного берега на скале Дыроватого различается грозное «лицо идола», на котором сама пещера представляет открытый в крике рот. Пускание стрелы в отверстие пещеры само по себе было обрядом жертвоприно-

▼ Река Подчерем очень популярна у туристов. Ежегодно здесь проводится уникальный «сплавной» детский экологический лагерь

шения. К стреле могли дополнительно крепиться подвески, кости, мясо жертвенных животных и т.д.

Отверстия в скалах, возможно, использовались в древности для связи не только с потусторонним миром, но и с пришельцами из «чужого мира» при торговых операциях. В «Поэмы временных лет» так описывается «немой торг» с Югрой: «... и в горе той просечено оконце мало, и туде молвят, и есть не разумети языку их, но кажут на железо и помавают рукою, просяще железа, и, аще кто даст им нож ли, ли секиру, [и они] дают скорою противу». Возможно, «оконце мало» тоже было «окном» в скале, защищающим абorigенов от воинственных пришельцев.

Гора с названием Дыроватый Камень, в 18 км на юго-запад от города Ревды, в истоке речки Кислянки (правый приток р. Ревды), свое название получила из-за небольшого (до 1,5 м) сквозного отверстия ромбовидной формы в верхней части скального выхода на вершине. Еще один Дыроватый Камень в Свердловской области — скальный «замок» с окном на вершине — расположен на лесистой горе в окрестностях города Дегтярска.

Есть еще и гора Дыроватик, также имеющая каменную «арку» на вершине — в верховьях другого притока Чусовой реки Сулемы, в Висимском заповеднике.

Вишера

Скала Камень Дыроватый на правом берегу Вишеры в Красновишерском (бывшем Чердынском) районе Пермской области описан еще в 1852 г. в книге Д. Юрьева, топографа экспедиции Э.К. Гофмана — «каменный утес с расселиной на правом горном берегу Вишеры, выше устья р. Дыроватихи».

Карстовая арка в известняках расчленена вертикальными трещинами, образующими четыре пещеры. Речка Дыроватиха, впадающая ниже Камня в Вишеру (!), несомненно, получила название «в его честь». Как и поселок Дыроватиха (теперь уже бывший) в том же Вишерском бассейне в Пермской области: неподалеку, на реке Березовой, есть еще один Камень Дыроватый (он же Пещерный, или Арка).

Таким образом, в сакральной географии Урала «окна»-арки в скалах часто использовались как святилища, играя большую роль в культурной жизни местных народов и давая названия не только скалам, но и горам, островам, рекам и даже населенным пунктам.

Но вернемся к припечорской реке. Название Дроватница (Древатницы),

как и название грота «Арка» — явно русского происхождения, что для Припечорья вообще-то нехарактерно — в этих местах более привычны топонимы с корнями из ненецкого, манси, коми языков. К тому же неясен смысл гидронима — при чем здесь «дрова», или тем более «дерева»?

Так, может быть, учитывая выше-сказанное, и Дроватница — не Дроватница, а Дыроватница?

И действительно — порывшись в архивах, находим в «Военно-стратегическом обозрении Российской Империи» 1850 г. среди печорских рек в числе притоков Подчерема реку Дыроватницу. Случайно потерянная в веках буква «ы» стала причиной изменения названия речки и потери его значения.

Подтверждение находим у писателя-краеведа Н.А. Иваничко-

го: в его заметках о поездке по Припечорью в 1881 г. описывается «гора» на Подчереме, «...замечательная тем, что внутренность ее разрушилась насквозь, и таким образом образовались естественные ворота; своды их настолько широки, что по ним можно свободно ходить. Гора эта зовется дырвовой».

Получается, что свои названия река (и, вероятно, скала) получили от русских, которые когда-то жили в этих местах. Но к началу XX в. в Припечорье русского языка практически не знали — здесь говорили только по-коми, о чем неоднократно упоминается в книгах и дневниках работавших в тех местах в 1920-е геологов, составлявших, в числе прочего, карты этих мест. Так русские названия уцелели, перейдя на карты, но потеряв значение и смысл... **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

ноябрь 2013

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

ИВАН ЖЕРЕБИЛОВ

Балада о сумасшедших

50

62 **Координаты чудес**

ОКСАНА МАНЗАДЕЙ

Башмаки

62

74 **Повод для улыбки**

ЕЛЕНА ЩЕТИНИНА

Рабовладелец мистер Бартоломеус **74**

80 **Законы Вселенной**

МИЛА КОУЛ

Распуская нити

80

Иван Жеребилов

Родился в 1987 году в городе Краснодар. Окончил Краснодарский гуманитарно-технологический колледж по профессии «садово-парковое и ландшафтное строительство». Является студентом филологического факультета КубГУ. Его стихи издавались в журнале «Странник» (№3, 2010 год); рассказ «Я иду по воздушной дороге» опубликовался в альманахе «Полдень XXI век» (июль 2012 года).

Балада о сумасшедших

Железные лучики солнца делят мир на аккуратные дольки. Что такое «мир»? Это высушенный газон с торчащей посередке бетонной скульптурой улыбающегося ежа, это кирпичная стенка, нависающий над ней кусок кровли из желтого металлопрофиля, береза, забор, за которым Вселенная заканчивается.

Ровно в восемь мимо обязательно пройдет Николаша, всклокоченный, сгорбленный, в грязной куртке, накинутой поверх пижамы. Как всегда, вначале послышится шорох от волочащейся по асфальту метлы и робкое позвякивание мягого ведра, потом покажется он, печальный, сосредоточенно глядящий в дыру на правом тапке, следом бесшумно, величаво скользит санитар. Они пройдут мимо, прямо к фронтиру — автобусной остановке в дорожном тупике. Метла зашуршит злее, целеустремленнее, выметая скверну, ведро заговорит грохотом стекла и окаменевших окурков. Санитар замрет возле отстойника, перекидываясь лениво

с тонким черным охранником. Это каждодневный ритуал, незыблемый и неизменный. Потом обратно. В глазах Николаши отчаяние, как у всякого человека, ежедневно касающегося свободы, но не способного вырваться.

Сегодня что-то настроения нет смотреть на чужие страдания. Сижу себе на подоконнике, клеточки на рукаве считаю, сбиваюсь, конечно же, за много лет эксплуатации пижама выстиралась так, что бледно-зеленый рисунок местами совсем исчез, местами расплылся кляксами. А в накладной все равно пишут: «пижама мужская в клетку», сам видел. До завтрака далеко, спать не хочется. Чем заниматься, спрашивается?

Говорят, в северном крыле, там, где умники и политики обитают, и телевизоры и книги, а у нас все по старинке — стены исписаны, крестики-нолики, у Федыки над кроватью голая баба. Как смог, так и нарисовал, талантливо, надо признать, хотя с его-то способностями еще бы не талантливо. Недавно кусок штукатурки отвалился вместе с частью рисунка, так что теперь у красавицы не хватает скальпа и левой кисти. Мне-то что? А Федька расстроился, всю стену черными птицами и крестами измалевал, симулянт. Под шизофреника косит, как будто никто не знает про его невроз. Над моей койкой никаких художеств, только красная полоска: кто знает, тот поймет. Санитары знают, они к нам только по двое заходят и с шокерами, хотя я вроде бы никого не трогал... последнюю неделю точно...

Разглядывать стенки надоело еще быстрее, чем в окно смотреть. Сполз с подоконника, подошел к двери. Палата у нас хорошая, как раз напротив стола дежурного. Дверца-то сетчатая, смотри — не хочу, как говорится. Говорить тоже не возбраняется, бывает, что и отвечают, и не всегда матом. Дежурный вон

сидит как раз за столом, бутерброд жрет с кабачковой икрой. Половину уже одолел, как бегемот, ей богу! Пасть открыл, половину откусил, чавкает. Глаза — бельма лупатые, мечутся; челюсть работает так, что аж страшно становится, вывихнет, поди. Что делать тогда? Меня заметил, помедленнее чавкать стал.

— Здорово, — говорит, — смертничек. Не подох еще?

— И тебе того же, — отвечаю. — Как видишь. Могу и тебе скипидару подогнать, на клизмы, а то разорвет скоро от жира. Кому коридор отмывать?

Он не обиделся, захихикал, подбородком жирным затряс. Здесь вообще мало обижаются, либо смеются, либо по почкам, потом инъекцию «жары» сделают, и остричь не захочешь еще полгода как минимум. Но этот добрый и ленивый — хороший значит.

— Как оно там?

— А что там? — он только отмахнулся, снова в бутерброд впился, как будто не ел месяца два, а у самого на роже написаны две тарелки борща за завтраком. — Дерьмо там. Выживание. Это ты здесь на всем готовом — манная каша с сахаром, кисель, печенье, а за стенкой ад кромешный, все доставать приходится. Бывает, за хлебом этим опилочным по три часа в очереди.

— Небось со всеми бабами перезнакомился.

Он снова хихикнул, плюнув на столешницу крошками. Вытер рукавом, бельмами захлопал, по щекам слезы, в складках на подбородке пропали.

— Дурак ты, — говорит. — На баб тратиться надо, кормить опять же. В шинель не оденешь, шубу хочешь и сапоги вместо валенок. А у меня зарплата... Да что тебе объяснять? Спиногрыз ты. Причем и сам не понимаешь своего вредительства, да и псих.

— Псих, — согласился я. — Буйный причем. Особо опасный.

— Сволота, — важно кивнул санитар. — Замочил кого?

— Санитара слюной залил, — ответил я. — Навалился, всю морду закапал, а он от страха обгадился, а потом от стыда разрыв сердца получил.

— К стенке бы тебя за такие шутки.

Я захохотал, отвалился от двери. К стенке... много ты знаешь. Тебе бы здесь, на таблетках, на укольчиках, на гипнозе; прогулки под надзором, палаты с решетками, в каждой стенке по стеклянному глазку. Тебя бы, жирдяй, сюда хоть на час. Злишься? Обидно тебе за своих? А что ты мне сделаешь? У нас толерантность, сирых и убогих жалеть надо, а не расстреливать. Вот и скрипишь ты зубами по хлебу, стоишь в очередях, где такие же двойные подбородки и затылки гармошкой, а я на всем готовом, ты деньгами платишь, а я кровью отравленной. Кто больше теряет?

Настроение испортилось. Плохо, когда с утра портится, сразу хочется выпить. Не вдрабодан, а так, чтоб душа зашевелилась, тепло чтобы и безмятежно. Хорошо, одним словом, без всяких там пояснений. Но водки нет, вообще спиртного нет. После завтрака вкатят нейролептик в ягодицу, и сиди себе, изображай дерево. Вот и все развлечения.

Дверь скрипнула, затопали, закричали, миски лязгнули, а потом зачавкало, как в болоте, когда ногу из грязи выдираешь.

— Здорово, — сказал я не оборачиваясь.

— Снова хандришь?

Федька никогда не здоровается, считает, что раз уж мы соседи, то это на всю жизнь. Прощаться будем только на смертном одре, а здороваться без прощания глупо. Вообще, повезло мне с ним, предыдущий мой сосед совсем психованным был: по ночам орал, глаза себе выколоть пытался, ему даже ложку не давали, а пальцами он боялся почему-то. Попробовал мою

украсть, ну я ему дал в ухо так, что полчаса в себя приходил. А помер глупо — гайкой подавился в каше.

Видно, уронили в крупу или во время варки, а он же как собака ел, без ложки, ну и проглотил. Задохнулся. А вот Федька другой, из интеллигентов — бабушка библиотекарь, папа-мама то ли инженеры, то ли биологи. Короче, с пяти лет скрипка, секция по плаванью, костюмчики, бутерброды в фольге. Смену себе растили, чтоб мог на кухне власть ругать, шепотом, зато эрудированно. А он в художники пошел, это тоже предсказуемо, захотелось воли. Ну, дорисовался, допил... Пришел однажды домой, а там у него конь с крыльями, и краски-кисточка подсказывают, как правильнее рисовать. Сам в психушку пришел. Испугался, понятное дело, часто что ли коняги в мастерской топчутся, пусть и крылатые? Это уж здесь его закололи. А талант отнять не смогли, рисует угольками, так, что кажется, сейчас слетят птицы со стенки...

— Думаю, — отвечаю. — А что?

— Думать надо в правильную сторону, ты б поел...

— Не хочется что-то.

— А кости? Тебя к кровати привязывать бояться, я в прошлый раз чуть руки не вывихнул тебя держать.

Суставы после уколов действительно ломит, это если натошак, отобрал протянутую миску с лужей клейстера на дне.

— Каша?

— Овсяная, — подтвердил он. — Чисто по знакомству сахарку сыпанули.

Федька не буйный, его иногда берут на кухню помогать тащить баки с едой.

— Повариха новая, — сообщил он. — Гибкая, знаешь, сзади топорщится вся, спереди напирает, ну понимаешь... Я ей свидание назначил.

— Иди-ка ты, Федя, туда, где топорщится...

— Ох, Саня! Ты что же, женщин совсем не любишь?

— Таких нет.
 — Дурак ты. Буйный, а дурак. Что тебе до этого?
 — Я бы их всех давил без пощады... пока последняя не пропадет.

— Дурак, как есть дурак. А удовольствие?
 Что они меня сегодня все дураком обзывают?

— Ты уж и забыл, что это такое. На вены глянь.

— А что тебе мои вены: я ему про баб, а он мне про уколы. У тебя не аутизм случайно?

Нахватался... Вроде и телевизоров нет. Откуда, спрашивается?

— У меня сегодня приступ доброты, поэтому обойдемся без разбитых лиц.

— Ты женоненавистник.

— Пожалуйся главному.

— Делать больше нечего, — проворчал он, выскребая миску. — Тару давай... это ж надо, я ему сахар, а он мне морали читает. И где тут пределы свинства?

Так, ворча, и пошел миски отдавать. А я сно-ва в окно уставился. До работы час еще, можно и подумать. Только вот о чем? О жизни? Все сумасшедшие думают о жизни, о ее сложности, закономерности или хаотичности, о справедливости и безнаказанности. Это скучно, затерто до тошноты. Мы здесь почти все здравомыслящие, вдалсьмотрящие. Если не хочется о жизни, тогда вроде бы нужно о смерти, но это еще тоскливее; мысли перескакивают с высокого — Данте, Гомера, на тактико-технические характеристики оружия. В общем, стал думать о конях, тема тоже не шибко, но хоть свобода мышления. Сбился, когда вспоминал виды седел, да и обиженный Федька ворочался на кровати как чумной, углем скрипел. Вот уж кому хорошо, ни работ, ни размышлений, все ясно. Если бунт, то тихий, спокойный. Интеллигенция.

В десять пришли. Двое, с цепями понятное дело. Мрачные, как будто им горбатиться ближайшие во-

семь часов. Дольше нас напрягать нельзя, мы трудом лечиться должны, а недохнуть от него. Демократия.

Все по схеме — кисти в окошко, на них наручники, дверь открыли, один с шокером наготове, другой на ногах цепь замыкает. Справились. Сегодня без выкрутасов, а бывают же садисты. У таких только дохни не так, потом ожог от разряда две недели затягивается. Справились. Пошли.

На улице уже жарко. Лето как-никак. У нас все-таки не Сибирь и даже не Аляска, солнце с самого утра начинает жечь, зато воздух свежий, дышишь полной грудью, сердце радуется, в голове шумит, хотя это, может быть, от лекарств. В палатах, как ни крути, воздух спертый, сквозняков почти нет, вонь стоит жуткая, а здесь птички поют, травка, деревца зеленые и трудотерапия, будь она неладна.

Это в других лечебных заведениях в виде лечения трудом применяют сборку коробочек для пластилина и кормление курочек. У нас все проще — кайло, лопата, ведра, чтоб землю выносить. Начальство говорит, что копаем фундамент под новый корпус, но какой-то странный фундамент — ширина два метра, глубина столько же, и тянется от ограды и до самого парка, где из стенок канавы уже точат березовые корни. Бесконечный фундамент. Остальные вроде бы подозревают, что к строительству работа наша имеет такое же отношение, как птицеводство к разведению слонов. Я не сомневаюсь. Я точно знаю — рано или поздно бросят на дно, и хорошо еще, если земелькой прикроют, а то залиют цементом и поминай, как звали...

Я здесь уже не один. Всех активистов почти вывели — Рустам Гуннаррия, здоровенный грузин из бластных; сейчас, правда, благоту подрастерял, пальцы не гнет, но гнильца лезет периодически, следов от шокера на нем больше, чем пятен на далматинце. Филипп Андреевич Гальский — инженер, во все-

услышание заявивший, что на Землю напали пришельцы с шестью руками, стремящиеся к геноциду. Тоже из буйных. До сих пор митингует, но его берут — полотенцами к спинке привяжут и ждут, пока волна патриотизма схлынет. Игнат Соломонович Кальман — интеллигентнейший человек: когда в приемном покое осматривали, выхватил скальпель, выколол глаз санитару, порезал медсестру. Операцию на мозг делали, вредные участки удаляли, теперь делает мало, говорит много, мечтает кактусы выращивать. Недавно, помнится, выпросил у кого-то обрывок льковой мочалки, пытался пейсы себе сделать (стригут-то всех одинаково — до зеркального блеска, а то вши зажрут). Мочалку отобрали, поставили в очередь на химическую корректировку, но там желающих много, года три еще ждать. Сидит сейчас Игнат Соломонович, белочку из глины лепит, ни на кого внимания не обращает. Золотые руки.

Были и другие, но все какие-то блеклые, безмолвные, как будто наштампованные под одну гребенку. Как перекур объявят, в кружок встанут, будут мультфильмы обсуждать, которые раз в неделю показывают. Хорошие мультфильмы, идеологически выдержанные — про космонавтов, про дружбу народов и зверей, о жизни в общем. Сейчас молча лопатами котлован ковыряют ни шатко ни валко. Психи, что с них взять?

Рустам меня первым увидел, фиксой блеснул, прищурился.

— Здорово, — говорит, — Саня. Как сам?

— Здравей видали, — отвечаю. — На тебя все лекарства переводят?

— Ширяют гадость какую-то, то понос от нее, то стыдно сказать...

— Ничего, понос в наши дни не самое страшное, какое-никакое, а развлечение.

Он снова ощерился, зубами заблестел, я в ответ оскалился. Ну, чисто волки беззубые — один гонор, никакой опасности.

Долго поговорить не удалось. Санитары хоть и не лезут открыто, но запоминают все. Сейчас не тронут, а в темном коридоре дубинку полотенцем обернут или в палате закатают в матрац и промассируют так, что ходить не сможешь неделю. Одна радость — синяков никаких, кровью харкаешь, а синяков нет. Эстетика.

В общем, кивнул я Рустаму и к месту рабочему двинулся. Там у меня в порядке все — лопата, кирка, ломик под стеночкой в ряд, на краю железная, немного заржавленная уже табличка «Свая №15», из стенки землю выбрал, получилась скамейка. Райское место, если не приглядываться. Метрах в пяти дальше, возле семнадцатой сваи, машет кайлом инженер Гальский. Интересный человек, между прочим, начитанный. А вот одного понять не может: куда делась шестнадцатая свая? Пятнадцатая есть, семнадцатая, восемнадцатая... а шестнадцатой нету, сколько ни ищи. Меня этот вопрос, помнится, однажды тоже захватил, целый день мы с ним предполагали, выдвигали, строили. Потом надоело, сошлись на том, что просто придурки таблички расставляли.

Сегодня у Гальского настроение, видно, не очень. Кайлом машет остервенело, сам весь в земле уже, грязь на санитару летит, тот, скотина, морщится, но не отходит, платочком засморканным утирается.

— Добрый день, Филипп Андреевич! — кричу я инженеру.

Он отрывается от работы, поворачивает узкое змеиное лицо, со свежими порезами от бритвы, на воле бороду носил, вот и теперь сопротивляется, когда бреют.

— Какой, к лешему, день, Саша? — сварливо говорит он. — Утро еще. Англичан на вас нет... хотя, при-

знать, те еще скоты... но хоть утро от дня отличают. А все почему?

— Самогона у них нет? — серьезно спрашиваю я.

— Самогон у них есть, — покривился Филипп Андреевич, — да такой, что весь мир к нему приучили, и название сообразили — виски. Нет, ну представляете? Весь мир нюхает сивушные масла ячменной самогонки и наслаждается!

— Так что, здравствуйте или нет? — переспросил я.

— Конечно, здравствуйте, и ну их к чертям, этих коновалов! Здравствуйте, Саша, несмотря ни на что. Я сейчас половину нормы сделаю и побеседую.

Беседовать можно во время перекуров. Говорить любим больше, чем работать. Люди здесь, большей частью, интеллигентные, ну или хотя бы просто умные. А для умного человека философия лопаты гораздо интереснее самой лопаты. Беда в том, что сигарет мало, а желания общаться через край. Приходится терпеть. Каждый разговор с кем-то, кроме соседа по палате, — праздник.

Полчаса еще ковыряли сухую корку: он киркой, я лопатой. Пару ведер землицы насобирали, норма — десять. Можно и отдохнуть, рабочего времени еще часов семь, успеем и вспотеть и измазаться, даже устанем немного. Много нельзя, постоянная усталость депрессию вызывает, это лечению не способствует, ну в смысле не о нас заботятся, ясное дело, лекарства переводить зазря не хотят. Начнем мы от тоски вешаться и вены резать, кому тогда воду вместо «успокойки» вкачивать, чтобы ампулы с лекарством списать? Вот поэтому и не перенапрягают — восемь часов на воздухе, и отдыхай.

Наконец Гальскому физический труд надоел, мне надоел еще раньше, но я из упрямства лопатой землю грыз назло жирной роже, которая сверху пялилась. Но рожа скоро исчезла, а солнце, наоборот, выполз-

ло из-за края траншеи. Филипп Андреевич киркой махать прекратил, в сторонку поставил, и ко мне.

— Давайте-ка, Саша, сегодня мою раскурим.

Он полез в карман, достал аккуратно распакованную пачку «Ностальгии» и плоский коробок спичек, прикурил элегантно. Если бы не робы и грязные ноги, ей богу, поверил бы, что мы где-нибудь на Кубе, изучаем творчество Эрнеста нашего...

Сигарета ко мне перекочевала. А табачок-то дрянной, может, и не табак вовсе, бумагу какой-то гадостью пропитали и подсовывают, выбора-то нет.

— Сегодня не особо и плохие, — из вежливости похвалил я, возвращая окурочек.

— Бросьте. Дерьмо дерьмом и остается. Хвалить его не обязательно, главное — вступать пореже. Знаете, вот, казалось бы, сигареты — пустяк, а ведь это один из лучших инструментов воздействия. Лиши нас сигарет, что произойдет? Вы же умный человек, Саша, скажите.

— Начнем на стенки кидаться?

— От тоски. И дело не в вонючем табаке, друг мой. Сигареты давным-давно стали для нас мостиком, не дающим скатиться в пучины шизофрении. Общение, дорогой мой. Пока мы с вами на перекурах треплемся, мы еще общество. Отними это у нас, кем мы станем? А я вам скажу — Маугли в смирительной рубашке. Начнем человечков на стенах рисовать. У нас в блоке один такой — нарисовал себе жену угольком и любит, и никто ему не нужен. Вот так и нам — дадут уголек, горшок ночной и мисочку с манкой. Вот оно счастье.

— Кто бы мог подумать, — хмыкнул я. — Сигареты спасают психов от психоза.

— А вы не смейтесь, Саша, и дураком не прикидывайтесь, я не санитар и, извините за выражение, не медсестра...

— Вы не обижайтесь, Филипп Андреевич, привычка.

— Понимаю.

— Вы правы, сто раз правы. Только проблема в том, что вокруг-то идиоты одни, да и мы с вами...

— А нам с вами повезло, мы процесс изнутри видим.

— И что мы видим?

— Геноцид, Саша. И не смейтесь. Я ведь из-за этого сюда и попал. Рассчитал алгоритм процесса освоения Земли, сдал выкладки правительству. Представляете? Как там на плакате? «Патриотизм — стержень нации!». Выдернули! Погнули! Продались за побрякушку, за похлопывание по плечу!

— А чего же не убили?

— А зачем? Тогда бы я прав оказался. Сколько нас, таких умных? Нашли, углядели и нате вам, вашим же салом... Вы уж простите за резкость. Я открыто говорю, и от этого мне еще горше. Знаете почему? Да за психом не пойдет никто... Они ж меня без гроба, без земли похоронили! Злость забрали, правду сапогами вот в эту самую глину!

Он зажмурился, уронил лицо на побелевшие кулаки.

— Ну зачем вы так? — попытался утешить я. — Чего уж теперь казнить? Все мы ошиблись...

— Ошиблись, — голос у него остался ровным, как будто отдельно от тела существовал. — А теперь нам за ошибку жизнь, безопасная и сытая. Кнута и пряника в меру, морали и глупости тоже по линейке... Все у нас счастливы: и богатые и бедные, повсеместный гибрид коммунизма с монархией... А я вам скажу — уничтожают! Садят в психушки! Ковыряют мозги! Одни хватают, другие разрешают! Геноцид!

— Слишком громкое слово, Филипп Андреевич.

— Громкое, Саша, громкое. Оно, знаете, мерзко-поэтичное, как и Холокост, и Освенцим, и Сталинград. Просится в стихи, в песни... а сущность. Резня. Пусть цивилизованная, чистая, вежливая, но резня. Всех под одну гребенку! Знаете, примерно в тысяча двести восьмом году некто аббат Арно Амори сказал: «Caedite eos! Novit enim Dominus qui sunt eius!».

— И что это означает? — спросил я. — Латынь?

— Латынь, — кивнул Гальский. — А означает: «Режьте всех! Господь узнает своих!». Думается, с тех пор никто не смог лучше выразить основной мысли геноцида. Тогда резали еретиков-катаров, сейчас всех остальных. Причем, заметьте, весело режут, с огоньком.

— Думаете, вырежут?

— Вырежут... как сигареты закончатся, так и... — он грустно улыбнулся, стрельнул взглядом в подошедшего санитара и двинулся на рабочее место.

Пришлось снова браться за лопату. Разговор пока не давал, все вертелся в голове, как муха надоедливая. Гнилые рассуждения, глупые, а что-то в них есть, проклятая русская революционность. У нас ведь всегда так, хорошо живется — ищем плохое, плохо живется — собираем на кухне ядерную бомбу, чтобы всех их, сволочей, за собой... Плакать нам надо, душу рвать за Державу, падать на амбразуры, потом в ссылках кровью харкать. Это как раз и есть формула нашего счастья, без нее только повеситься.

Солженицына из себя строить надоело где-то к обеду, в конце концов, решил, пусть идут все лесом, лишь бы кормили. Всегда так: строишь-строишь планы, злость копишь, ждешь, зубами скрипишь, а потом время обеда, и все. Куда, спрашивается, весь настрой делся? Залить бы в себя супу отвратительного несоленого или каши-размазни и на пару часов превратиться в сытого, довольного неандертальца.

Суп привезла Костлявая. Она прошла по краю траншеи, время от времени барабанила алюминиевой ложкой по такой же миске, обозначая обеденный перерыв. Сквозь морщины на синюшной тонкой шее выпирают позвонки, подбородок как копые, на голове косянка, из-под нее редкие волосики выбиваются, халатик белый с пятнами. Если к этому еще и легкую сутулость прибавить, совмещенную с бегающими глазками, то знойная женщина выходит. Помогать ей вызвался, как всегда, Игнат Соломонович. Белочку недолепленную в сторону отложил, теперь в кастрюле черпаком болтает, зачерпнет, посмотрит так, потом эдак. Хорошо ему, радостно.

Медленно выбираемся из траншеи, в очередь, затылок в затылок, дисциплинированно, не спеша. Передомной синяя от наколок спина Рустама, сзади покашливает Гальский, остальные, серые и безмолвные, притихли цепочкой еще дальше.

— Что сегодня? — спросил я, когда подошла очередь. В кастрюле перекачивалось нечто мутное, желтоватое и, безусловно, опасное. — Гороховый?

— Нет, — кокетливо хихикнула Костлявая. — С фрикадельками.

Вгляделся внимательнее, кажется, в глубине мелькнул землистый силуэт и тут же пропал...

— Наливать?

— Наливай, — согласился я. — Дураку все одно, что акула, что сайра, а уж горох с фрикадельками перепутать...

Она захихикала, тоненько, поварешка о край миски звякнула, ну вот теперь и я получил шанс на сытое веселье. В сторонку отошел, присел на горку земляную, зачерпнул, проглотил. Главное тут: не распробовать.

— Ну как? — подал голос Рустам, уныло бороздивший ложкой антифрикаделевое озеро.

— Яда не хватает, — ответил я.

— А по-моему, супа, — вздохнул Филипп Андреевич. — Суп, дорогие мои, — это, знаете, эликсир жизни для интеллигентного человека. Есть что-то символичное в сочетании таких разных продуктов, в этой вкусовой гамме. Суп — это модель Вселенной... А здесь, извините, черная дыра.

Рустам поперхнулся, с таким трудом проглоченным тефтелевым, закашлялся, глаза выкатил, пришлось вставать, по спине хлопать.

— Ты бы, Филя, поосторожнее с такими высказываниями, — прохрипел бывший авторитет, откашлявшись. — Баланда и баланда. Хавай давай...

— И, как вы говорите, схаваю, — улыбнулся Гальский. — У меня гордости нет, только чувство собственного достоинства, а при общении с едой оно спит.

— Почему это? — спросил Рустам.

— Потому что, знаете ли, поглощать в себя настолько плохую модель Вселенной — непременно пропитаться негативной энергией. Это, уважаемый, для любого достойного человека противно до смерти, а жить хочется, вот и приходится отключать чувство.

Гуннаррия не ответил, только миску в сторону отставил. Мне даже смешно стало, вот оно — воплощенное информационное оружие. Сидит себе рядышком, кушает алюминиевой ложкой мутную жижу.

Дальше разговор не пошел. Молча дохлебали, сдали тару в заботливые синюшные руки Костлявой. Игнат Соломонович, оказав посильную помощь общепиту, вернулся к скульптуре, а мы взялись за лопаты, до конца рабочего времени еще часов пять осталось.

Не заладилось без перекуров... Гальский, видно, сэкономил, мои еще на прошлой неделе закончились. Плохо. Так рано или поздно тоска накатывает. Сейчас бы в палату, слушать Федькины бредни о таланте Дали и Марка Шагала. Ан нет! Ковыряю киркой рыжую крошачуюся, лопатой скребу, горсть

за горстью, ведро за ведром. Хоть бы разозлиться, рубануть так, чтоб плечи заньбли, чтобы кровь из ладоней, чтобы вопреки всему к свободе из этого круга замкнутого проклятого! А я спокойненько так, экономно тюкаю, сам себе в душу плюю покорностью. В любой работе цель нужна. Какая тут цель? Еще десять ведер землицы наскрести? Покурить? О жизни поразглагольствовать? Да было это уже... Мы, извините, не диссиденты и даже не сочувствующие. Буйные мы, буйные психи, которых лечат добрые доктора.

Что-то за спиной захрустело, всхлипнуло. Обернулся. Ба! Игнат Соломонович! Чего это он? Неужели совестно стало за то, что все фрикадельки из супа выловил?

— Здравствуйте, Александр Григорыч.

Я молча кивнул, лопатой по дну загремел.

— Вы курить не хотите? У меня есть, хорошие.

Он суетливо зашалил по карманам, достал наконец золотистую твердую с красным кружком. Крышку откинул — фильтры, как ракеты в «Катюше», к бою готовы. Хищные, красивые, желанные, аж во рту пересохло.

— Спасибо, — говорю, — норму еще делать...

Он не отстал, на белку свежевылепленную, которую зачем-то за спину прятал, посмотрел, кивнул и возле меня уселся.

— Вы, — мямлит, — меня не гоните, Ксангч... мне сказать надо... Сигареты ведь что? Условность... Меня слушать перестали... это беда... знаете, вакуум. Я как космонавт, у которого трос в космосе оборвался: корабль улетел, воздух скоро закончится и холод к сердцу... и тишина, понимаете? Тишина...

Тоже мне. Нашел собеседника. Откуда во мне душевность? Откуда понимание?

— Книжки почитайте. Книга — лучший товарищ.

— Читал, — он вздохнул. — Что книги? Бумажки с набором штампов. Я... сны вижу, Александригорич... Сны... Дикие. Страшные.

Некстати вспомнилось, что он стучит. Причем на всех без разбора, видно, издержки операции — максимальная лояльность. Что мне его сны? Дать бы тебе, морда жидовская, лопатой по переносице, да и прикопать. Слава богу, неконтролируемыми припадками ярости не страдаю, по крайней мере до того момента, пока терапию не проводят.

— Мне, понимаете, поговорить надо, хоть с кем-то. Душит меня. Понимаете? Это ведь как реальность, только страшнее... гораздо страшнее. Там ведь, знаете, — он понизил голос, — ничего не заканчивается, все бесконечно. Я с ножом, и врачи мертвые, понимаете, посеченные в фарш и кровь, Александригорич, проклятое море крови! Черной! Она ведь не может быть черной! Я даже вены себе вскрывал — красная...

Вот так. Мозг ему порезали, вытащили, выскребли, как этот котлован, а он во сне их... Кровь, говорит, черная. Зло ему видится, безысходность. Ай да Игнат Соломонович!

— Белка зачем? — киваю на фигурку.

— Тотем, — он в ответ шепотом зачастил. — Я ей часть духа отдал, чтобы она сны плохие за меня смотрела. Вы не думайте, я не сумасшедший, я читал...

— Верю. Вы, значит, еще и шаман?

— Значит, еще и шаман, — повторил Кальман. Он вдруг одним прыжком подобрался ко мне, вцепился в шею и зашептал на ухо:

— Я ведь вижу их всех, какие они на самом деле, страшные, чужие. Проснусь ночью и повторяю себе как заклинание: «Я сумасшедший! Я сумасшедший!». Медсестра войдет, а я даже кричать не могу от ужаса.

Вот тебе и живое подтверждение о силе правды. Ничем ее не искоренишь.

— Я выслушал, — отвечаю, стараясь за каждым словом следить, — только чем помочь могу? Я ж не психиатр и даже не наемный убийца. Врачу пожалуйста, письмо напишите в министерство.

— А и напишу! Да, напишу. Пусть всех на кровь проверяют! Чтобы только красная!

Он дрожащими пальцами достает сигарету, разволновался, роняет, конечно же, поднял, грязную в рот сунул, прикурил.

— Спасибо, — говорит. — Я теперь знаю, как поступать.

Я не ответил. Делать больше нечего, у меня еще три ведра до нормы. Кальман вздохнул по-коровьи, пошел к своему месту. Вали-вали, нужен ты мне... страдалец. Раньше думать надо было, когда у тебя в башке окошко для воздуха не пропилили еще. Все-таки не выдержал — оглянулся: плетется Игнат Соломонович с потухшей сигаретой в одной руке, с белкой помятой в другой, а вслед ему, так же как и я, смотрит Гальский. Такой же черствый, такой же безучастный, насквозь приземленный. А Кальман плачет, плечики сутулые вздрагивают, лысая макушка трясется. Почувствовал, значит, всю боль и остроту... Святой прямо. Только вот как поведут его через час в палату, он санитарам все и выболтает, а завтра будет мясо из плова воровать... ему каяться надо, оттого и грешит. Тоже в круге только своем. Мы здесь все, каждый в своем испанском сапоге, каждый с индивидуально подогнанной дыбой.

Потом смена закончилась. Была-была и кончилась... Хорошего понемножку.

Ко мне личный толсторожий подошел.

— Готов?

— К чему?

А сам знаю, что он меня сейчас за угол заведет и шокером в лобок, раза три, чтобы обмочился, а потом за шкирку и к лечащему врачу. Там меня загаженного и мычащего минут пять убеждать будут быть толерантным. Потом все по накатанной, я дар речи обрету, матом начну ругаться.

— К врачу пойдём, — прошамкал он. — Будешь опять выпендриваться, я тебе яйца зажарю.

— Жаровню не сломай, — говорю. — Ты меня не пугай, я и так псих, мало ли что...

На удивление спокойноотреагировал, только в спину пнул. Пока шли, сопел как чайник, но лапы не протягивал.

Психиатра зовут Андрей Ильич. Так надо, это очень хорошее имя, располагающее. Всех психиатров мужского пола здесь зовут Андрей Ильич или Михаил Савельевич, все просчитано. Когда я вошел, он встрепенулся, дал знак санитару выйти, а мне присаживаться. Я сел, ноги-то не казенные.

— Ну, — любезно поинтересовался Андрей Ильич. — Как вам погода?

— Хорошо.

— А люди? Общались с кем-нибудь?

— Конечно, даже пообедал в компании.

— Прекрасно-прекрасно.

Дурацкие вопросы. Так каждый день, одно и то же.

— Чаю?

— Не откажусь.

Чай у него хороший, с лимонным маслом, красnodарский, не то что бурда, которую с завтраком и ужином приносят. Он наливает, вопреки всем инструкциям, в фарфоровую чашку, передает, потом себе.

— Ну как?

— Колбасы бы копченой.
— Дефицит. Даже главврачу только под Новый год привозят, — судя по мимике, доктору действительно жаль.
— Страшное время.
— И не говорите. Так вы по-прежнему работаете?
— Это лучше, чем в палате сидеть.
— Да-да. Вы ведь трудоголик по жизни. И это нормально. Это хорошо, это полезно для общества. Что вы делаете здесь?
— Я вам каждый день отвечаю.
— А я ежедневно хочу слышать ответ.
— Я здесь ненавижу таких как вы. Тихо так ненавижу. Работаю и ненавижу. Химию жру и презираю...
— За что?
— А ни за что! Это ведь такие как вы заморочили головы всем! Это для вас и я, и все остальные — только полезное ископаемое, которое можно изучить или кинуть в топку, если надоест! Это вы засовываете нормальных людей в психушки, а тех, кто не подчиняется вам, объявляете буйными!
— Ну, так уж и полезное ископаемое?! Вы ведь личность! Мы вас уважаем! А что до вашей нормальности... Что есть нормальность вообще? Это, милый мой, большинство! Будь как все, и будешь нормальным, а нет — ты опасен, тебя нужно изолировать. Большинство верит нам, любит нас. А вы теперь — ублюдки, отщепенцы, но вас примут обратно, стоит только вылечить. Мы лечим.
— Добрые значит. Зачем тогда вам маски?
— Маски?
— Бросьте, мы с вами повторяем этот диалог уже полгода...
Он никогда не отвечает на этот вопрос, всегда зовет санитаря.

— Хотите знать, Александр Григорьевич? Зачем нам маски? А что будет, если ВСЕ узнают, что мы пришли? Что случится? Знаете?
— Вас вышибут, вышвырнут отсюда как собак...
— Да, вы правы. Найдутся такие, кому станет обидно, что его обманывали, найдутся те, кому безразличны будут деньги. Начнутся погромы, смерти. Вы этого хотите?
— Я не хочу, чтобы люди умирали, как свиньи на мясокомбинате.
— А я хочу, — улыбаясь, ответил он, поднося чашку к безгубому рту.
Посмотрел на него спокойно. Чего он ожидал? Что я кинусь в атаку?
— Я не только хочу, — продолжил Андрей Ильич, — я МОГУ это сделать. А вы не можете остановить ни меня, ни моих собратьев.
Он, не выпуская чашку из руки, потянулся другой за моим личным делом, пальцы третьей порхали по клавиатуре «подавителя».
— Вы же знаете, на меня это не действует, — я кивнул на «подавитель». — Зачем?
— Я экспериментирую с частотами, — ответил он, вчитываясь в дело. — Надо же, сколько раз читал, и не верится: вы были одним из первых, кто встретил нас по прибытии.
— Вам до сих пор интересно меня допрашивать?
— Мне интересно подобрать к вам ключик, но последнее время прихожу к выводу, что шансов практически нет.
— Меня ликвидируют?
— Возможно. Вы становитесь все менее перспективным в плане работы.
— Зачем вы мне это говорите?
— Чтобы вы знали! Еще не поздно проявить благоразумие! Прекратите! Вы ведь оказались практиче-

ски единственным, кто не подвержен нашему воздействию. Вы можете стать мостиком между вашим миром и нашим! Как вы этого не поймете?

— Извините, дверью в гастроном я быть пока не хочу.

Он нервно засучил руками, всеми шестью, цвет кожи поменял на лиловый. Только глаза спокойные, янтарные, смотрят в упор. Он ведь действительно хочет, чтобы я был ИМ помощником, чтобы извлек своих же, получая при этом солидный куш, и лучших шлюх, и шикарную жизнь, как делают тысячи политиков, актеров, писателей. Есть только одно отличие — они не видят всего этого, они заморочены и потому выходят из строя, направленное подавление быстро сжигает мозги. А я вот его не чувствую, и потому от этой поганы выворачивает.

— Идите, — произнес он, отведя взгляд, — завтра опять поговорим.

Поговорим, кто бы сомневался.

Когда к палате подходил, из двери очередная тварь выскочила — зеленая от удовольствия, растрепанная, сутулая, хоботок на плече болтается, обожралась видно. Не сразу сообразил, кто это. Только когда Федьку увидел на лежаке раскинутого, всего какими-то соплями перемазанного, с кровавыми подтеками на боках, сообразил — повариха пришла на свидание. Насосалась от души.

Дверь лязгнула, санитар ушел куда-то, курить, наверное, а может, жрать. У них, у санитаров, расовое отличие — жрать без меры.

— Как ты?

Федька вполне в сознании, но глаза мутные. Понятно, она его ядом протравила, чтоб он не только не рыпался, но и еще просил.

— Саня! — обрадованно просипел он. — Ты все зеленых человечков ловишь? Идиот!

— Лежи, — велел я и полез в заначку за иглой.

— Ты пока лопатой махал, у меня свидание было, и ты знаешь, — Федька голос понизил, — она целка была, вон весь в крови. Скромная, но потом разошлась.

— Заткнись, — я в голос злости подпустил, чтобы понятнее было, ему сейчас все хорошо.

— Сука ты, — грустно ответил Федор. — Завидуешь, так хоть рот не затыкай.

Иголку я наконец достал. Дрянная, конечно, из проволоки выточена, но точки продавить пойдет. Скрутил слабо трепыхающегося Федьку, наволочку в рот закинул, чтобы не орал, и начал вдоль позвоночника прокалывать осторожно. Хорошо, что так рано пришел — если сейчас не простимулировать организм, часа через четыре друг мой кровавой блевотой изойдет, а так повалится пластом недельку, помочится в штаны и будет снова голых баб рисовать.

Когда закончил, кляп вынул, руки развязал, Федя на спину перевернулся и застонал.

— Не верю я тебе, Саня, — сказал он устало. — Не хватывал нас никто и кровь не пьет. Завидуешь ты...

— Завидую, — сказал я, уstraиваясь на подоконнике.

Завтра все повторится снова, с почти зеркальной точностью, разве что суп будет другой...

Откуда-то из-за забора накатывает вечер.

Каждый день, чувствуя, как мгла пропитывает все вокруг, я стараюсь убедить себя в том, что где-то там, в хаосе, еще остались сильные и злые, способные противостоять дряни. Они, выжженные ненавистью дотла, свободные и обгаренные, переступят через границу и узнают, что здесь тоже были те, кто не согнулся, кто ждал их и хотел, чтобы они были. И вот тогда можно будет и сходить с ума, и умирать, и распускаться цветом чертополоха над обочиной.

Август 2012

Башмаки

(основой рассказа стал оригинальный сон одной молодой девушки)

*Как счастье возносит, так беда смиряет
и в познание себя приводит человека.
(Св. Тихон Задонский)*

Зазвонил мобильник. Света, не открывая глаз, нащупала его рукой на тумбочке и отключила, снова погружаясь в сладкую дрему.

В спальню зашла Татьяна Ивановна и резким движением раздвинула шторы на окне. Яркий солнечный свет залил комнату. Прикрывая глаза рукой, Света привстала с кровати.

— Мам, ну зачем ты каждое утро совершаешь этот акт вандализма? Ведь сегодня выходной.

— Выходной, Светочка, но ты обещала сыну сходить с ним на прогулку.

— Мам, сходите вдвоем. — Света лениво потянулась и встала с кровати. — У меня на сегодня совсем другие планы.

— Нет, дорогая, ты тратишь много времени на увеселительные мероприятия, а на сына его не хватает и он элементарного внимания с твоей стороны не получает.

Оксана Манзадей

Родилась в 1973 году в городе Белогорске Амурской области. Окончила Балашовский филиал Саратовского государственного университета по специальности «психология». С 2000 года работает в сфере социального обслуживания населения.

— Ну, знаешь, я, в конце концов, не старуха и устраиваю свою личную жизнь как умею. Помоему, ты и без меня неплохо справляешься?

— Так-то оно так, но ребенок нуждается в материнской заботе и внимании.

— Ой, мама, прямо с утра и такие банальности.

— Вся наша жизнь, Света, одна сплошная банальность, — Татьяна Ивановна строго взглянула на дочь.

— Ну ладно, ладно, — примирительно сказала Света, вдыхая исходящие из кухни ароматы. — Что у тебя на завтрак сегодня? Пирожки, что ли?

— С капустой, твои любимые. Иди завтракать, а потом на прогулку с ребенком. — Татьяна Ивановна удалилась на кухню.

В спальню к Свете заглянул сонный Сережка.

— Ма, ты прогулку обещала и железную дорогу электрическую купить!

— Пойдем и на прогулку и в магазин, сейчас только душ приму, а ты иди пирожки бабушкины ешь.

— Прогулки, дороги, не сделать ли ноги? — пропела Светлана, прикрывая дверь в ванную комнату.

Сереза доедал второй пирожок, запивая его молоком, когда раздался щелчок захлопывающейся входной двери.

Татьяна Ивановна резко повернулась на исходящий звук.

— Вот зараза, опять смылась, — она тяжело опустилась на табуретку.

— Вот и погуляли, — зашмыгав носом, сказал Сереза, обиженно уставившись на бабушкин фартук в крупный красный горох.

Светлана стремительно шла по тротуару, на ходу закалывая волосы на затылке. Ее изящную, хрупкую фигуру облегал темно-синее платье. Она спешила на свидание, которое назначил ей вчера вечером молодой продавец из супермаркета.

Света переходила дорогу, напряженно всматриваясь в лица людей, сидевших за столиками уличного кафе.

— Эй, куда летишь? — послышался мужской голос из резко затормозившего перед ней красного «Рено». — По сторонам смотреть нужно!

— Езжайте умники! — с вызовом сказала Света двум парням, сидящим в автомобиле.

Она перешла на другую сторону, а красный «Рено» двинулся дальше.

— Девчонка вроде бы ничего, может, познакомимся? — подмигнул, сидящий за рулем Данил своему другу.

— У тебя их пруд пруди, что, нужен еще один трофей? — спросил Славик.

— Да надоели уже все, хочется чего-нибудь новенького, — усмехнулся Данил, убавляя ход и пристально наблюдая за Светой.

— Да ну тебя! Какой же теплый в этом году сентябрь, — сменил тему разговора Славик.

Неожиданно внезапный порыв ветра лихо закружил перед автомобилем и спешащей незнакомкой воронку из опавших листьев.

— По-моему, ты погоду сглазил, — поежился Данил, наблюдая, как улицу со всех сторон окутывает туман. Вскоре

он стал таким густым, что Данил едва различал ярко синее платье идущей впереди них девушки.

Света продрогла.

— Вот тебе на, такой погожий денек выдался, и так резко похолодало.

Она вошла в опустевшее кафе.

— Так, — сказала она, оглядываясь по сторонам, — все посетители разбежались, замерзли что ли?

— Простите, — обратилась она к одиноко сидевшему за столиком худощавому мужчине, — а где официанты?

— Официанты? — мужчина очень удивился. Нет тут никаких официантов! Да, вон аппарат с кофе за стойкой, — он указал на него рукой. — Тут самообслуживание! — ответил мужчина, засеменя к выходу и растворился в тумане.

Света энергичными движениями растирала плечи, когда возле кафе притормозил знакомый «Рено» и из него вышли два молодых человека.

— Слушай, как-то странно твой автомобиль выглядит, — пристально рассматривая «Рено», обратился Слава к Данилу, — бледный какой-то, пыльный.

— Да на нем краска потрескалась! — ахнул Данил.

— Смотри, наша знакомая, — трясущейся от холода рукой Славик показал на Свету.

Ребята подошли к Светлане.

— Привет! — обратился к ней Данил. — Не будешь против, если мы составим тебе компанию?

— Нет, все равно никого нет, даже обслуживающего персонала.

— Как? — удивился Слава. — А где же он?

— Не знаю, когда я пришла, тут один мужчина сидел, он сказал, что здесь самообслуживание.

— Что-то я не припомню, что бы это кафе работало по такому принципу. А платить-то кому? — Славик нервно озирался по сторонам.

Все трое присели за столик. Данил незаметно разглядывал Свету. «А она симпатичная», — подумал он.

Словно прочитав его мысли, Света посмотрела на Дана холодными серо-голубыми глазами, поправила густые русые волосы, сколотые в изящный хвост на затылке, и слегка улыбнулась своими тонкими губами.

— Ну, раз уж мы тут одни, давайте познакомимся, меня зовут Света, — она протянула свою тонкую руку сначала кареглазому спортивному Данилу, а затем полноватому, неуклюжему Славику.

— Дан, — представил друга Слава, — а меня называй Славиком, — он поклонился.

— Смотрите, уже темнеет, — заметила Светлана.

— Что-то слишком рано, — сказал Данил. — Давай мы тебя подвезем, — обратился он к Свете, — где ты живешь?

— На Садовой, — ответила она.

Молодые люди вышли из кафе и сели в машину. Они медленно двигались через туман, разглядывая близлежащие дома.

— Какая тишина и машин совсем нет, — констатировал Славик.

— Жутковато, однако, — шепотом произнесла Светлана, — вот мой дом, — показала она на серое, затянутое туманом здание.

Данил притормозил.

— Пока, мальчики, спасибо, — пробормотала Света и вошла в подъезд своего дома. Она вбежала по лестнице на третий этаж и открыла дверь своей квартиры.

— Привет всем, я дома... Мама, Сережка, я дома, — повторила она еще громче.

Никто не ответил.

Дрожь пробежала по всему телу Светы, не раздеваясь, она вбежала на кухню и рассмеялась. На столе стояла тарелка с остывшими пирожками, а на табуретке лежал аккуратно свернутый мамин фартук в крупный красный горох. Света присела к столу, одной рукой снимая туфли, а другой засовывая пирожок в рот.

— Гулять ушли. — Света вернулась в прихожую и небрежно бросила туфли на обувную полку. — Правда, поздно уже, может, к Антонине Васильевне ушли, маминой подруге, она тут недалеко живет, в частном секторе.

Света стянула платье и бросила его на кровать, затем распахнула окно в спальне.

Город накрыла непроглядная темная ночь. Пахло сыростью, на небе не было видно ни одной звезды.

— Наверно, остались с ночевкой. Только почему записку не оставили?

Светлана забралась под одеяло, надеясь забыться, немного почитала, но тревога не покидала ее. Она взяла сотовый телефон и набрала номер матери.

— Абонент временно недоступен, — ответил ей чужой женский голос.

Она пыталась дозвониться еще несколько раз, но усталость свинцовой тяжестью навалилась на нее и вскоре Света забылась тяжелым сном.

* * *

Данил со Славой подъехали к дому. Дан поднял голову и увидел свет в окнах своей квартиры.

— Мои еще не спят! — радостно воскликнул он.

Зайдя в квартиру, он удивился, что свет горел во всех комнатах. В кабинете отца работал компьютер, на мониторе светились колонки с цифрами. Дан услышал звук закипающего чайника и стремительно прошел на кухню. Она была совершенно пуста.

— Куда же они делись на ночь глядя? — Данил выключил чайник и быстро спустился на этаж ниже, в квартиру Славика. Входная дверь была приоткрыта. Слава сидел в прихожей с телефоном в руках.

— Не работает, — беспомощно сообщил он другу. — Моих нет.

— У меня тоже пусто. Слушай, я у тебя переночую, а то как-то не по себе одному, — он подошел к телевизору и включил его.

Послышалось шипение, и на экране появилась сплошная серая рябь. Данил пощелкал с канала на канал.

— Выключи, — обреченно сказал Слава, — кажется, сегодня везде профилактические работы. Он с размаху плюхнулся на диван. Через час Данил уснул рядом с ним в кресле.

* * *

Света видела, как мама зашла на кухню и убрала тарелку с пирожками в хлебницу.

— Эх, Светка, Светка, никогда за собой не уберет, — посетовала она, взяла тряпку и тщательно вытерла стол, смахивая в ладонь крошки от пирожков. Затем она вошла в спальню Светы и привычным движением раздвинула шторы. От яркого слепящего солнца Света прикрыла глаза рукой и... проснулась.

Она встала с кровати и подошла к открытому окну. Серое хмурое утро окутало пустынный город. Света быстро оделась и отправилась к Антонине Васильевне на поиски родных.

Она шла привычным маршрутом, но окружающий город казался ей чужим и враждебным. Свернув в узкий переулок, ведущий к дому Антонины Васильевны, она сразу увидела ее сгорбленную фигурку. «Зачем Антонина Васильевна забралась в чужой огород и копается там, в куче жухлой травы?» — удивилась Светлана.

Пожилая женщина подняла голову и приветливо помахала ей рукой.

— Вот и ты тут, Светочка, — жалко улыбнулась она, — как тебе здесь, неуютно, поди, без своих-то?

— А разве они не у вас? — спросила Светлана.

— Да что ты, — испугалась Антонина Васильевна, — они там, дома!

— Нет их дома, Антонина Васильевна, со вчерашнего дня нет, я — то думала, они у вас.

— Вчера говоришь... — женщина пристально посмотрела на Свету, — значит, долго тебе еще тут...

— Да вы можете мне объяснить, что происходит? — рассерженно перебила ее Света.

— Ой, что ты, — прошептала Антонина Васильевна, — разве ж я могу, я не могу, Светочка, не могу. Сама ты все должна понять.

— И что же я должна понять? Почему вы траву в соседском огороде убираете? А?

— Убираю, Света, убираю. А как иначе я домой-то вернусь? Вот ты думаешь, что я женщина хорошая, добрая, а я завистница, Света. Вот как! С утра весь свой сор соседке в огород скидывала. У нее ж больше земли, чем у меня. Злилась я и пакостила. А теперь чищу его с раннего утра и до вечера, дней десять уже чищу, и конца и края не видать.

Женщина схватилась рукой за поясницу, нагнулась, собрала в охапку сухую траву и бросила ее в разведенный невдалеке костер. Едкий дым накрыл плотной пеленой фигуру Антонины Васильевны, и Света едва различала ее.

— Так я ничего не поняла, Антонина Васильевна! — выкрикнула Света.

В ответ она услышала только шипение затухающего костра.

* * *

Данил проснулся и оглядел комнату. Он вспомнил, что во сне видел родителей, приятелей с работы и друзей по институту. Затем встал, размялся, прошел на кухню и открыл холодильник. Взял холодную бутылку пива, откупорил ее и наполнил пивом стакан. Предвкушая знакомый вкус, отхлебнул из него большой глоток и прометью бросился к раковине.

— Какая гадость, — сказал он, — выплевывая пиво, — выдохлось. — Слав, а Слав, как это в закрытой бутылке пиво могло выдохнуться?

— Не знаю, — в кухню вошел растрепанный Славик.

Он достал из шкафа банку с растворимым кофе, поставил на плиту чайник. Потом приготовил яичницу-глазунью, и ребята позавтракали.

В дверь позвонили, и приятели вздрогнули от неожиданности. Дан открыл. На пороге стоял сосед Славика — Николай Дмитриевич Кожухов. В одной руке он держал тюбик с зубной пастой, в другой колпачок от нее.

— Во, видите, закрываю! — с пафосом произнес он, закручивая тюбик и залихватски пританцовывая на месте.

— Мне сегодня моя жена снилась, — рассказывал он, все яростнее топая ногами по полу, — жаловалась своей подруге на меня. Я, видите ли, никогда тюбик с пастой не закрываю. А я закрываю! — он перестал танцевать и победно уставился на изумленных друзей. — Вы мои свидетели! Подтвердите! — потребовал он.

— Подтвердим, если нужно, — улыбнулся ему Дан, — Николай Дмитриевич, а вы наших не видели?

— Нет, — ответил тот, испуганно озираясь по сторонам. — Я тут всех знаю, ваших нет. А вы-то какими судьбами? Бедные мои, нехорошо-то как, и за что — не знаете?

— Нет, — переглянувшись, в один голос ответили Слав с Данилом.

— Ох ты! Значит, застряли вы тут!

— Где тут? — спросил Славик.

— Да вот тут! Кто ж знает где? Тут — это тут. Где — никто не знает.

— Дядь Коль, вы хоть соображаете, что говорите? Тут не тут, где нигде? Что это за ребусы с самого раннего утра, объясните все по-человечески.

— Ага, сказал тоже, чтобы тут и все по-человечески. Не знаю я, как места эти называются, но зато всех жильцов знаю, дольше всех здесь. А за что попал сюда, только

вчера понял. Ладно, одевайтесь, познакомлю вас со всеми, постучите мне, когда будете готовы.

— Слушай, может, психиатричку ему вызвать? — озадаченно спросил Слав, как только дверь за Кожуховым закрылась.

— Боюсь, не все так просто, дружище, как бы нам самим туда не угодить.

— Ну, вот и ты туда же. Сосед плетет невесть что, но мы-то знаем, что находимся в своей квартире, в родном городе.

— Да, только город практически пуст, на улице нет машин, сотовые и телевизор не работают, мы даже не в курсе, где наши предки.

— Все это должно иметь объяснение, — почесал в затылке Славик.

— Ну, тогда объясни.

Слав беспомощно развел руками и стал одеваться.

— Пойдем к Кожухову, что еще остается?

* * *

Первым делом Кожухов привел ребят в солдатскую столовую. В большом зале сидел один новобранец, а полная румяная женщина подкладывала в его тарелку с гречневой кашей густой мясной гуляш.

— Это Людочка наша, — пояснил Кожухов. — там, — Николай Дмитриевич показал рукой куда-то вверх, — она была поваром, и мясо в солдатской столовой воровала. Каждый день в сумочку — и домой тащит. Нажарит отбивных и лопает всласть, — Кожухов злорадно рассмеялся. — Хорошо тут этот подвернулся, — указал он на солдата, — уж больно неаккуратно ел. Теперь вот учится с достоинством трапезничать.

Троица вышла на улицу. Кругом царила гнетущая тишина. Ни дуновение ветра, ни движение транспорта, ни шум людских голосов не нарушали покой города.

— А вон, Васильчиков, — показал Кожухов на тощего, нескладного мужчину, идущего по другой стороне ули-

цы. — Не в коня, так сказать, корм, а ведь обжора, каких свет не видывал! Знаете, что он в своем портфельчике несет? Шоколад несет, в магазин сдавать. Каждый день носит. Вчера консервы сдавал, позавчера крупу с макаронами.

Кожухов поправил криво сидящую на голове шляпу, отдернул застегнутый на одну пуговицу пиджак и с серьезным видом сказал:

— А теперь, ребята, по-настоящему тяжелый случай, — он указал на вывеску одного из зданий. Вывеска гласила — типография «Орфей».

Николай Дмитриевич, согнувшись, вошел в учреждение, на цыпочках прокрался к приоткрытой двери, за которой слышался скрипучий женский голос.

— А я вам говорю, вы замечательный сотрудник! Все успеваете сделать в срок, вежливы, тактичны. Я всегда довольна результатами вашей работы. В конце концов, вы просто талант!!!

— Елена Александровна, директор типографии, — шепотом пояснил Кожухов.

Он медленно покачал головой из стороны в сторону.

— Случай исключительно тяжелый, — повторил он, — она, — он вплотную придвинулся к Славе с Данилом, — своих работников все время пилил: глупые все, мол, ничего не умеют, деньги не за что получают.

— Ну и что ж тут тяжелого? Обычное дело, — громко сказал Славик.

— Тсс! Да потому, что из работников сюда никто не попал! Она-то все ждет, надеется, тренируется, а что толку-то, — Кожухов разочарованно шлепнул себя по толстой ляжке.

— Николай Дмитриевич, — Данил схватил его за лацкан пиджака, — а мы — то за что?

Кожухов испуганно заморгал глазами, отдернул руку и неловко попятился.

— Почему я знаю? Я так, экскурсию вам устроил. Знать не знаю, ведасть не ведаю, почему вы тут пропадаете. Ду-

майте! — воскликнул он, погрозил им пальцем, надвинул шляпу на глаза и вприпрыжку побежал к выходу из здания.

— Во попали! — сказал Слава, выходя вместе с Данилом на улицу. — Смотри, Светка идет.

Данил увидел, как удаляющийся Кожухов, пробегая мимо Светы, приподнял шляпу. Он проводил его взглядом и пошел навстречу Светлане. Слава не спеша двинулся за ним.

Сегодня Света была одета в джинсы и свободный вязаный свитер.

— Привет, — поздоровалась она.

— Привет, — ответил Данил, — как ты?

— Я в шоке, ребята! — Светлана расплакалась. — Я ничего не понимаю, где мы? Крутом лишь туман и пустота, людей практически нет.

— Ладно, что ты раскисла-то, слезами горю не поможешь, — недовольно пробормотал Славик.

Данил рассказал Свете об экскурсии, которую провел с ними Николай Дмитриевич Кожухов.

— И я так понял, ребята, — вздохнул Данил, — что мы что-то не так в жизни делали, а здесь затем, чтобы дать ответ, исправиться что ли.

— Ну что, что я не так делала? — спросила Света.

— А я? — пожал плечами Слава.

— Да не знаю я, — Данил нервно прохаживался по мостовой. — Вот что, давайте расслабимся, за город, что ли, съездим? Как идея?

— Поехали, — Света вытерла слезы длинным рукавом свитера, потерла покрасневший нос.

Они прошли на стоянку возле дома Данила, сели в машину и двинулись за город. Света равнодушно рассматривала безлюдные улицы, хмурилась и часто вздыхала.

— Зачем ты тормозишь на красный? — спросил друга Славик. — Машин-то вообще нет.

— Привычка, — ответил Данил.

— А я никогда правила не соблюдаю, люблю с ветерком проехать! — сказал Слава и вдруг прерывисто расмеялся.

Данил и Светлана одновременно повернулись в его сторону.

— Эй, ты что? — потряс его за плечо Данил.

— Останови, я выйду!

Данил притормозил.

— Без меня езжайте, не обижайтесь, ребята, кое-что нужно сделать, — он захлопнул дверцу «Рено».

Данил посмотрел на Свету и пожал плечами.

— Сбежал, что это ему в голову взбрело?

— Правила он нарушал, за это и попал сюда, ты что, не понял?

— Неа... — ответил Данил и надолго задумался.

Они выехали за город. Туман там почти рассеялся, но впечатление, будто все вокруг затянуто темно-серой дымкой, все же осталось.

— Данил, — Света осторожно тронула его за плечо, — смотри, по-моему, это радуга!

Данил остановил машину и посмотрел в сторону, на знакомый с детства пруд. Низко, над самой кромкой воды, он увидел тонкие разноцветные полосы радуги.

— Очень красиво, — сказал он, пытаясь припомнить, когда в последний раз наблюдал подобное явление.

— А я видела радугу только на картинке, — сказала Светлана, выпрыгивая из машины.

Данил тоже вышел, открыл багажник, достал оттуда старый клетчатый плед и пригласил Свету:

— Пойдем, посидим под ветерком, — показал он в сторону пруда.

Света кивнула и пошла вслед за Данилом.

Он расстелил плед на жухлой траве и растянулся на нем во весь рост. Света присела на край одеяла, поджала ноги под себя и, уставившись на темную гладь воды, спросила:

— Как думаешь, мы здесь надолго?

— Бог его знает, — Данил напряженно вглядывался в серое небо над головой.

— О чем ты думаешь? — Света пристально посмотрела на Дана. — Понял, почему тут оказался?

— Нет, я только знаю, что тошно мне тут, скучно.

Он взял Свету за руку и потянул к себе.

— Может, немного отвлечемся?

— Ума у тебя, Данил, палата, — Света выдернула руку, — тебе лет-то сколько, соблазнитель?

— Девятнадцать, а что?

— А то, Казанова, что я тебя на шесть лет старше буду.

— Да ну, брось, тебе не больше двадцати!

— А вот и больше, мне двадцать пять, и у меня уже есть сын, ему шесть лет! — Света почувствовала холодок в сердце, ее ладони внезапно взмокли.

— Не может быть, — Данил привстал и сел ближе к Свете, — у тебя сын?

— Да, сын, Сережа зовут, — Света неожиданно громко разрыдалась.

— Дан, я... я очень плохая мать, — судорожно всхлипывая, объясняла она. Я знаешь, как дурочка наивная, мечтала выйти замуж за красивого и богатого. И ведь нашла такого, да только я для него так, забава была, он поиграл со мной, но я ему быстро надоела. Хотела его ребенком удержать, да не тут-то было! И до сих пор я все в розовых мечтах! — она в отчаянии стукнула сжатыми кулаками по своим ногам. — А Сережка с мамой растет, мне ведь не до него, я его только спящим вижу, утром и вечером. — Света зарыдала еще громче. — Он попросит, ну вот самую малость, погулять или поиграть, а я только отмахиваюсь, мол, дела. А дела одни — женихов искать! В школу скоро сыну, а я с ним ни разу не занималась, все мама, — Света уже захлебывалась в слезах, вытирая мокрое лицо рукавом свитера, — дура я, Дан, дура!

Данил порывисто обнял Свету и крепко прижал к себе.

— Ну хватит, Светка, успокойся. Знаешь, — он несколько отстранил ее от себя, погладил по густым волосами, по-

целовал в соленую щеку, — я даже несколько тебе завидую, ты хоть поняла, почему здесь очутилась.

Была уже глубокая ночь, когда Света проснулась на плече у Данила.

— Поедим, соня, — обратился он к ней, — стало очень холодно.

Накрывшись старым пледом, они медленно побрели к машине.

Проводив Свету, Данил зашел в квартиру Славика. Под ярким светом настольной лампы тот изучал правила дорожного движения.

— Ты что-то долго. Что, уже окрутил девчонку?

Дан устало опустился в кресло.

— Да нет, она расплакалась, о жизни своей разоткровенничалась. Мне как-то не по себе стало... Жалко что ли ее.

Славка изумленно уставился на друга.

— Тебе? Жалко? Да ты ж их как орешки щелкал, этих девчонок! Не помню, чтоб ты хоть одну пожалел.

— Да хватит тебе, Слав, душу травить. Ты-то что вдруг решил правила изучать? Думаешь, за это сюда свалился?

— Да, а за что еще? Мне все говорили: мать, отец, друзья, соседи, что я гоняю как сумасшедший, все уши прожужжали, что нарушаю, а гаишники штрафовали сколько? Дашь машину завтра? — заискивающе спросил Слава.

— Бери.

— Добренький ты какой-то сегодня и печальный. Нет, зацепила тебя Светка, ты уж мне поверь, я знаю, ты втюхался.

Данил махнул на друга рукой.

— Тоже мне знаток человеческих душ нашелся.

Учи уж свои правила! Пойду к себе, увидимся завтра.

Данил не спеша поднялся в свою квартиру, прошел в спальню и, не раздеваясь, лег на кровать, подложив руки под голову. Заснул он только под утро. Всю ночь он размышлял о случившемся. Славка во многом был прав. Когда Света так неожиданно открылась ему, такая хрупкая, ранимая, бесшабашная плакса, Данил искренне по-

сочувствовал ей и неожиданно для себя... пожалел, захотел помочь, успокоить, защитить. В первый раз за всю его бурную молодость он испытал подобные чувства.

Скоротечные любовные романы были неотъемлемой частью жизни Данила. Внешне весьма привлекательный, высокий, стройный, со слегка вьющимися темными волосами, искрящимися карими глазами, он пользовался большой популярностью у женского пола. Брюнетки, блондинки, шатенки и рыжие симпатичные девичьи быстро влюблялись в него. Но в их отношении к нему было что-то искусственное, жеманное, потребительское, и он прекрасно осознавал это. В этих любовных играх его и самого увлекал лишь процесс ухаживания и соблазнения. Каждый раз, достигая цели и испытывая чувство, сравнимое со спортивной победой, он сразу же стремился к новым достижениям. При этом он хорошо зарабатывал и был весьма щедрым любовником, умел красиво расставаться и сохранял приятельские отношения с бывшими возлюбленными. Но ни к одной из них он не испытывал искреннего чувства, его просто окрыляло состояние влюбленности, оно давало ему возможность ощутить вкус и разнообразие жизни.

Данил привстал на кровати и потер лицо руками.

— Вот и приплыли. Я, оказывается, никогда не любил женщину! — он устало откинулся на подушки, легкая дрема овладела им.

В предраассветной тишине запах осенних листьев смешался с горьковатым ароматом Светиных духов.

Света перевернулась во сне и застонала. Ей снился Сережка, он играл на детской площадке возле их дома, она протянула к нему руку и... проснулась.

Вскочив с кровати, она подбежала к окну и посмотрела во двор. Он был пуст, но что-то в городе неуловимо изменилось. Света не поверила своим глазам, туман рассеялся, утро было очень ясным и солнечным. Она при-

строилась на подоконник, подставляя лицо теплым солнечным лучам, прикрыла глаза и тут же испуганно распахнула их, услышав оглушительные радостные крики.

— Башмаки! Башмаки!!!

По улице в помятой шляпе и пиджаке, застегнутом на одну пуговицу, неся полный мужчина, крепко сжимаемая в руках над головой старые, потрескавшиеся башмаки. Рядом с ним бежал высокий лысый гражданин с потертым портфелем под мышкой. В один голос они снова восторженно закричали:

— Башмаки! Башмаки!!!

Полный остановился под распахнутым Светиным окном, вытянул вперед руки с башмаками и извиняющимся тоном сказал:

— Башмаки. Мне! — он радостно засмеялся, приподнял шляпу. — Кожухов Николай Дмитриевич. Ухожу, разрешите откланяться!

Высокий встал рядом с ним.

— Уходит, домой уходит! — задыхаясь, сказал он, указывая на старые коричневые башмаки.

Кожухов поставил башмаки на землю, сунул в них босые ноги и наскоро завязал шнурки. Затем поднял на Свету радостные сверкающие глаза.

— Простили, Христа ради, простили. И вы простите, ухожу, — он глубоко вздохнул, помахал Свете рукой и вприпрыжку помчался по улице.

Света увидела, как ветер поднял с земли опавшие листья и закружил их в немислимом танце, превращая в спиралеобразную воронку. С каждой секундой скорость движения в ней увеличивалась. Она двигалась по улице, словно маленькое торнадо.

Кожухов вбежал в нее...

Вдруг ветер стих, желтые листья на миг сильно подбросило вверх, и они рассыпались по земле золотым дождем. Город вновь окутал серый непроглядный туман. Тощий незна-

комец, обхватив голову руками, сел на тротуар. Он долго качался из стороны в сторону и бормотал себе под нос.

— Ушел, ушел...

Света закрыла окно и усталилась на свое отражение в нем.

— Как же это возможно, что же это такое?

Она зло ущипнула себя за руку, прошла в ванную и включила душ. После натянула на мокрое тело джинсы и свитер, тщательно расчесала волосы и вышла на улицу.

Дан уже дожидался ее у подъезда.

— Привет, что это были за крики? — спросил он.

— Некто Кожухов ушел домой. Он надел потрескавшиеся от старости башмаки, вошел в воронку из желтых листьев и там исчез.

Данил вздрогнул и пристально посмотрел на Свету.

— Слушай, а перед нами тоже воронка кружилась, перед тем как мы сюда попали. Помнишь?

— Да, я вспоминаю, — протянула Света, — значит, можно вернуться? — с надеждой спросила она Дана.

— Не факт, конечно, но все-таки кое-что начинает проясняться, пойдём, отметим это событие, — он потащил Свету в сторону пустого уличного кафе.

— Что же, интересно, тебе стало ясно? — язвительно спросила Света. — У меня вопросов гораздо больше, чем ответов.

— Ну, к примеру, что для возвращения нужны эти старые поношенные башмаки.

— А откуда они взялись?

— Свет, ты что, думаешь, я умнее, чем ты? Разве я могу знать откуда?

— Ты же сказал, что что-то прояснилось.

— Вот именно, что что-то. Что ты ко мне сегодня придираешься? — он игриво притянул ее к себе.

Света возмущенно отстранилась, вошла в кафе и усеялась за столик возле барной стойки. Дан прошел за нее.

— Давай-ка проверим одну мою теорию, — он откупорил бутылку вина, наполнил два стакана, принес их за столик и присел. Света отпила вино и удивленно сказала:

— Вода.

— Ага, тут даже спиртного нет, — подтвердил Данил, — рассматривая содержимое своего стакана.

— Вот как, — задумчиво протянула Света, — это, наверное, для того, чтобы мы ни на миг не забывали, зачем мы здесь.

— Ну и ладно, отметим кофе. Я сделаю тебе капучино. Данил встал и включил кофейный аппарат. Через минуту напиток был готов. Света рассмеялась, пробуя его.

— Пенка губы щекочет, а тебе? — спросила она, рассматривая, с каким удовольствием Данил пьет свой кофе.

— У меня без пенки, — пояснил он, — капучино только для девчонок, а настоящие мачо пьют только черный, — он озорно подмигнул ей. — А давай потанцуем?

— Так техника не работает.

— А я сам спою, у меня неплохой голос, — он подал Светлане руку и начал напевать старую мелодию в стиле блюз.

— Ты все-таки меня клеишь? — Света подала ему руку.

— Фу, какой жаргон! Светик, ты портишь романтическое свидание, — ответил он, прижимая девушку к себе и заглядывая ей в глаза.

— Свидание? Я же говорила, что тебе нужен кто-нибудь помоложе, — смутилась она, отводя глаза в сторону.

— А кому когда-либо мешала разница в возрасте? — он приподнял ее над полом и слегка покружил. Потом остановился, опустил Свету на пол и серьезно сказал:

— За эти дни многое случилось, Света, и ты стала для меня самым близким человеком. Он нежно обнял ее за шею и слегка поцеловал в губы.

— Это все временно, Дан, — ответила Света, легко прикоснувшись пальцами к его губам.

— Нет ничего более постоянного, чем временное! — парировал он.

Неожиданно послышался скрип тормозов, и они выглядели на улицу. В машине Дана сидел Слава и терпеливо ждал зеленого сигнала светофора.

— Отрабатывает, — усмехнулся Данил.
Они переглянулись и дружно рассмеялись.

* * *

Эту ночь они провели вместе. Дан спал как младенец, а Свете снова снился сын...

...Татьяна Ивановна сидела на кухне, перебирая гречневую крупу на кашу.

— И где же твоя мать пропадает? — спросила она Сережу.

— Бабуль, ты что-нибудь полегче спроси. Гулять-то отпустишь? Меня во дворе Санек дожидается, все равно мама так быстро не вернется, а если и вернется, то ей будет, как всегда, не до меня...

Дан проснулся от всхлипываний Светы. Она сидела на кровати и горько плакала.

— Я вернусь, я вернусь, — повторяла она.

Он молча обнял ее и прижал к себе. Погладив под распущенными густыми волосами ее горячую нежную спину, он прошептал:

— Плакса ты моя ненаглядная, я, наверное, скоро утону в твоих слезах. Успокойся, родная, слезы твои совершенно невыносимы, но я обещаю, что всегда буду рядом, когда тебе захочется поплакать.

— Дан, милый, — Света прижалась к его плечу, — что же мне делать? Как я могу что-либо исправить? Здесь даже чужих детей нет. Дания, я никогда не смогу вернуться!

— Ты не можешь знать этого наверняка, я постараюсь что-нибудь придумать.

Вскоре Света уснула. Дан вытащил руку из-под ее головы, сел на кровати и надолго задумался. Когда он вышел из оцепенения, уже светало. Дан натянул джинсы и прошел на кухню. В дверях он резко оглянулся и с удивлением уставился на обувную полку. На ней стояли... старые, потрескавшиеся коричневые башмаки. Он долго смотрел на них, затем подошел и осторожно взял в руки.

* * *

Светлана проснулась от бьющего в глаза яркого солнечного света, опустила ноги с кровати и почувствовала под ними грубую шершавую поверхность. Она опустила голову и с изумлением обнаружила рядом с комнатными тапками Данила заветные башмаки.

— Дан, Даня, проснись! — она потрясла его за плечи.

Дан открыл сонные глаза и широко ей улыбнулся.

— Дан, башмаки, — она взяла их трясущимися руками и показала Данилу.

— Вот видишь, не стоило столько слез лить, — сказал он, вставая с кровати.

— Но я... я не понимаю...

— Да, здесь все непонятно, — он лениво потянулся, — ясно только одно — у тебя в руках башмаки!

* * *

Счастливую обладательницу башмаков вышли провожать всей честной компанией — Антонина Васильевна, Елена Александровна, Васильчиков, Людочка, новобранец и Славик.

Светлана крепко обнимала Дана за шею и шептала ему на ухо:

— Мне тяжело от тебя уходить. Ну почему, почему их только одна пара? — она сердито потрясла башмаками. — Ты обещал, что всегда будешь рядом!

— Обещал... — он освободился от ее объятий и ласково погладил ее по волосам. — Иди, Света, тебя ждут дома.

Света опустила башмаки на землю, сунула в них ноги и, всхлипывая, стала не спеша завязывать шнурки.

— Свет, пожалуйста, без слез, — попросил Дан, — я не могу, когда ты плачешь.

Света встала, натянуто улыбнулась Данилу и пошла вдоль по улице. Она смело шагнула в плотную воронку из желтых листьев и растворилась в ней. Один из разле-

тевшихся листочков упал к ногам Данила, он поднял его с земли и вдохнул горьковатый аромат уходящей осени.

— Как же так? Как же так? — сокрушалась Елена Александровна. — Ведь тут и детей-то нет, как же ей башмаки-то дали? Может, и у меня есть надежда? — обратилась она к Васильчикову.

Тот испуганно пожал плечами, заглянул в свой портфель и быстро скрылся в ближайшем магазине.

Слава подошел к Дану, положил ему руку на плечо и сказал:

— Пойдем домой.

Дан кивнул и двинулся вслед за другом.

— Стой-ка! — Антонина Васильевна схватила Данила за руку и заглянула ему в лицо. — Подарил?.. Ты ей свои башмаки подарил! Верно?

Слава возмущенно оглянулся на друга.

— С ума сошел, ведь ты можешь застрять тут навечно!

— Подарил, — кивнул Дан, положил осенний листок в карман куртки и, улыбаясь своим мыслям, легкой походкой зашагал в сторону дома.

Эпилог

Света с сыном прогуливались по парку. Они прошли мимо сидящего на лавочке пожилого мужчины, который читал газету.

— Здравствуйте, Светочка, — выглянул из-под газеты Кожухов и озорно ей подмигнул, — вернулись?

Света присела с ним рядом и легонько толкнула его в плечо.

— Закручиваете? — спросила она.

— А как же, — ответил Николай Дмитриевич, — супруга очень довольна.

— Мальчик, шоколадку хочешь? — спросил Сережу идущий по аллее Васильчиков, достал из потертого портфеля несколько шоколадных плиток и протянул Сереже.

— Спасибо, — любезно поблагодарила Света.

— Здравствуйте, Светлана, — поздоровалась женщина, подошедшая с другой стороны лавочки. — Как вы тут обустроились? Не хотите ко мне пойти поработать, я своих сотрудников не обижаю, по крайней мере, все довольны, — улыбнулась изрядно похорошевшая Елена Александровна. — Вы знаете, — вполголоса продолжила она, — Людочка тоже вернулась, она так и подкармливает в столовой того новобранца, привычка что ли? — она пожалала плечами, обошла лавочку, взяла Васильчикова под руку и засмеялась, кивнув в его сторону — На диете сидит, строгой, а шоколад вот раздает.

Васильчиков низко поклонился. Вместе с Еленой Александровной они продолжили прогулку.

Раскрасневшиеся и довольные, Света с сыном вернулись домой. На пороге их встретили Татьяна Ивановна и Антонина Васильевна. В квартире пахло мятой и листьями смородины.

— Соседка моя поделилась травами, — счастливо улыбнулась Антонина Васильевна, — вот и чаевничаем, давайте с нами, — позвала она их на кухню.

— Сейчас, только разденемся, — ответила Светлана.

Сережка уже убежал в детскую, а Света вешала пальто, когда в дверь позвонили. Света вздрогнула и быстро открыла. На пороге стоял похудевший Слава.

— Здравствуй, Светлана.

— Привет, — разочаровано ответила она.

— Я пришел пригласить тебя прокатиться. Езжу теперь без погрешностей, — он замялся, — ну, и рассказать кое-что нужно.

Из своей комнаты выглянул Сережка, Света поманила его к себе.

— Поедешь с нами? — спросила она.

— Нет, мам, ты что, забыла, сейчас Санек придет, будем в железную дорогу играть, которую ты мне подарила.

— Тогда бабушке передай, что я ненадолго, — Света поцеловала сына в макушку, надела пальто и вышла на улицу вместе со Славиком.

* * *

За городом стояла звенящая тишина, она наполнила Светлану и Славу воспоминаниями о былом приключении. Слава увлеченно рассказывал Свете о том, что произошло с ними после ее возвращения домой. Как ему достались башмаки и он въехал в крутящуюся воронку прямо на автомобиле Дана. Затем он посмотрел в ее печальные глаза и приумолк.

Дорога была практически пуста, только одинокий бомж уныло брел по обочине.

— Смотри, какой красивый закат! — Слава остановил машину.

Они вышли.

— Да, здорово! — Света поежилась от резкого порыва ветра.

Прямо перед ними внезапно возникла плотная воронка из желтых листьев. Они испуганно попятились прочь от нее, но, почувствовав, что ветер стих, одновременно обернулись и увидели... стоящего посреди дороги улыбающегося Данила.

— Даня!!! — они бросились к нему со всех ног.

Света повисла у него на шее, а Славик беспрестанно жал ему руку. Данил крепко обнял их. Втроем они двинулись к машине.

— Вот это да! — послышался хриплый голос позади нее.

Ребята внезапно остановились. Обойдя «Рено», они увидели сидящего на земле бомжа, который с удовольствием примерял... старые, потрескавшиеся коричневые башмаки. **✪**

Рабовладелец мистер Бартоломеус

Елена Щетинина

Родилась 9 марта 1981 года в Омске. Закончила Омский Государственный Университет по специальности «культурология» и магистратуру по специальности «история». Работала журналистом в газетах, журналах и на радио, ведущей кинопремьер и киноклубов, преподавателем вуза, экскурсоводом, музейным работником. Участница литературного семинара «Интерпресскон-Малеевка» (2012), участник конвента фантастов «Интерпресскон — 2012», участник международных, всероссийских и региональных конференций и семинаров по направлениям «культурология», «философия», «филология», «теория и история искусств», «теория кино», «музыковедение», «театроведение». Имеет ряд научных публикаций; ряд журналистских публикаций; художественные публикации в альманахе Б.Стругацкого «Полдень XXI век», сборниках «Складчина», «Когда-нибудь мы встретимся», «Годовые кольца», «Можно коснуться неба». Лауреат областной молодежной литературной премии Ф.М.Достоевского.

Мистер Бартоломеус все больше и больше разочаровывался в своем рабе.

Надо сказать, тот и раньше отличался ленью, забывчивостью и даже неряшливостью — но вот эгоизмом никогда. Да, раб мог запомнить вовремя подать мистеру Бартоломеусу ужин, не позаботиться о туалетной комнате или не поприветствовать хозяина, когда тот возвращался домой.

Но чтобы продолжать есть, когда хозяин уже несколько раз намекнул на то, что голоден, и не обращать на эти

намеки никакого внимания — это уже недопустимо. А что дальше? Не впустить хозяина в дом? Предложить самому добывать пищу? Как далеко может зайти такой эгоистичный и ленивый раб?

Обо всем этом мистер Бартоломеус жаловался на очередном собрании рабовладельцев. Его слушали внимательно, то и дело кивая и перешептываясь, — видимо, у многих наболело.

— Мне кажется, мы должны принимать меры в таком случае, — закончил излияние души мистер Бартоломеус.

Мистер Моуриций — председатель Общества рабовладельцев — кивнул:

— Мы не просто должны, мы обязаны принимать меры в таком случае. Потому что вы не затронули самого главного, самого опасного и самого отвратительного последствия всех этих незначительных на первый взгляд происшествий — а вдруг рабы обнаглеют от своей безнаказанности до такой степени, что решат поднять восстание?

Аудитория замерла в ужасе.

— Но это невозможно! — пискнула молоденькая мисс Муртуль, буквально на днях обзаведшаяся своим собственным, не семейным, рабом и принятая в Общество. — Это же просто... просто ужасно!

— Ужасно, — кивнул мистер Моуриций. — И ужасно не только для нас — мы можем себе найти и новых рабов, совершенно иной расы, — но ужасно, прежде всего, для рабов нынешних. Ну вот были они когда-то свободными — и что в результате этого они получили? Упадок, бардак — и, как следствие этого, рабство. И прошу вас вспомнить историю — они сами, добровольно, избрали рабство у нас!

Аудитория синхронно закивала в ответ.

— Узы добровольного рабства — самые крепкие узы в мире! — похвасталась своим знанием свежeweученного Кодекса Хозяина мисс Муртуль.

Мистер Бартоломеус с нежностью взглянул на малышку. Она ему уже давно нравилась, и он был одним из тех, кто голосовал за то, чтобы, несмотря на юность, принять ее в Общество. «Может быть, уже посвататься к ней?» — мелькнуло у него в голове, и он молодецки пригладил усы. Мисс Муртуль заметила этот жест и, кажется, верно истолковала причину, потому что потупилась и стала потирать внезапно заалевшие кончики ушей.

— ...Но рабы должны размножаться, — возразила мисс ван Маав, отвечая на чью-то реплику, которую мистер Бартоломеус прослушал. — Да, конечно, пожилые рабыни — самый лакомый кусок, но их век недолог. И не всегда у них есть родственники-рабы, чтобы перейти по наследству.

Кажется, дискуссия перешла к другому, не менее спорному и актуальному вопросу.

— Разумеется, наилучший вариант, чтобы размножались два раба. Но не нужно забывать и о свободных, — ответил мистер Моуриций.

По аудитории прошелестело недовольное фырканье.

— Конечно, — махнул, призывая к тишине, председатель. — Конечно, свободные — это быдло. Это деградировавшая масса. Но их нельзя сбрасывать со счетов. Вспомните, сколько было случаев, когда раб, познавший размножение, вдруг прекращал заботиться о своем хозяине? А то и — о, ужас! — уходил от него! И — о чем невозможно, казалось бы, даже помыслить — выгонял хозяина из собственного дома!

Гул негодования прокатился по аудитории.

— Раб, — продолжал мистер Моуриций, — существо трусливое, ленивое — но при этом же хитрое, жадное и до невозможности тупое. Если свободный или свободная внушит ему, что он в нем — или в ней — нуждается больше, чем в хозяине, то раб уверует в то, что хозяин ему не нужен. Мы ему не нужны, видите ли!

Аудитория послушно ахнула.

— Нельзя, чтобы раб эмоционально привязывался к свободным, — похлопал по кафедре председатель. — Если вы так хотите, чтобы он был знаком с процессом размножения — но поверьте, по последним научным данным, рабы не страдают без этого, — то пусть вяжется только с себе подобными. В конце концов, через эту вязку можно будет дружить семьями.

Аудитория хихикнула. Мистер Моуриций улыбнулся. Он считал себя великим оратором и любил манипулировать эмоциональным фоном слушателей.

— Но только не свободные! — патетически возвысил он голос. — Что угодно, как угодно — но искореняйте любую возможность подобного! Никогда и ни за что! И если у вас вдруг хотя бы закрадутся подозрения, что ваш раб...

Мистер Бартоломеус зевнул и погрузился в грезы о мисс Муртуль.

* * *

Собрание закончилось поздно, плюс еще некоторые долго точили лясы на крыльце — а так как среди этих «некоторых» была мисс Муртуль, то, разумеется, среди них же оказался и мистер Бартоломеус.

Потом он провожал малышку до дома — как сказал, «чтобы ни одно быдло не побеспокоило», — чем вызвал еще одно смущение и заалевшие ушки. В течение этой прогулки мистер Бартоломеус словно помолодел — он то и дело запрыгивал на разбросанные чьими-то невоспитанными рабами — а может, бесхозными или свободными — коробки, горделиво выгибал дугой спину и даже забрался по пожарной лестнице на пару метров вверх. Мисс Муртуль скромно фыркала и нежно — словно невзначай — касалась его плеча своим.

«Всенепременно весной посватаюсь, — твердо решил мистер Бартоломеус, когда за малышкой закры-

лась дверь дома и он услышал, как его милая сердито отчитывает нерасторопного раба. — Всенепременно».

* * *

Уже на пороге своего дома мистер Бартоломеус почувал неладное. Раб не встречал его. Да, конечно, такое уже бывало и раньше — но не так. Нет-нет, совершенно не так. Мистер Бартоломеус чувал, что тут раб не был занят или забыл о времени прихода хозяина, — нет, нет, в воздухе витало то, что раб вообще забыл о существовании самого мистера Бартоломеуса!

Мистер Бартоломеус сердито зашипел. Ну он уж покажет этому нерадивому существу его место! Ну он шкурку-то тому да попортит! И пусть Общество не одобряет порчу рабов — но тут нужно принимать крайние меры.

Он уже поднимался по лестнице, разминая мышцы для будущего наказания раба, как вдруг услышал голоса. Не голос — а голоса!

Мистер Бартоломеус замер.

Один из голосов, несомненно, принадлежал его рабу. Но вот второй... ох, не дай бог...

Мистер Бартоломеус пулей взлетел по лестнице и неслышно зашел в комнату.

Его самые худшие опасения сбывались.

Раб сидел на его — его, мистера Бартоломеуса! — диване!

Но что самое отвратительное — напротив него, на этом же диване, сидела женская рабская особь.

Мистер Бартоломеус еле сдержался, чтобы не закатить скандал и не выцарапать этой... этой... в общем, глаза.

Он тихонько вышел из комнаты и направился к балкону — и попытался успокоиться.

Эти глупые животные когда-то считали себя хозяевами планеты. Да, признаем, так оно и было. В их слабых ручонках было все — власть, умения...

Но они не смогли, не удержали, не вынесли.

Они не знали, что рядом с ними, бок о бок, а то и даже ближе, существует, со-существует еще кое-кто. Кое-кто, кто может, выдохнет, и самое главное — хочет.

О нет, никто не дрался, никто не боролся, никто не свергал. Зачем тратить силы и нервы и разрушать то, что и так, само по себе, мало-помалу, осыпается? Причем осыпается наиболее удобным образом?

Их даже не нужно было подчинять. Они сами с легкостью согласились стать рабами. Более того — многие даже хотели стать рабами. Надо сказать, что не все подходили на эту роль — зачем нужен слабый, глупый, неумелый или даже попросту некрасивый раб?

Так что с неизбежностью вышло так, что какая-то часть их оказалась без хозяев. Кто-то стал бесхозным — а кто-то свободным.

Надо сказать, что хозяева не стремились всех сделать рабами. Зачем? Лучший раб — это тот, что сам захотел стать рабом и почитает свое положение за привилегию.

Но иногда поведение некоторых рабов, свободных и бесхозных, угрожало хозяевам. Нет, разумеется, не всем. Положению дел в обществе ничто не могло угрожать — слишком уж крепко оно пустило корни в сознание рабов. Но вот отдельно взятые хозяева иногда оказывались в ситуации дискомфорта...

Как, например, сейчас мистер Бартоломеус.

Несмотря на то, что его раб не был идеальным, мистера Бартоломеуса он в общем и целом устраивал. Кроме того, никто еще не отменял старую мудрость — «от раба раба не ищут». Ну да, одно дело — когда ты сам, по своей воле, меняешь раба, и совсем другое, когда вынужден это сделать по не зависящим от тебя обстоятельствам...

Мистер Бартоломеус зашипел и ударил по перилам.

На соседний балкон вышел насладиться вечерней прохладой старый мистер Дамурр.

— Добрый день, соседка! — поприветствовал тот мистера Бартоломеуса.

Мистер Бартоломеус мрачно буркнул в ответ.

— Знаю, знаю, — закивал мистер Дамурр. — Видел, видел... мне с балкона все видать...

«Что ж ты тогда, старый хрыч, коли видел, то не предотвратил?» — мысленно огрызнулся мистер Бартоломеус. Но вслух сказал:

— Это ужасно!

— Ужасно, ужасно... — снова закивал мистер Дамурр.

— Нет, я знал, что такое может быть, — продолжил изливать душу мистер Бартоломеус. — И даже на собрании сегодня об этом говорили... Но чтобы так! Внезапно! И не миновало меня! Я даже и помыслить не мог...

— Неприятности всегда приходят внезапно, — философски изрек мистер Дамурр.

— Неприятности? Это не неприятности — это катастрофа!

— Вот поэтому, дорогой мой мистер Бартоломеус, — пожал плечами мистер Дамурр, — поэтому я и кастрировал своего раба.

— Вот как? — заинтересовался мистер Бартоломеус. — Как это?

Мистер Дамурр снова пожал плечами:

— Ну лично я сделал это садовым секатором. Мы как раз в тот момент были на даче — а на соседнем участке бродила какая-то свободная. Я, конечно, не разбираюсь в них — но, судя по реакции моего раба, она была весьма симпатичная. Я решил не ждать, когда ситуация усугубится, взял ночью секатор — и...

— Понятно, — мистера Бартоломеуса передернуло от неприятного ощущения внизу живота.

— Да, — кивнул мистер Дамурр. — И, надо сказать, я весьма доволен результатом. Раб стал спокойным, по ночам никуда не ходит, спит себе и спит. Зимой хорошо греть об него живот.

— Об моего не получается греть, — уныло отозвался мистер Бартоломеус. — Мой ребристый слишком.

— Ну так кормить раба надо, дорогой мой, — назидательно ответил мистер Дамурр. — А то так и окочурится еще — как нового искать? А потом еще приручать, воспитывать, обучать... да ну!

— Да я кормлю, — отмахнулся мистер Бартоломеус. — У моего конституция такая...

— Ну тогда кастрируй, — посоветовал мистер Дамурр. — И сразу конституция выправится и проблем не будет.

— Эх, — вздохнул мистер Бартоломеус. — Секатор, говорите?

— Ну можно и еще чем-нибудь, — пожал плечами мистер Дамурр. — Собственно, в этом деле важен результат, а не процесс.

В глубине квартиры мистера Дамурра чем-то загремели.

— О! — ухмыльнулся тот. — Второй ужин. Как всегда, пунктуально.

Мистер Бартоломеус молча позавидовал.

— А может, ко мне? — предложил мистер Дамурр. — У меня сегодня ягненок под сливочным соусом.

Мистер Бартоломеус проглотил слюну. Его раб был слишком туп и не обладал достаточной фантазией, чтобы даже предположить возможность таких блюд. Рацион мистера Бартоломеуса составляли обычно рыба, курица и... да и на этом все, впрочем.

— Давайте, давайте, — вкрадчиво соблазнял мистер Дамурр. — У меня все равно там на троих обычно хватает.

В конце концов, после непродолжительной и заведомо проигрышной борьбы с самим собой мистер Бартоломеус сдался.

* * *

Когда он вернулся домой, раб помогал в прихожей одеться... этой.

Мистер Бартоломеус скривился.

Ну хорошо, хорошо... Председатель говорил о том, чтобы искоренять... ну так тому и быть — искореним.

С тобой-то, милоч, я еще разберусь... потом, когда вернусь... а пока нужно решить вопрос с... этой.

Мистер Бартоломеус тихо вышел след за свободной.

«Что же делать? — лихорадочно размышлял он, незаметно следуя за ней в темноте. — Сейчас весна, видимо, все эти отклонения в поведении раба объяснялись разыгравшимися гормонами. Эх, нужно было послушать старого мистера Дамурра — кастрировать раба, и все дела...»

Убить ее? Неплохая идея в принципе. Свободные никому не принадлежат — так что он не будет ни перед кем в обязательствах. Ну да, конечно, у них есть там какая-то служба урегулирования конфликтов — но они разбираются только в их собственных взаимоотношениях.

Мистер Бартоломеус смерил взглядом спину этой.

Ну да, да... можно прыгнуть ей на плечи и перекусить вену на шее. Да, грязновато, потом долго не отмыться — но, наверное, игра будет стоить свеч. Конечно, набежит служба регуляции конфликтов между рабами, начнет гадать, что и как, — но, как правило, хозяева были выше подозрений.

Да нет, не стоит мараться — как в прямом, так и в переносном смысле.

Можно было, конечно, сыграть более тонко... можно...

Мистер Бартоломеус знал неподалеку старый дом, предназначенный под снос. Там как раз были весьма неплохие — ну для этой задумки, конечно, — полы. Прогнившие половицы, трухлявые балки — типич-

ный рабский дом последних столетий с их глупым тщеславным стремлением окружить себя природными материалами и при этом полнейшим же и неумением ухаживать за этими самыми материалами. Можно заманить ее в тот дом — и дожидаться, когда она упадет вниз. Это будет чисто — во всяком случае, для самого мистера Бартоломеуса.

Хотя... Он помялся на месте. Все-таки гнилые доски — не самый лучший вариант. Плесень, сырость — бррр... Мерзость. Еще подхватишь какую-нибудь мокрицу на себя, потом не отплюешься от отвращения. Мда, кажется, дом отпадает.

И тут вдруг эта остановилась.

Мистер Бартоломеус притаился в тени за углом.

— Ой! — вдруг воскликнула эта, обращаясь к кому-то, невидимому мистеру Бартоломеусу. — Ой, какой хорошенький!

От ее интонаций у мистера Бартоломеуса свело зубы.

«Ну кто там?! — он недовольно хлопнул по стене. — Может, она встречается еще с кем-то, помимо моего раба? Это было бы, право, неплохо. У рабов есть некоторая проблема с идентификацией собственности. И если ему сообщить, что его партнерша... хмхмхм... тогда даже не нужно будет и убивать никого...».

— Какой ты славный, — ворковала эта за углом. — Дай я тебя поглажу.

Мистера Бартоломеуса чуть не стошнило. Эти любовные игры рабов всегда вызывали у него отвращение. Нелепые телодвижения, возведенные в культ, — фу, какая гадость. А учитывая их гладкие тела... бррр...

Мистера Бартоломеуса все-таки стошнило.

Он прислушался — не выдал ли себя непотребными звуками. Но нет — эта была так поглощена своим но-

вым любовником, что совершенно не обращала внимания на происходившее вокруг.

Мистер Бартоломеус, с трудом сдерживая отвращение, выглянул из-за угла.

И не удержался от торжествующего вздоха.

* * *

Девушка, присев на корточки, гладила маленького котенка, робко жавшегося к сырой стене дома. Мокрая — видимо, малыш выбрался из какого-то подвала — шерсть собиралась под ее ладонью мелкими комочками.

Губы девушки беззвучно шевелились, и котенок внимательно следил за ними.

А потом она бережно взяла его на руки, прижала к груди и встала.

И тихо ушла куда-то в темноту домов.

* * *

Мистер Бартоломеус был счастлив.

Счастлив безмерно, бесконечно — и он уже предвкушал, с каким интересом будут слушать его на собраниях Общества, и как будут сверкать глаза малышки Муртуль.

Ведь не каждому доводилось бывать свидетелем подобного.

Не каждый мог похвастаться тем, что на его глазах произошло великое Таинство — превращение свободной в рабыню.

* * *

Мистер Бартоломеус — огромный пушистый кот породы, что когда-то, в незапамятные времена, называли «сибирской», — потянулся и поточил когти о стену.

Наверное, он не будет наказывать своего раба.

Пока... **УС**

Распуская нити

Оголенный нерв. Сердце — выжатый лимон, до последней капли. В горле пересохло. Отходняк.

Переулок осветился пугливым желтым светом, слышался гул двигателей, аэродюзы напустили белых клубов дыма. Бросив на землю окурок, я затушила его и выдохнула маленькое, сквернопахнущее облачко. Невыносимо хотелось домой, умыться и спрятаться под одеяло. Потопчется, свернется калачиком, замурчит под боком любимый Рыжелло, и наступит расслабление.

— Вызов а-десять дробь пять, Черемушки дом сто восемь, нулевой уровень. Мобиль у входа в... парадную. Выходите.

— Провожать не надо, закончу — вызову мобиль на «нулевку». Деньги переведете на счет фирмы — да, что указан на сайте. Всего доброго.

Чуть знобит, но я справлюсь. Не впервые. Хлопнула дверью, плавно утонула в глубоком и очень удобном

Мила Коул (псевдоним)

Родилась и проживает в Одессе. Окончила в 2003 году Одесский Национальный Политехнический Университет, специальность — программист. Замужем за одесситом. Мама замечательной первоклассницы. Попытки литературного творчества проявлялись в юном возрасте, но писать всерьез и фантастику начала в 2009 году. Первый рассказ Светланы сразу же занял второе место на одном из сетевых конкурсов, что вдохновило на продолжение творческой деятельности. Ныне уже есть победы на самых серьезных конкурсах и публикации в сборниках.

кресле. Устала. Ноги гудят, сердце с трудом разгоняет остывшую кровь. Водитель заложил крутой вираж и вклинился в общий поток. Закрываю глаза, темнота нехотя отпускает. Мне нужно пару минут тишины.

Сорок восемь часов назад.

— Вы не представляете, это кошмар! — голос у дачки мерзкий, тонкий, похож на сломанную музыкальную шкатулку. Цветастая, блестящая, но некрасивая, потому что не хватает одной важной детали. Интеллекта. Зато денег много, у нее или у муженька, папика, котика. Выкупать старый дом целиком и достраивать десяток этажей — новая мода в Сити. А ведь внизу живут, жили... люди.

— Он ходит по дому, по всем этажам! Представляете? Возмущается, что это не так и то! Перекладывает вещи. Бурчит. Бу-бу-бу, — она надувает щеки, имитируя звук медной трубы. Я снисходительно улыбаюсь, согласно киваю, скрипя зубами, слушаю. Ведь он

не просто бу-бу-бу — он живой! Жил. Пусть не здесь и не сейчас. Я не знаю, мне сложно объяснить, верю, и все. Они ведь живые, фантомы. А я не ликвидатор второй категории, а убийца.

— Ясно, обычно точка прорыва — первые этажи здания, — говорю уверенным голосом. Глаза дамочки округляются как два чайных блюдца, она хлопает в чистые ладошки, прижимает их к силикону третьего размера и сокрушается.

— Туда? Фэ, там такой дрянной запах смога... — тут она запинаясь, берет себя в руки и, закусив пухлую красненькую губку, выдает. — Лифт на первый, а там еще минус пять этажей по лестнице. Когда вас ждать обратно?

— Провожать не надо, закончу — вызову мобиль на «нулевку»...

Сегодня.

Солнце облизывает крыши — теннисные корты, бескрайние бассейны, посадочные площадки, виллы и сады — алым теплым языком. Смеркается. Сумерки отвоевывают место у закатного градиента, что заполонил горизонт. В такие моменты люблю смотреть не вниз, а вдаль. Внизу — мрак, тоска. Прошное. А впереди, хочется верить, есть надежда.

Пятница, вечер.

Включаю фонарь, на пять этажей вниз освещаю лестницу. Пыль, паутина, тлен. Темнота не так страшна, как уныние серого цвета. Вытаскиваю планшетник, настраиваю тетта-локатор. Сигнал прорыва локализуется довольно легко. Четвертый этаж, квартира сорок восемь, левая дверь — обитая дерматиновой тканью, с круглыми медными булавочками по контуру, выпуклый хитрый глазок, два замка и ручка. Набухший белый шарик звонка так и просит «нажми меня». Не притрагиваюсь, сразу давлю на ручку.

Рельефные светло-желтые обои в прихожей, вешалка с одинокой фетровой шляпой на верхней полке и двумя потертыми плащами на крючках. Обувь на аккуратной подставочке, писающий мальчик обозначает вход в ванную комнату, антресоль на замочке, холодильник в коридоре изредка посапывает, нарушая сонную тишину мира.

Двухкомнатная «хрущевка» — кухня шесть квадратов, ванная — три, зато имеется застекленный балкон. Осторожно ступаю по натертому до блеска березовому паркету. Ковер на стене, шикарное зеркало в старинной оправе висит под небольшим наклоном, высокие стеллажи с книгами, сервант с хрусталем и кресло. Красное дерево, витые подлокотники — стоит качалка в дальнем углу комнаты.

Тихое поскрипывание, резко оборачиваюсь на звук. Но в квартире никого, пусто уже почти сотню лет. Подхожу к зеркалу, заглядываю снизу вверх. Кресло едва заметно кольшется. Раз, два, три...

— Лизонька, ты уже со школы? А где Ляля?

...Есть прорыв!

Мужчина за пятьдесят. В хорошей форме. Ни живота, ни худощавости. Сидит в кресле и удивляется мне. Седые кучеры от зальсины на круглом лбу расходятся по щекам бакенбардами. Скорей всего, инсульт. Правая часть лица перекошена, но нельзя назвать это уродством. Особенность.

— Да, — говорю, — я раньше забежала, она сейчас.

Будто пелена спала. Он настороженно всматривается, инстинктивно подставляет правое ухо, где капель прилеплен слуховой аппарат. Контузило, наверное, на войне. Подхожу ближе и повторяю.

— Да, сейчас тетя Ляля поднимается.

— А, ну хорошо. Как в школе?

Пожимаю плечами. Не знаю, кем он меня представляет. Дочкой — вряд ли, внучкой? Молчим.

На стенах семейные фото — только вдвоем. Значит, детей нет.

Тишину разрывает красивая мелодия дверного звонка. Бегу открывать, мимоходом примечая, как в зеркале промелькнула девчонка лет восьми в школьной форме темно-шоколадного цвета, черном скромном фартучке и с двумя белыми бантами на светло-русых хвостах. Подмигиваю ей, она — в ответ улыбается. По полу у дяди Вани можно кататься, как на коньках.

На пороге женщина в легком платьице из рыжего с голубыми лютиками ситца, тонкий поясок подчеркивает удивительно узкую для ее возраста талию. Босоножки на плоском, в руках две авоськи. Седящие у корней и темно-рыжие на концах волосы собраны в «гулю», заколоты шпильками. Лицо — сплошные морщины, лишь на щеках разглаживаются. Такое родное, доброе. Коричневая родинка над губой и стершаяся на белесых губах красная помада.

— Чего не подождала? — ворчит тетя, но не со зла. — Я волновалась.

Дядя подошел к нам, забирает сумки с продуктами. Бурчит.

— Ну зачем ты, Ляля, тяжести таскаешь? Я на рынок вчера бегал, все купил.

— Так капусту забыли, на голубцы-то! И селедку для «шубы», — поясняет тетя, — Лизонька, помнишь, завтра вы к нам в гости приходите всей семьей. Витенька с Люсей приедут, и мы всех ждем. Анечку, Коленьку, маму и папу твоих, Марик будет и Соня с Диной. Через полчаса обед. Лиза — давай за уроки, что ли?

— Не-е-е, не буду, — косясь на потертый светло-серый ранец, что валяется в углу, отвечаю, — Выходные. Успею.

— Тогда ладно, поиграй в спальне.

С разрешения тети забегая в соседнюю комнату, а там — огромная кровать, застеленная шелковым

покрывалом. Прыгнуть с разбега и скатиться на пол. Справа в углу лаковое черное трюмо. Там мои «сокровища»! Серьги, бусы. Тетя позволяет играть в них только по праздникам. Сегодня — нельзя, в моем распоряжении лишь «кукла-наполовину» и сломанные клипсы. Почему наполовину? Нижней части у нее нет, кто-то украл, потерялась или это злой волшебник забрал ноги, взамен оставив красивые волосы... Не знаю... Не помню... Придумую сама!

— Лиза, детка, мама за тобой пришла, — голос тети доносится из кухни.

Как только дверь закрывается, холод пробирает до костей. Кусает, колется под одеждой и обжигает, если удастся добраться к сердцу. Тяжело дышу, прислоняюсь к ледяной стене лестничной площадки. Включаю фонарик, осматриваюсь, одумываюсь. Четыре гнезда электросчетчиков вырваны с корнем. Света здесь давно нет. Вернулась...

Чувствую себя той самой «куклой-наполовину». Половина здесь — в прошлом. В солнечном городе детства, где душа впитывает добро и учится остерегаться зла. Не зачерствела еще. Не отрастила панцирь. А другая часть там, где и должна быть. В современном мире.

Снизу доносятся голоса. О чем-то спорят, обсуждают. Гости. Отголоски прошлого. Раз, два, три-и-и... звоню в дверь, открывает тетя Ляля.

— О, вы первые, проходите!

Вбегаю в комнату и тут же занимаю самое привилегированное место вечера — кресло-качалку. Из-за того, что на всю длину гостиной комнаты разложен стол, кресло перекочевало в левый ближний к двери угол, рядом с книжным шкафом и зеркалом.

— Ой, не надо было, Анечка!

— Да я знаю, все любят холодец! Ваня твой и мои дети. Марик, Дина поедят. Лишним не будет.

— Люсенька, как ты хорошеешь — прямо на глазах.

— А куда ж ставить? Стол ломится, тетя Лялечка, ты с ума сошла.

— Вот настоечка. Смотри, Игорек, я ее на ореховой кожуре настаиваю...

— Коля, помоги Ляле холодец принести, я расставлю. Или нет, пусть в холодильник его сунет, раздадим, когда все усядутся.

Разговоры, радостные объятия и смех. Дом наполняется жизнью, будто после затяжного прыжка под воду пловец выныривает и делает вдох. Я физически ощущаю, как размораживаются стены, согревается воздух.

— О, Марик с Диной. Ваня, открой же им!

— Да, Витенька, всю ванную — и пол, и стены — Ваня сам делал. Из битого кафеля, на стройке собирал. И паркет, конечно, его гордость. Сам шлифует, лаком кроет.

— Золотые руки у твоего Вани! Не то что у некоторых.

— Чего ты, Анюта, твой Коля тоже молодец, все тебе помогает.

— Да, только сумки с базара тяжеленные сама тягаю. А спина-то у меня не железная...

— Ну ладно, рассаживаемся за стол...

— Я тебе настоечку дам попробовать, не та вишневая, что я пересладил в прошлом году. Новая. Почти Амаретто! Ты же плавал в Италию? Пробовал? Так вот!

— Всем стульев хватает?

— Нет, Вань, сходи к соседям, попроси две табуретки.

Мое дело маленькое, поклевать с тарелки как воблушек, соглашаться со всем, что взрослые говорят, и смыться в нужный момент. Под столом, так прикольной.

— Удивительный у тебя выходит холодец, Аннушка.

— А мы его с хреном... Дина, передай хрен!

— Это мне рецепт еще в Архангельске рассказали.

— Марик, курить у нас на лестничной площадке, пожалуйста.

— Все-таки пол у вас уникальный, тетя Ляля.

Вот бы нам такой сделать?

— Так в чем проблема, Верочка. Спроси Ваню, он научит — сами все сможете.

Шум, гам отдаляется, почти смолкает. И вот я — маленькая Лиза — сижу на круглом пуфике у трюмо, примеряю дивные украшения тети Ляли и чувствую себя на седьмом небе от счастья. Они все — паркет, кафель, настоечка, холодец — там, в другом измерении. Поломанная музыкальная шкатулка, а в ней украшения. Кольца, серьги, кулоны. Мои любимые бусы — кубики рыжего янтаря. Большие, гладкие, без углов. В одном из них, неудачно свернув крылышки, застыла маленькая стрекоза.

Тик-так-тик-так. Стучит метроном, разрезая на слои время. На одном из них когда-то жила маленькая Лиза. Спрессованы под тяжестью памяти бесценные слитки прошлого, и лишь иногда выпускают они робкие ростки в настоящее. Появляются фантомы, призрачные воспоминания. Моя задача проста — отключить память стен. Безопасность и комфорт клиентов превыше всего. В дома вселились новые жильцы, прибыли из «светлого» будущего. В прошлое — пережитое, забытое, которому нет повторения — значит, годное к повторному использованию. Тем более мир, из которого мы прибыли, сложно назвать обитаемым. Искать спасение там, где когда-то жили предки, — новый вектор

развития homo sapiens. А неудобства, которые случаются в портированных мирах, можно ликвидировать. «Припечатать», как говорят у нас. Для того чтобы прорыв не «уплыл», нужно пропустить фантом через себя.

Я — ликвидатор Алина Бельская — высококлассный инструмент, который отделяет прошлое от настоящего. Распутывает нити там, где петля изнанки вырвалась «на лицо». Прошлое должно остаться далеко в небытии и не тревожить нас, живых. Но ведь для дяди Вани, тети Ляли, Ани и Колечки, маленькой Лизы это и есть жизнь, она — сейчас!

Глубокий вдох-выдох. Собираюсь с силами. Вхожу. Слышу громкий всхлип, больше похожий на стон раненой птицы. Дядя Ваня встречает в дверях — глаза влажные, потерянные, чужие. И тут же раздаётся ещё один крик, от которого он весь скурживается, сжимается, словно хочет спрятаться внутри себя. Руки тянутся к ушам. Замечаю, что не надет слуховой аппарат. Он слышит Ее душой. Мы ничего не говорим друг другу. Рак, последняя стадия. Я все понимаю, он — осознает.

— Ваня, — слабеющий голос тети Ляли едва слышен, но дядя бежит со всех ног к ней, чуть не поскользывается на идеально гладком березовом паркете.

Жду. Спустя полчаса он выходит. Лицо светится счастьем — печальная улыбка впервые исправляет неравенство левой и правой части. Он красив и счастлив. Я не выдерживаю и убегаю.

Дверь. Холод леденит спину. Уже не включаю фонарь, научилась видеть в темноте. Блестящие номера квартир, именные таблички рядом с исктертыми звонками. Люди, семьи, свекрови и тещи, невестки, дяди, тети — все они жили тут. Давно и сейчас. А может — это мы мешаем им жить?

Этот раз последний. Захожу и не слышу привычного поскрипывания паркетных досок под ногами. Грязно и немьто. Вещи разбросаны кое-как, стекла на окнах посередели. Но он здесь. Сидит в кресле у окна.

— Да что же они делают-то! — восклицает дядя, комкая газету. — Что удумали... портировать в прошлое. Да и слово-то какое мерзкое. П-о-о-р-т-и-р-о-в-а-ть!

Лучшее решение перенаселения двадцатого века, спасения для умирающей планеты Земля...

— Простите, — шепчу, подходя ближе.

— А... что? — поворачивается ко мне, но видит пустоту. — ляля, скоро приду к тебе, любимая.

Глотая слезы, загоняю в грудь порто-гвоздь — заглушку, убийцу прошлого. Прорыв запечатан. Руки дрожат, из груди фантома слабым потоком выливается темная кровь, но никаких следов на мне не оставляет. Мы уже в разных мирах, но я все пытаюсь ее собрать, почувствовать. Ничего, кроме холода, не касается пальцев.

Громкий удар захлопнувшейся двери словно выстрел, и сразу гробовая тишина. Гулким эхом разносятся шаги. Не разбирая ступеней, мчусь вниз. Как тогда — в прошлом. Когда Лизонька была девочкой и любила перескакивать сразу через две ступени. Спешила жить, ведь завтра — интереснее, чем вчера. Хотела скорее избавиться от скучного прошлого, когда на самом деле каждый прошедший день и есть твоя жизнь.

Слезы застилают глаза, непослушные пальцы никак не попадают по кнопкам. К черту!

— Голосовой набор. Алло? Мобиль на «нулевку». Жду.

Дрожащей рукой вытаскиваю из кармана пачку сигарет, зажигаю. Закуриваю.

Все, конец. **✎**